

ЕЖЕГОДНИК

**финно-угорских
исследований**

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 4

Ижевск

2010

Редакционный совет:

В.Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д.В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
А.Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н.Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А.С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В.М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
В.И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
Ю.А. Мишанин (Республика Мордовия, Мордовский ГУ
им. Н. П. Огарева)
М.В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
С.Сааринен (Финляндия, Турку)
К. Салламаа (Финляндия, Оулу)
Силард Т. (Эстония, Таллинский университет)
А.Ф. Сметанин (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
Е.П. Шеметова, генеральный директор издательства (Москва, МГУП)
Эва Тулуз (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж)
В.А. Юрченков (Саранск, НИИГН)

Редколлегия:

В.М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т.Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В.Н. Денисов (Санкт-Петербург)
М.Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А.С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А.В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р.В. Кириллова (Ижевск, УдГУ, ФУНОЦГТ)
Н.И. Леонов (Ижевск, УдГУ) – главный редактор
Р.Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г.А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А.Н. Прокопьев (Ижевск, УдГУ)
Ю.В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И.В. Тарakanов (Ижевск, УдГУ)
Н.А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
Г.Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 4

Ижевск

2010

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Н.И. Леонов*, доктор психологических наук, профессор,
проректор по научной работе УдГУ

Зам. главного редактора – *А.В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д.И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 4 / Науч. ред.
Н.И. Леонов; сост.-ред. А.Е. Загребин, А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова;
отв. ред. Д.И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет»,
2010. – 154 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам изучения социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыт разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется специалистам-историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам культурных учреждений.

ISBN 978-5-904524-13-5

© Удмуртский государственный университет, 2010

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	7
Контекст влияния	7
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	8
Орехова Н.Н., Лыскова И.Ю. Проприальная номинация в зеркале графики (на материале европейских языков)	8
Тамбовцев Ю.А. Степень влияния стиля и структуры лингвистического материала на звуковую картину мансийского языка	15
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	20
Шаронов А.М. О природе эпико-героической поэзии народа Эрзя.....	20
Панина Т.И. Формулы изгнания болезни в удмуртских заговорно- заклинательных текстах	36
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	46
Нефедова С.М. Своеобразие психологизма рассказов А.В. Ульянова (на примере рассказа «Батылы гөтыр» – Жена отцу)	46
Кудрявцева Р.А. Рассказ и другие жанры малой прозы (к вопросу о «вызревании» жанровой поэтики марийского рассказа).....	53
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	61
Кузнецов Е.П., Хуснуллин М.И., Семенов Ю.В., Русских А.Н. Ланд- шафтно-топонимические маркеры транзитных зон Великого Северного Пути	61
Садиков Р.Р. «Удмуртская» церковь в Башкортостане (к истории православного храма в Князь-Елге).....	70
Черных Е.М. Проблема происхождения традиционного удмуртского жилища в этнографических и археологических исследованиях.....	77

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО.....	85
<i>Файзуллина Д.Ф.</i> Элементы костюма населения Волго-Камья раннего железного века как начальная точка формирования традиционного костюма народов финно-угорской языковой семьи	85
<i>Косарева И.А.</i> Традиционное декоративно-прикладное искусство срединных удмуртов	93
ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ	99
<i>Родионова Е.В.</i> Изучение современной удмуртской и венгерской прозы с точки зрения феномена маргинальности	99
СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ	110
<i>Ботникова Е.А.</i> Соматический и психоэмоциональный статус учащихся общеобразовательных школ и гимназий города и села	110
<i>Шадрин В.А.</i> Состояние и развитие лесов центральной части территории Удмуртии (на примере природнохозяйственной системы села Люк Завьяловского района)	116
Часть 1. Условия и особенности развития в ландшафте, методы исследований	116
ОТЗЫВ.....	130
<i>Тараканов И.В.</i> О диссертации И.С. Насипова «Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия»	130
РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ	135
<i>Рогачев В.И.</i> Обрядовая поэзия русского и финно-угорских (мордовского) народов: сравнительный аспект	135
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2010 году в «Ежегоднике финно-угорских исследований»	147

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

КОНТЕКСТ ВЛИЯНИЯ

Выходит очередной Ежегодник финно-угорских исследований. В основу идеи Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологий, как и формирования материалов Ежегодника, положена концепция поликультурности (сосуществования и взаимодействия в условиях глобализации национальных и мировой культур). Эксклюзив этого года – ежеквартальность. Состав авторов – международный. В редакционном совете представлены ученые финно-угроведы ближнего и дальнего зарубежья. Данным (четвертым) выпуском завершается проект 2010 года, что является показателем ресурсности и перспективности участников Ежегодника.

Если в прежних его выпусках реализовывался принцип взаимодействия культур, то в нынешнем отмечается влияние финно-угорского мира на другие миры.

Появились новые авторы. Так, Р.Р. Садиков в статье «Удмуртская церковь в Башкортостане (к истории православного храма в Князь-Елге)» на основе публикаций и полевых источников рассматривает историю строительства (в конце XIX в.) православной церкви в д. Князь-Елга Илишевского района, ставшей культовым центром для местных «инородцев»: удмуртов, кряшен, мордвы. Основное число ее прихожан составляли крещенные удмурты Бирского уезда Уфимской губернии.

Продолжается изучение междисциплинарных проблем, в частности, актуальной проблемы социальной экологии.

В целом 2010 год был успешным в плане продвижения Ежегодника финно-угорских исследований, за что отдельная благодарность всем, кто принимал, принимает и будет принимать участие в его счастливой судьбе. Надеемся, как всегда, на новых авторов с новыми перспективными идеями.

Леонов Николай Ильич,

доктор психологических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: nikolasleonov@rambler.ru

Н.Н. Орехова, И.Ю. Лыскова

**ПРОПРИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ
В ЗЕРКАЛЕ ГРАФИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ)**

Статья посвящена эволюции прописных написаний в романских, германских языках с привлечением фактологии удмуртского языка. На материале письменных памятников I–XX вв. прослеживаются закономерности использования ПН, выявляется их функциональный потенциал. Продемонстрированы общие и этноспецифические особенности употребления ПН, отмечаются закономерности использования ПН на основе семантического, аксиологического, традиционного, экспрессивного критериев. Актуальность проблематики не ослабевает: ПН активно используются в современных СМИ и электронном ресурсе, однако масштабное употребление ПН приводит к снижению дистинктивности не только данной зоны, но и письменного кода в целом, что стимулирует поиски нормативного регулирования.

Ключевые слова: прописные написания (ПН), прототипическая ситуация, дистинктивная функция, аксиологический приоритет, ментальные представления, ономастируемые классы, социокультурные ориентиры.

В европейской лингвистической традиции многие таксономические классы проприальной лексики регулярно репрезентируются графически посредством прописных/заглавных/маюскульных написаний. Вместе с тем прописные написания и прописные буквы как таковые отсутствуют в ряде письменностей Азии и (редко) Европы: китайская письменность, иврит, арабица, деванагари, руны Европы и Азии, грузинское письмо.

На сегодняшний день прописные написания (ПН) полифункциональны, по-разному прагматически ориентированы: 1) участвуют в членении текста (абзац) и делимитации предложения; 2) маркируют проприаты и примыкающие к ним группы слов; 3) оформляют акронимы; 4) дистинктивный потенциал ПН активно используется в письменно-печатной практике, рекламе, электронных СМИ. Прописная буква является полноправным вариантом графемы (аллограф), ей свойствен не только увеличенный размер, но и (часто) специфическое начертание. В плане выделения конфигурация заглавных букв восходит к маюскулу и эпиграфике. Прием

озаглавливания соответствует общей тенденции варьирования, диверсификации письменного кода в процессе его эволюции. Увеличенный размер символов и их специфическое начертание усиливают дистинктивность кода. Неслучайно исторически первичным было участие ПН в композиционном и топографическом членении текста. Так, в египетских свитках начало текста выделялось цветом (лат. *ruber* «красный» > рубрика). Уже в раннем средневековье свитки на латыни как неперменный атрибут включают протозаглавие в виде писанных маюскулом традиционных формул *INICIPIT LIBER*, *EXPLICIT LIBER* (книга начинается ... заканчивается). После перехода на пергаменный кодекс страница стала восприниматься как графико-топографическое единство, что стимулировало рубрикацию посредством инициалов, нередко орнаментированных и иллюминированных (делимитация заглавия, название главы, раздела). Таким образом, первой прототипической ситуацией использования ПН была делимитативная функция.

Вторая прототипическая ситуация – это употребление заглавной буквы как дополнительного, факультативного маркера членения текстового континуума после точки. Точка в манускриптах маркировала любые относительно законченные части. Использование комплекса «точка + заглавная буква» – следующий шаг в длительном процессе осознания текста как состоящего из связанных общим замыслом, но в определенной мере автономных единиц. Спорадически данное употребление встречается в памятниках на латыни с конца VII в.: **segreget. Sed** *tamquam in heresim declinates ab ecclesiastico federe segreget. Sed hoc non omnibus placebat episcopis.* (Испания, VII в.). Те, кто склонились к ереси, отделились от церкви. Но не все назначили епископов [1].

Третья прототипическая ситуация – это собственно озаглавливание проприатов во всем многообразии таксономических подклассов. Озаглавливание собственных имен осуществляется по устоявшейся модели выделения частей текста посредством укрупненных начертаний, но безотносительно к функции членения. Содержательная сторона озаглавливания имеет другую мотивационную основу. В языковом сознании на определенном этапе осуществляется категоризация номинируемых денотатов на основе признака «единичность/уникальность – множественность». Данная оппозиция манифестируется в единицах письменного кода на иконической основе, в результате чего **аксиологически значимый денотат укрупняется графически.**

Попытаемся кратко охарактеризовать основные этапы озаглавливания проприатов в ряде европейских письменностей. Одним из первых опытов озаглавливания может служить надпись (граффити) из Помпеи (конец 70-х гг. I в. н.э.): *hec vanatio pugnabet. V k. Septembres et Felix ad ursos pugnabet.* Это сражение состоится за 5 дней до сентябрьских календ и Феликс сразится с медведями [5]. Озаглавливание антропонима *Felix* принадлежит к ранним, но довольно регулярным выделениям собственных имен в классической латыни. Однако маюскульное написание хрононима *September* достаточно необычно. Возможные интерпретации:

– инерция соположенности с традиционно (еще в эпиграфике) выделяемой точками цифирью, формирующаяся тенденция заглавных написаний любого слова после точки;

– особый личностный смысл хрононима, сражение именно в указанный срок с участием гладиатора Феликса.

Традиция озаглавливания антропонимов вскоре была унаследована вслед за христианизацией всеми латинопишущими языками Западной Европы, за исключением долго сохранявших руническую письменность и поздно христианизированных Скандинавии и Исландии.

Не прерывавшаяся латинская традиция озаглавливания проприатов получает дальнейшее развитие во французской письменности. В актовом источнике озаглавливаются имена правителей и топонимы, связанные с важными политическими событиями. В связи с часто совершаемыми паломничествами по святым местам озаглавливаются соответствующие топонимы, а также имена местных святых: Rome, Constantinoble, Anioche, Capadoce; Eulalia, Alexis, Leodegarius [4]. В соответствии с устоявшимся канон «писать имя Божье прикровенно» nomina sacra контрактируются и пишутся «безаглавно» под титулом [1:199]. Вместе с тем другие имена, упоминающиеся в Священном писании, озаглавливаются: Pilad, Erod, Noe, Abraham, David. Приблизительно с рубежа X в. довольно регулярно озаглавливается теоним Deu, Dieu.

Приращение корпуса озаглавливаемых имен и рост ономастируемых подклассов наглядно представлены в эпической поэме «Песнь о Роланде» (конец XI – начало XII вв.). «Песнь» повествует о достаточно ординарном событии в длительной истории соперничества за Пиринейский полуостров христианских народов и арабских завоевателей. Безымянный автор стоит на позиции общенациональной значимости военного похода, скрупулезно перечисляя топонимы – провинции Франции и сопредельных территорий, участвовавших в экспедиции: France, Espagne; Sarrauce; Breitaine, Peitou, Normendie, Provence, Lumbardis, Flandes. Озаглавливаются этнонимы Arab, Frank – едва ли не самое раннее прописное написание данного таксономического подкласса. В соответствии с общим духом героизации события маюскульное написание приобретает ойконим val de Ruen (долина реки Рюн, небольшого водного потока) – место, где погиб арьергард, возглавляемый графом Роландом [4].

Возникновение во Франции рыцарского романа на рубеже XIII в. связано с инновацией, получившей широкое и длительное распространение у латинопишущих, а позднее и у кириллопишущих народов. Это озаглавливание абстрактных апеллятивов, изначально обозначавших куртуазные, этические, общекультурные ценности: Chastee, Honour, Genius, Mort, Fortune, Corrupcion, Art, Natur, etc. В данном случае речь идет уже не о собственно онимах, а о ситуативно генерализированных номинациях, по сути противоречащих онтологии онимов как индивидуализирующего типа. Подобные номинации мотивированы личностно, аксиологически. Именно отсюда берет начало современное широкомасштабное узуальное озаглавливание денотатов на основе аксиологического приоритета, будь то прагматические соображения (реклама), этические установки, демонстрация уважения к высокому социальному статусу адресата или общественного института (Милостивый Государь; мой верный Друг; этот высокий Ареопак, кинотеатр STARLUX и др.).

Примечательно, что набиравшие силу во Франции (XIV–XV вв.) процессы централизации отразились и в графике, номинациях правителей. Так, королевская

титулатура представлена в ставших впоследствии традиционными формулах: Charkes, par lagrace de Dieu Roy de France, Nostre Sir – «Карл, милостью Божией Король Франции, наш повелитель». Ослабление политического влияния провинциальных правителей отразилось в строчных написаниях титулатуры: le roy de Navarre – король Наварры (Кабошьянский ордонанс 1413 г.; Хроника Валда. К. XIV – нач. XV вв. [5].

В письменности Германии процессы озаглавливания поначалу не отличались от общей тенденции следования латинским образцам. В 30–40 гг. XV в. церковный реформатор М. Лютер предпринял перевод Священного писания на немецкий язык. Доктор теологии Мартин Лютер, будучи человеком недюжинного критического ума, не мог не задаться вопросом: как осуществить перевод, сохранив слово Божье, Его послание всему человечеству, не допустив профанации Священной книги? В первой редакции перевода (приблизительно 1530 г.) Лютер упразднил уже выходящие из употребления в латыни контракции священных имен и расширил их репертуар (Newe Testament, Bapst), добавив титулатуру (Kaiser, Fürst, Hohenpriest). В редакции же 1546 г. озаглавливаются не только апеллятивы, тесно связанные с сакральным содержанием (Tempel, Schrifftgelerte, Wunder), но и широкий круг других апеллятивов (в переводе сохранены заглавные написания: (...) Vnd sprach zu jenen, Ts stehet geschrieben, Mein Haus soll ein Bethaus heissen. Ir aber habt eine Mudergruben draus gemacht. Vnd es giengen zu jm Blinden vnd Lamem im Tempel, und er heilete sie. Da aber die Hohenpriester vnd Schrifftgelerten sahen die Wunder, die er thet, vnd die Kinder im Tempel schreien <...> И говорил им, написано, Дом Мой домом Молитвы назовется. Вы же сделали его Вертепом разбойников. И приступили к нему Слепые и Хромые в Храме, и он исцелил их. Но Первосвященники и Книжники видели Чудеса, которые он сотворял, и Детей в Храме (которые) восклицали <...> [10:183].

В последующий период практика использования ПН в немецких диалектах еще больше расширяется. Особый вклад в это внесли ведущие грамматисты и орфографы XVIII в. – Фрейер (1722), Готшед (1748), Аделунг (1788) [7, 8]. Спор о строчном или заглавном написании существительных не прекращался, о чем свидетельствуют высказывания грамматистов [8]: Фрейер (1722) выступает за маюскульное написание существительных и ссылается на всеобщий узус использования ПН. Антесперг (1747) называл маюскул «uralte Gewohnheit» – древним обычаем, который придает словам их естественный образ, красоту и содержание. Строчная же буква, по Готшеду (1757), «büße Gewohnheit» – она свидетельствовала о жадности издателей. Далее у Готшета звучит патриотический мотив использования маюскула – это традиция, которая так выгодно выделяет немецкий язык среди других. Дискуссия о необходимости сохранения прописных написаний существительных-апеллятивов продолжается и сегодня [6, 11, 12]. Проведенная в Германии и других немецкоговорящих странах реформа орфографии (1998–2005 гг.) дает пишущему больше свободы в оформлении высказывания; узаконена вариативность отдельных написаний (последнее спорно и грозит утратой унификации как конститутивного признака современных письменностей). Вместе с тем ПН существительных, вопреки первоначальным замыслам и имевшему место консенсусу по данному вопросу, упразднить не удалось [9]. Выдвигались аргументы структурного, перцептивного, психологиче-

ского характера; в защиту традиционного маюскула как высокодистинктивного графического ресурса выступили известные языковеды, писатели, публицисты (Д.К. Хек, М. Круг, Г. Кунерт, Р. Кунце, нобелевский лауреат З. Ленц). В пылу полемики упускается весьма важная деталь: на фоне маюскульных написаний апеллятивов именно проприаты теряют свою дистинктивность. К тому же не учитывается опыт, осуществленный в ходе реформ орфографии датского и фризского языков (к. 1940 – нач. 1950 гг.), – полный отказ от маюскульных написаний апеллятивов [11, 12].

Наши наблюдения были бы неполными без обращения к удмуртской письменности. По хронологии она относится к «среднеписьменным» системам (в отличие от младописьменных) и, по нашему мнению, восходит к раннему письменному памятнику на кириллической основе – Евангелию от 1847 г. Это канонически выверенное издание точно следует русской орфографической норме того времени с учетом жанра. Прописными написаниями отмечены сакральные имена и соответствующие местоимения, номинации других лиц, топонимы:

Улыз-но отын Ирод кулытозь, мед тупалоз верам-эз Инмар-лэн Пророк мыын, кудыз вера: Египтысь эти мон пимэ аслэсьтым [3 : 25]. Примечательно, что рус. «Господь» передается посредством номинации верховного божества – Инмара, возглавляющего триаду верховных божеств у удмуртов. В целом сфера проприальной номинации отмечена ощутимой графической спецификой. Мы проанализировали известный источник «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» в 5 частях, вышедший в Вятке в 1888–89 гг. Автор-составитель этого уникального памятника – Николай Григорьевич Первухин, инспектор народных училищ Глазовского уезда. Помимо богатого и многогранного этнографического материала, не может не вызвать глубокого уважения неподдельный интерес Н.Г. Первухина к верованиям, обрядам, подробностям быта удмуртов – коренного населения Глазовского уезда и сопредельных территорий. Чувство такта, объективность без тени менторства или снисходительного отношения к «суевериям» – довольно редкие для того времени качества воцерковленной личности и государственного служащего.

Проприаты в «Эскизах» представлены следующими таксономическими классами: теонимы (номинации божеств), этнонимы (номинации удмуртских родов), топонимы (гидронимы).

Многочисленный пантеон божеств удмуртов представлен прописными написаниями триады богов «первого ранга» (1) и божеств более низкой иерархии (2)

(1)	<i>Инмар</i>	<i>Вожо</i>
	<i>Кылдысин</i>	<i>Вумурт</i>
	<i>Квазь</i>	<i>Нюлэсмурт</i>
	<i>Керемет/Кирмет/Шайтан</i>	<i>Воршуд</i>

- (2)
- Акишан* – повелитель времени дня, чаще – сумерек
 - Кутыс* – хранитель ручьев, рек
 - Пери* – ветер, вихрь
 - Чер* – бог лошадей и лошадиных болезней
 - Нюлэс* – покровитель леса

Принадлежность к роду и само понятие рода являлись аксиологически значимыми для удмуртов автохтонного этноса бассейна рек Вятки и Чепцы. Это зафиксировано Н.Г. Первухиным в этнонимах – номинациях родов: *Пыбья*, *Чабья*, *Пурга*, *Бигра*, *Цыбья*, *Чура*, *Чола* и др. (свыше 50 номинаций). Сакральный предмет – символ рода, специально изготовленный короб – также имеет прописное написание: Воршудный короб. Ритуальный напиток, сопровождавший праздники (*Гербер*, *Вожо*), тоже номинирован прописным написанием – *Лемь-нянь* (смесь пива, браги и кумышки) [2, I, С. 22–61].

Духи низшего ранга, в номинациях которых присутствует корневая морфема – *мурт* (человек), отмечены вариативным прописным или строчным написанием:

Луд-мурт – полевик

Корка-мурт – покровитель работ по дому

Гид-мурт – домовый, который живет в конюшнях

Тодьы-мурт – банник

Обинь-мурт – хозяин овина [2, II, С. 85–100]

Палэс-мурт – людоед

Адями-сиись – людоедка [2, III, С. 5, 6].

Для гидронимов принято прописное написание: Чупчы, Пызэп ю шур мумез! О Чепца и Пызеп матушки! (Молитва на проводах льда) [2, III, С. 10].

Примечательны молитвы, сопровождавшие обрядовые действия. Часто молитва, независимо от конкретного ритуала, начиналась с обращения к воршудам и триаде главных богов: *Остэ, Инмарэ, Кылдысинэ, Квасьэ, Воршудэ...*

В молитве о новорожденном мальчике, помимо триады главных божеств, упоминаются воршуды отца и матери: *Остэ Инмарэ, Кылдысинэ, Квасьэ, Воршудэ Дурга, Чабья!*

Молитва, приуроченная к конкретному времени, месту и «адресату», содержала просьбу:

Понимъ-пестерын нуымон сет, ву-мурте, Чупчи матушка-э! Подай нам, водяной Чепца-матушка, чтобы наполнились наши обширные пестери! Из рыбацкой молитвы [2, III, С. 55].

В качестве краткого резюме отметим, что процессы проприальной номинации, представленные в графике прописных написаний имен, в содержательном плане отражают аксиологически значимые реалии и концепты социокультурной, политической и религиозной сфер, а также личностные модусы говорящего/пишущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Добиаш-Рожественская, О.А.* История письма в средние века. – М.: Наука, 1987.
2. *Первухин, Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев. Ч. I–V. – Вятка: Губернская типография, 1888–1889.
3. Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск УИИЯЛ УрО РАН, 2003.
4. *Шишмарев, В.К.* Книга для чтения по истории французского языка. – Л.: Наука, 1954.

5. Щетинкин, В.Е. Практикум по истории французского языка. – М.: Высш. школа, 1984.
6. Deutsche Orthographie. – 3, neu bearb. Aufl. unter der Leitung von D. Neriус. Duden-verlag. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich. 2000.
7. Mentrup, W. Duden “Wann schreibt man groß, wann schreibt man klein?” Regeln u. ausführl. Wörterverz./von Wolfgang Mentrup. – 2, neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1981.
8. Neriус, D. Untersuchungen zu einer Reform der deutschen Orthographie. Akademie-Verlag / D. Neriус. – Berlin. 1975.
9. Stichel, G. Zum Streit um die Reform der deutschen Rechtschreibung / Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 1998. – S. 317–337.
10. Wolff, G. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch. – Tübingen / Basel: Francke, 1999.
11. Электронный ресурс: <http://www.ids-mannheim.de>
12. Электронный ресурс: <http://www.rechtschreibrat.com>

Поступила в редакцию 17.08.2010

N.N. Orekhova, I.U. Lyskova

**Proprial nomination in the mirror of graphics
(based on the material of European languages)**

The article is devoted to the evolution of capital writing in Romanic, Germanic languages with the involvement of the Udmurt language factual knowledge. Common and ethno-specific peculiarities of use of CW are shown, principles of CW use on the basis of semantic, axiological, traditional, expressive criteria are noted. CW is used actively in modern mass media and electronic resources, however great use of CW leads to distinctiveness decrease of not only this zone but writing code in whole and that stimulates the searches of normative regulation.

Key words: capital writing (CW), prototypical situation, distinctive function, axiological priority, mental conceptions, sociocultural key points.

Орехова Наталья Николаевна,

доктор филологических наук, профессор,

ГОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт
им. В.Г. Короленко»;

Лыскова Ирина Юрьевна,

кандидат филологических наук, доцент,

ГОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт
им. В.Г. Короленко»

г. Глазов

E-mail: lyskovair@mail.ru

УДК 81'34(811.511.143)

Ю.А. Тамбовцев

**СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ СТИЛЯ И СТРУКТУРЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
НА ЗВУКОВУЮ КАРТИНУ МАНСИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Целью работы является исследование степени влияния типологии строения звуковых цепочек в разных стилях мансийского языка на его звуковую картину. Влияние структуры лингвистического материала проверяется при сравнении мансийского текста и словаря.

Ключевые слова: звуковая цепочка, языковые стили, звуковые расстояния, языковой таксон.

Под звуковой картиной языка понимается вся совокупность звуковых цепочек на этом языке. Необходимость исследования звуковых цепочек в разных стилях вызвана тем, что они могут иметь кардинально разные звуковые картины. Разница между звуковыми цепочками в семантически связанных текстах и в словаре может быть еще более кардинальной. В то же время общая звуковая картина языка включает в себя все эти различия, и потому по возможности должна быть описана наиболее полно.

Уже древние философы интересовались структурой различных языков поскольку между народами существовали тесные культурные и торговые контакты. Анализ древнегреческого языка приводил их к выводу об отличии его звучания и грамматического строения от языков других народов. Одним из первых над природой звуков языка в сопоставлении с общими принципами построения мира задумался Демокрит (460–370 г. до н.э.). Его основной методологический принцип, который называется принципом изонимии, можно сформулировать следующим образом: если то или иное явление возможно и не противоречит законам природы, то необходимо допустить, что в беспредельном времени и на беспредельном пространстве оно либо когда-то уже имело место, либо когда-нибудь наступит: в бесконечности нет границы между возможностью и существованием. Из этого принципа следует закон встречаемости звуков в потоке речи. Этот принцип называют ещё принципом отсутствия достаточного основания: нет никакого основания для того, чтобы считать, что какое-то явление скорее существовало в такой, чем в какой-либо другой форме. Отсюда следует, в частности, что если какое-то явление в принципе может возникать

в различных видах (например, разные виды фонем в разных языках, которые употребляются с той или иной частотой), то все эти виды существуют в действительности (ФС 1980). Фактически это формулировка вероятности, которую можно изучать с помощью методов математической статистики. В наших исследованиях это воплощается в вероятность встречаемости фонем в звуковой цепочке (Тамбовцев, 1994-а; 1994-б; 2001; 2003), что придает звуковой картине особый колорит.

Б.А. Серебренников отмечал, что частота встречаемости звуков в потоке речи у разных финно-угорских языков – разная (Серебренников 1983). Необходимо учитывать и то, что концентрация фонемных групп в звуковой цепочке языка способствует переходу количества в качество. Гегель сформулировал этот закон на материале природных объектов и человека. И любой человеческий язык этому закону подчинен (Hegel 1978). Но без применения методов лингвостатистики он ускользает от внимания лингвиста (Tambovtsev 1987). Д.М. Сегал подчеркивает, что без применения статистических критериев было бы невозможно установить разницу звуковых картин у различных польских писателей (Сегал 1972). Применение статистических критериев позволяет установить разницу и схожесть частотного функционирования языковых элементов (Tambovtsev 2009).

Известно, что северный (сосвинский) диалект выбран в качестве представителя литературного мансийского языка (Тамбовцев 1979; Tambovtsev 1995). Частота встречаемости его фонем и фонемных групп уже была исследована в сопоставлении с венгерским языком (Тамбовцев 1977).

Были выбраны доминантные фонетические принципы, которые характерны не только для мансийского языка, но и для других финно-угорских языков (Тамбовцев 1981). С точки зрения работы активного органа выделены такие группы согласных, как губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные, что можно также назвать классификацией согласных по месту образования. По характеру шумообразующей преграды выделены сонорные, шумные смычные и шумные щелевые. По работе голосовых связок выделены звонкие согласные и гласные (Тамбовцев 2001; Тамбовцев 2010).

С учетом порогового значения коэффициента Тамбовцева (ТМВ) лингвистические объекты, которые взяты для анализа, классифицируются на основании показателей типологических расстояний. Идея вычисления фоно-типологических расстояний позволила сравнивать различные финно-угорские языки с теми самодийскими, тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками, с которыми мог быть контакт в прошлом (Tambovtsev 1983).

Материал по мансийскому фольклору был собран автором на Северном Урале в районе расселения манси с 1973 по 1986 год. Нами были записаны мансийские мифы, сказки, предания, бытовые рассказы, рассказы о животных, охоте и рыбной ловле от 18 носителей мансийского языка, из которых самую активную роль при записи материала сыграли Петр Ефимович Шешкин (1932 г. р.) из с. Сосьва; Сайнахов Петр Андреевич (1915 г. р.) и Сайнахов Григорий Николаевич (1917 г. р.) из д. Щекурья Березовского района, Ханты-Мансийского национального округа, Тюменской области. Более подробную информацию о носителях мансийского языка и записях текстов можно найти в: Тамбовцев, 2009.

Статистический подсчет дает нам следующую звуковую картину фольклора по Северному (сосьвинскому) диалекту мансийского языка:

Таблица 1

**Сравнение звуковой картины мифов и рассказов о животных
в мансийском языке**

Группы / Фольклор	Мифы	Рассказы	Хи-квадрат
Губные согласные	13,05	13,11	0,01
Переднеязычные согл.	34,49	30,34	26,57
Среднеязычные согл.	4,79	7,21	48,80
Заднеязычные согласные	10,47	10,11	0,63
Сонорные согласные	29,90	32,96	14,90
Смычные согласные	16,34	16,62	0,24
Щелевые согласные	16,56	11,19	103,92
Звонкие согласные	2,61	2,21	3,32
Гласные	37,20	39,23	5,39

Из теории математической статистики известно, что разница между двумя значениями по критерию “Хи-квадрат” не должна превышать 3,841. Если она больше, то значения признаются статистически разными. В лингвистических исследованиях это означает, что тексты различны. Анализируя встречаемость различных групп фонем в текстах мифов и песен, нельзя не заметить статистическую разницу в употреблении переднеязычных, среднеязычных, сонорных, щелевых согласных и гласных. Употребление губных, заднеязычных, смычных и звонких согласных – статистически одинаковое (Табл. 1).

Сумма “Хи-квадрата” по употреблению всех групп фонем составила 203,78. Теоретическое значение согласно таблице при 8 степенях свободы и уровне значимости 0,05 равно 15,507. Вычислим величину ТМВ при 8 степенях свободы и уровне значимости 0,05. Для этого мы должны разделить фактически полученное значение критерия “Хи-квадрат” на его теоретическое значение: $203,78:15,507=13,14$. Следовательно $ТМВ=13,14$. Данное значение говорит нам о том, что по общей звуковой картине мифы отличаются от рассказов о животных. Если бы значение ТМВ было меньше единицы, то мы бы говорили о статистической схожести этих звуковых картин.

Далее проанализируем схожесть звуковой картины мифов и песен по критерию “Хи-квадрат”.

Статистическая разница между мифами и песнями несущественна по частоте встречаемости губных, среднеязычных, заднеязычных, сонорных, смычных и звонких согласных. Сумма “Хи-квадрата” составила 56,92. Теоретическое значение согласно таблице при 8 степенях свободы и уровне значимости 0,05 равно 15,507. Вычислим величину ТМВ при 8 степенях свободы и уровне значимости 0,05. $56,92:15,507=3,67$. Следовательно $ТМВ=3,67$. Как видим, статистическая схожесть мифов и песен значительно выше, чем мифов и рассказов о животных. Тем не менее, звуковые картины мифов и песен статистически различаются, так как величина ТМВ больше единицы.

Таблица 2

Сравнение звуковой картины мифов и песен в мансийском языке

Группы / Фольклор	Мифы	Песни	Хи-квадрат
Губные согласные	13,05	13,35	0,34
Переднеязычные согл.	34,49	31,97	9,56
Среднеязычные согл.	4,79	5,05	0,69
Заднеязычные согласные	10,47	10,43	0,01
Сonorные согласные	29,90	30,35	0,34
Смычные согласные	16,34	17,24	2,41
Щелевые согласные	16,56	13,21	37,69
Звонкие согласные	2,61	2,43	0,64
Гласные	37,20	39,20	5,24

Таблица 3

Сравнение звуковой картины мифов и словаря в мансийском языке

Группы / Фольклор	Мифы	Словарь	Хи-квадрат
Губные согласные	13,05	12,99	0,01
Переднеязычные согл.	34,49	27,42	80,74
Среднеязычные согл.	4,79	7,61	64,13
Заднеязычные согласные	10,47	12,36	15,64
Сonorные согласные	29,90	30,19	0,14
Смычные согласные	16,34	17,07	1,60
Щелевые согласные	16,56	13,12	39,87
Звонкие согласные	2,61	2,65	0,03
Гласные	37,20	39,62	7,62

Сумма “Хи-квадрата” составила 209,78. Теоретическое значение согласно таблице при 8 степенях свободы и уровне значимости 0,05 равно 15,507.

Вычислим величину ТМВ при 8 степенях свободы и уровне значимости 0,05. $TMB=13,53$.

На основе величины фоно-типологических расстояний, которые отражает коэффициент Тамбовцева (ТМВ), можно сделать вывод о том, что на степень различия звуковых картин различие в структуре лингвистического материала (текст-словарь) влияет в большей степени, чем разные стили языка (ср. 13,53 – 13,14 и 3,67).

ПРИМЕЧАНИЯ

Сегал, Д.М. Основы фонологической статистики (на материале польского языка). – М., 1972.

Серебренников, Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М., 1983.

Тамбовцев, Ю.А. Распределение гласных фонем в звуковых последовательностях мансийского языка (по материалам поэзии) // Известия СО АН СССР. Сер. Обществ. наук. Вып. 3. – 1979. – № 11. – С. 138–142.

Тамбовцев, Ю.А. Закономерности частотного функционирования долгих и кратких гласных в ударных и неударных слогах мансийского слова // Советское финно-угроведение (СФУ). – XVIII. – 1981. – № 2. – С. 105–109.

Тамбовцев, Ю.А. Динамика функционирования фонем в звуковых цепочках языков различного строя. – Новосибирск: НГУ, 1994-а.

Тамбовцев, Ю. А. Типология упорядоченности звуковых цепей в языке. – Новосибирск: НГУ, 1994-б.

Тамбовцев, Ю.А. Некоторые теоретические положения типологии упорядоченности фонем в звуковой цепочке языка и компендиум статистических характеристик основных групп согласных фонем. – Новосибирск: Новосибирский классический институт, 2001.

Тамбовцев, Ю. А. Типология функционирования фонем в звуковой цепочке индоевропейских, палеоазиатских, урало-алтайских и других языков мира: компактность подгрупп, групп, семей и других языковых таксонов. – Новосибирск: Сибирский Независимый институт, 2003.

Тамбовцев, Ю.А. Вариативность долгих и кратких гласных в мансийском языке // Финно-угорский мир. – 2009. – № 1. – С. 22–27.

Тамбовцев, Ю.А. Частота встречаемости фонемных групп и классов в звуковых цепочках финно-угорских языков и диалектов // Ежегодник финно-угорских исследований. – Вып. 1. – Ижевск, 2010. – С. 125–133.

Философский словарь. – М., 1980.

Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. Gasammelte Werke. Bd. 11. – Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1978.

Tambovtsev, Yuri. Selected consonantal characteristics of some Finno-Ugric language from a phonostatistical point of view. – In.: Finnish-Ugrischen Forschungen, XLV, H. 1–3, 1983, p. 154–163.

Tambovtsev, Yuri. The Value of the Confidence Interval of the Consonant-Vowel Ratio as an Indicator of the Type of Linguistic Material // In: Literary and Linguistic Computing, Vol. 2, № 2, 1987, p. 120–124.

Tambovtsev, Yuri. Sound system of the Mansi language. – In: The Bulletin of the Phonetic Society of Japan, № 208, 1995, p. 56–58.

Tambovtsev, Yuri. The Imitation of Style: Frequency of Occurrence of Linguistic Elements. – In: California Linguistic Notes, Vol. XXXIV, № 2, Spring, 2009, p. 3–11.

Поступила в редакцию 21.04.2010

U.A. Tambovtsev

The influence degree of style and structure of linguistic material on the sound picture of the Mansi language

The aim of the work is the study of the influence degree of the sound chain structure typology in different styles of the Mansi language on its sound picture. The influence of linguistic material structure is checked when comparing Mansi text and dictionary.

Key words: sound chain, language styles, sound distances, language taxon.

Тамбовцев Юрий Алексеевич,
кандидат филологических наук, профессор,
Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск
E-mail: yutamb@mail.ru

А.М. Шаронов

**О ПРИРОДЕ ЭПИКО-ГЕРОИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
НАРОДА ЭРЗЯ**

В статье говорится о героической поэзии народа эрзя, раскрывается ее художественная природа, представлены основные сюжеты о древних божествах и героях, о борьбе добрых и злых сил.

Ключевые слова: мифы, герои, признаки мифа, социально-мировоззренческий взгляд, жанровый синкретизм.

В фольклоре эрзи большое место занимают произведения, содержащие признаки мифа, сказки и эпической песни. Древние по происхождению, они восходят к идеологическому и жанровому синкретизму устной поэзии. Синкретизм вообще характерен для народной поэзии на всех этапах ее развития, но в позднейшие эпохи, в связи с прогрессом исторического сознания певцов и сказителей, принимает форму взаимодействия между различными жанрами. Основными персонажами древности являются божества, мифологические существа и герои, выразители нравственных и социальных идеалов народа. Становление героя охватывает большой исторический период, так как обусловлено объективными причинами, экономическими и социальными процессами, протекавшими в первобытном и раннеклассовом коллективе. Этот период на пути к герою в эрзянском фольклоре отражает песенное сказание «Сэняша», названное по имени трехголового дракона-змеи. Сэняша, обладающая большой физической силой, – опасный и коварный противник. На ее земли проникает парень с саблей, застаёт ее спящей и отрубает ей две головы. Проснувшаяся и растерявшаяся от неожиданности змея во весь лес кричит от боли и страха и просит не отрубать ей последнюю голову, обещая за это все свои богатства, сказочного коня и самую красивую из трех дочерей [1, С. 211–214]. Парень знает, что и без этого все достанется ему и убивает змею. Вариант песни «Сэняша» называется «Миняша», где изображается семиголовая змея. Осматривая свой луг и родник, Миняша замечает следы парня и хочет достать его. Уставши в пути, она садится отдохнуть и засыпает. Парень застаёт ее спящей и отрубает ей вначале шесть голов, а потом – седьмую.

Поведение Сэняши (растерянность, просьба пощадить ее за выкуп) свидетельствует о ее незрелости как врага человека; природа ее враждебности заключается в родовой и видовой противоположности человеку. На это указывает и то, что ее владения простираются не на эрзянской земле, а охватывают только луг, раскинувшийся среди леса: «Вай, сэрейть Миняшань пандонзо! Панднэде сэрейть Миняшань вирензэ. Виренть куншкасо Миняшань лугазо, Луганть куншкасо Миняшань лисьмазо. Пиже ленточка Миняшань лугазо» [2, С. 166] («Ой, высокие у Миняши горы! Выше гор у Миняши леса. Посреди леса у Миняши луг, Посреди луга у Миняши родник. Зеленая лента у Миняши луг»). Из сказанного следует вывод о том, что Сэняша и Миняша не являются этническими врагами эрзи как народа. Они владеют ничейной землей, небольшим лугом на лесной поляне. И того, кто посмел явиться на луг, принадлежащий змее, она хочет наказать как нарушителя ее покоя. Сэняша и Миняша – это силы, враждебные людям, но не изначально, а проявляющиеся лишь после вторжения человека в их владения.

Эпический противник формируется параллельно с формированием эпического героя как взаимосвязанный с ним. В данной песне он еще не принял необходимые для художественного персонажа содержательные и формальные очертания, а только наметился, так же, как только наметился герой. Однако, если герой в царе Тюштяне развился в классический образ и встал в один ряд с персонажами мирового эпоса (Вяйнямейнен, Калевипоэг, Микула Селянинович, Илья Муромец и др.), то эпический противник в образе змеи дальнейшего развития в героическом эпосе эрзи не получил. Им стал человек, имеющий временное и пространственное определение, а не фантастическое существо.

Конфликт между многоглавым драконом и парнем придает песне сказочный колорит, подобный русским былинам о Вольге и о Добрыне и змее. Однако русские былинные герои имеют этническую, историческую и географическую приуроченность, чего нет в эрзянской песне, что объясняется более ранним ее происхождением – в период распада первобытнообщинных отношений. А.И. Маскаев предположил, что песня о Сэняше могла быть героической песней присурских эрзян, так как в других местах она неизвестна и сложилась в период уже оформившихся песенно-эпических традиций, которые переплетаются в ней с эпическими традициями сказки и баллады. В Сэняше исследователь видит олицетворение враждебных человеку сил либо природы, либо иноплеменного противника. Парень, убивающий Сэняшу, олицетворяет начало формирования эпического героя, отстаивающего общезнающие интересы [3, С. 169–170]. В его образе обобщенно представлены не только люди, явления и мысли, но и чувства, ощущения и настроения, возникающие на подсознательном уровне. Поэтому судить о содержании его образа весьма трудно. Антропоморфность же Сэняши и Миняши позволяет предполагать, что создатели песни видели в них и людей, и непонятный, чуждый, в какой-то степени враждебный им мир.

Песня о Сэняше и безымянном парне, убивающем ее, сюжетно не развернута. Неизвестно, кто он и откуда. С неизвестной целью проникает он во владения дракона и, не испытывая страха, вступает в борьбу. Он появляется как некий сакраментальный борец, которому на роду написано стать победителем змеи. В этом отношении он похож на героя, выполняющего мироустроительную

функцию: очистить землю от врага, отнявшего ее у людей. Однако, чтобы стать полноценным героем, ему нужно обрести этническую и социальную определенность: выражать и защищать интересы конкретного этноса с его социально-политическими тенденциями развития. Борьба в песне «Сэняша» относится к периоду так называемого раннего героизма, связанного с уничтожением мифологических существ. Наличие у Сэняши трех дочерей-красавиц и сказочного коня указывает на признаки антропоморфности его образа и тенденции развития его в сторону человека – к социологизации и слиянию с миром людей.

Параллельные сюжеты с одними и теми же персонажами являются результатом фольклорно-исторической типологии и культурного взаимодействия: у контактирующих сторон созревают социальные и духовные предпосылки для бытования произведений, близких по форме и содержанию. Другой причиной, по мысли П.Г. Любомирова, может быть родственная этническая среда, трансформировавшаяся в другую народность, но сохранившая некоторые элементы прежней культуры.

Другой миф – о коне и соколе – решает социально-мировоззренческую проблему, которая может созреть только в недрах данного общества, а не может быть заимствованной у другого народа. Мировоззрение и образ жизни самобытны. Заимствуются только сюжеты и мотивы, не затрагивающие основ национального бытия.

В песнях о Сэняше-Миняше и о Коне и Соколе мы видим ранний тип героического образа, в котором намечается мироустроительная функция. Классический тип героического образа сформировался в песнях о царе Тюштяне, обладающем всеми основными признаками эпического героя. Он сын земного человека и божества, демиург нового общества, царь, пользующийся покровительством богов. Героика его образа определяется созданием им эрзянской государственности, в ходе чего он проявляет незаурядные интеллектуальные, нравственные и физические способности. Тюштян упорядочивает жизнь народа на основах справедливости, меры, закона, отторгает ее от доисторического хаоса и стихийности. В этом великом деле ему помогают верховный бог Инешкипаз и бог грома и дождя Пурьгинепаз, поддерживающие с ним связь через посредство чудесных вестников: Белого Лебедя, Иненармунь (Великой Птицы), трех ласточек, Мекшавы (пчелиной матки), Черного Ворона. Тюштян – всенародно избранный правитель, олицетворяющий народную идею о справедливом и мудром государе. Это основной эпический герой. До избрания царем Тюштян был обыкновенным человеком, но после избрания он обретает качества богочеловека, способного творить чудеса, в результате чего перевоплощается в классического героя. В народном сознании он мыслится как реально существовавший царь. Его историчность подтверждается географическими данными: в песнях о нем действие происходит в бассейнах рек Ра (Волга), Сура, Ока, Мокша, Клязьма. На реальное существование Тюштяна указывают города Копарц, Владимир, Москва, Наровчат, в районе которых происходит действие, и его грозный противник – русский царь, иногда именуемый Иваном Грозным. Упоминание имени Грозного отчасти вносит элемент историчности в эпическое время. Однако в целом время эпоса подразделяется на мифологическое время первотворения и

эпическое время «Тюштянь пинге» («Век Тюштяна»). Темп времени и его длительность зависят от развития действия в сюжете и от структуры пространства. Тюштян как герой не богатырь, богатырство не его предназначение. Он призван организовать эрзянское общество, внести в него закон и порядок. Тюштян выполняет и воинские функции, иногда совершает богатырские подвиги, однако в его образе они второстепенные. Подобно героям классического эпоса, выполнив свою миссию на земле, Тюштян либо возносится на небо, либо уходит умирать по просьбе соплеменников в неведомое место. Окончание века Тюштяна также должно свидетельствовать о нем как об исторической фигуре.

Изображаемый как исторический царь, он обладает божественными свойствами: в течение месяца трижды меняет возраст: при новолунии он юноша, в полнолуние – зрелый муж, на исходе месяца – старец; мановением руки он останавливает течение рек; взмахом платка строит над водой мосты; как по суше, скачет на коне по воде; живет неопределенно долго – несколько человеческих поколений; по окончании земной жизни возносится на небо [7]. Божественные и человеческие черты в Тюштяне обусловлены идеологией эпоса: земной царь есть отражение небесного царя.

Эволюция образа Тюштяна шла от божества к земному правителю. Спускаясь с небес на землю, он приобретал человеческие свойства. В молениях, записанных в кон. XIX – нач. XX вв., он изображается как царь, вознесшийся на небо и ставший божеством. В эпических песнях он преимущественно человек, имеющий божественное происхождение. Этот мотив развивается в песне о чудеснорожденном младенце: нового тюштяна от непорочного зачатия по воле Инешкипаза рождает 70-летняя вдова. У ее мальчика на лбу солнце, на макушке – месяц, на кончиках волос – звезды. Став взрослым, он прогоняет старого Тюштяна и становится царем [8, С. 248–251]. В мокшанской песне такого чудеснорожденного младенца, говорящего в колыбели матери о своем предназначении стать тюштяном, убивает правящий Тюштян, так что божественное происхождение не гарантирует достижения цели. Тюштян – классический эпический образ, типологически близкий Вайнямейнену, Калевипозгу, отчасти – Микуле Селяниновичу и Илье Муромцу. В своем развитии он прошел мифологическую, эпическую и историческую стадии. На мифологической стадии он божество, на эпической – богочеловек, на исторической – правитель с признаками реального царя. В сохранившихся мифах-песнях названные стадии перемешались, и Тюштян выступает как целостный образ в трех ипостасях.

В образе Тюштяна выражены идеи этноцентризма и этнического скептицизма. Этнический скептицизм появится позднее – в песнях, созданных во времена кризиса национального самосознания, в эпоху русской экспансии и колонизации. Тогда возникли комические штрихи в образе эрзянского царя.

Героико-эпическая поэзия является дальнейшим развитием космогонической мифологии, как продолжение темы творения мира, но применительно к человеческому обществу. Как и космогонический миф, она выполняет этиологическую функцию, показывает и объясняет, как появилась эрзянская государственность, называет ее демиурга – царя Тюштяна, рожденного от брака Пурьгинепазы с земной девушкой Литавой. Непосредственно вырастая из мифа, героико-эпическая

песня во многом еще остается мифом и преодолевает его постольку, поскольку действующие лица в ней не боги, а люди, которые, создавая государство, выбирая инязора, царя, налаживают общественную и семейно-бытовую жизнь. Эпическая песня сохраняет тесную связь с мифологией и в том отношении, что ее главный герой Тюштян – богочеловек, обладающий некоторыми сверхъестественными способностями, присущими только богу. Тюштян – царь-мироустроитель, создатель эрзянской государственности, социальный демиург, культурный герой. Героические свойства он приобретает после всенародного избрания царем. С этого момента боги (Инешкипаз, Пурьгинепаз) наделяют его мудростью государственного деятеля, способностью творить чудо, покровительствуют ему при исполнении им обязанностей правителя народа, при помощи чудесных вестников и сообщают о надвигающейся угрозе. Став царем, Герой вносит в общество порядок, закон, меру, новые обычаи и обряды, преодолевая первобытную стихию и хаос. Главное его оружие – разум, а воинские и богатырские подвиги совершаются им лишь тогда, когда они вынуждаются силой обстоятельств. Образ Героя сформировался в эпоху военной демократии и раннего феодализма, в силу чего в нем присутствуют признаки мифологического и исторического деятеля, родоплеменного вождя и царя. Он выступает как демиург, мироустроитель. Сформировалось два важнейших типа демиургов: космический и социальный (культурный). Космические демиурги – Чам-Паз, Инешкипаз, Шкай, Шкабавас, Шайтан. Чам-Паз создает два высших божества – Шайтана и Анге-Патяй, землю, небо, солнце, луну, звезды, лепит из глины человека. Шайтан вмешивается в процесс божественного творения, при его участии появляются на земле горы, овраги, родники, реки, на небе – тучи и ветер, а в теле человека – болезни. Он демиург с отрицательным знаком. Инешкипаз силой своей мысли и слова творит мир, человека (мужчину и женщину), различные божества (Пурьгинепаз, Юртаву, Кардаз-Сярко, Мастораву, Нороваву). При создании тех или иных объектов демиург преследует конкретные цели, приближающие его к насущным интересам человека. Инешкипаз создает человека как владетеля земных богатств; чтобы человек размножился, делит его на мужчину и женщину; в помощь человеку создает божеств-покровителей. Демиург социальной ориентации царь Тюштян, избранный правителем эрзян, формирует эрзянское общество, вносит в него элементы государственного устройства: вводит законы, организует органы управления, распределяет поля, леса и луга между селами и людьми, регулирует отношения с соседними народами. Выполняя не только управленческие, но и организационно-созидательные функции, Тюштян выступает и как культурный герой. Культурные функции выполняет также Инешкипаз, создавая в помощь человеку божеств-покровителей, занимаясь формированием небесной семьи, санкционируя браки между богами и земными девушками. Идея творения мира у Чам-Паза и Инешкипаза изначально подчинена социально-культурной цели: создать на земле разумную человеческую жизнь, организованную на семейно-бытовом и общественном уровнях. Образ демиурга, ввиду этого, контаминируется с образом культурного героя.

В эпосе «Масторава» Инешкипаз отчасти наделен чертами сеятеля поля (он рассеивает песок над морем, который превращается в сушу) и ваятеля (как скульптор он лепит из глины человека), мага (силой мысли и слова создает себе жену Анге-патяй), патриарха (распределяет бытовые и хозяйственные обязанности между

мужем и женой), вселенского родителя (создает в помощь людям божества земли, урожая, леса, дома, грома и дождя), учителя-покровителя (посылает на землю своего сына Веленьпаза управлять эрзянами, учить их хозяйственным работам и семейно-бытовой жизни). Образ демиурга воплотил в себе ответы человека на вопросы, возникавшие в ходе его познавательной и трудовой деятельности.

Кроме Тюштяна признаками мироустроителя наделен Гурьян. Гурьян избирается царем, имеет божественное происхождение, ему покровительствуют боги, однако он не выполняет функций демиурга. Сабан-богатырь герой асоциальный, он совершает один подвиг – повергает русского богатыря, когда тот провоцирует борьбу с ним, остальные проявления его силы – бытового характера. В Сабане герой только намечается, его сила, как и сила русского Святогора, неразумна, не стремится реализовать себя на общественном поприще. Литава, земная девушка, став женой Пурьгинепазы, выполняет функции демиурга. Литава рождает от Пурьгинепазы сына, который становится правителем эрзян – тюштяном.

Героическую песню с космогоническим мифом сближает и характер ее героики. Героика мифа заключается в творении мира Верховным Богом, которому противодействует Идемевсь, Черт. Инешкипаз проявляет себя как вселенский герой, выполняя титаническую работу по созданию неба, земли, человека и т. д. Его героизм в том, что он творец-созидатель, вносящий в творимый им мир разум, свет, гармонию, красоту. Героичность его поступков в их созидательной сущности. Героика эпической песни в создании инязором Тюштяном эрзянской государственности.

Титул *инязор* (*ине* – великий, *азор* – хозяин – великий хозяин), который носит Тюштян, название высшей должности правителя народа, страны, возникает с формированием у эрзи государственности в рабовладельческо-феодальную эпоху; соответствует понятиям князь, царь. Русские летописи содержат сведения о двух князьях – эрзянском Пургасе и мокшанском Пуреше; в героико-мифологических песнях (героическом эпосе) сохранился образ одного инязора – Тюштяна, или Тюшти. Он всенародно избранный правитель, имеет божественное происхождение, при исполнении своих обязанностей опирается на покровительство и помощь верховного бога Инешкипаза и бога грома и дождя Пурьгинепазы; олицетворяет народную идею о справедливом и мудром государственном деятеле; в XVIII–XIX вв. в мифолого-эпический образ проникают некоторые признаки реальных русских царей, вследствие чего происходит частичная его деидеализация; в отличие от исторически достоверных князей Пургаса и Пуреша, управляющих отдельными частями эрзянских и мокшанских земель, Тюштян является правителем всего народа. Появление должности инязора как государственно-политического института указывает на относительно высокий уровень развития общественных отношений у эрзи, о зарождении объединительных тенденций среди эрзянских племен в конце первого – начале второго тысячелетия н.э.

Этимологически имя Тюштяна А.И. Маскаев возводит к двум словам: *тёжа* (тысяча) и *атя* (старик), что означает тысяцкий; или же из слов *тёкиш* (вершина) и *атя* (старик), что значит верховный старик, то есть инязор, великий хозяин [8, С. 177–178].

Исходя из того, что в песнях Тюштян, как правило, парень или молодой мужчина, обладающий недюжинной силой и непревзойденной красотой, с женой-

красавицей и малолетними детьми, можно предположить, что имя его восходит к словосочетанию «тюсонь максыця» («придающий образ», «обустройствающий мир», «мироустроитель») или к определению «тештень» («звездный»), то есть отмеченный небом, явившийся с неба, предназначенный на правление Инешкипазом. Этому соответствуют общественный статус Тюштяна, выполняемые им обязанности, способ избрания на должность и др. Наричательное имя или название должности становится собственным именем в соответствии с новыми представлениями о человеке, о роде его занятий и должности. По этой причине «у многих народов, включая славян, был обычай несколько раз менять имя в течение жизни» [9, С. 33]. Имя, выражавшее общественный статус человека, теснейшим образом было связано с сюжетом как концептуальной категорией. Основной закон «мифологического, а затем и фольклорного сюжетосложения заключается в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, разворачивается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает» [10, С. 223].

Эпос о Тюштяне охватывает огромные временные рамки. Он воспроизводит основные периоды жизнедеятельности своего героя и организуемого им общества. Хронологическая последовательность песенных сюжетов указывает на то, что произведения возникали как живой отклик на череду взаимосвязанных событий, следовавших друг за другом и передававших движение реальной истории. По В.П. Аникину, в былинах «как поэтических произведениях, традиционно переходивших от поколений к поколениям, сохранена живая память о далеком прошлом» [11, С. 324]. Разумеется, реальная история в художественном творчестве преобразуется, принимает идеальные формы бытия, а социально-политические оценки подводятся под эстетическую меру. Поэтому нет прямого тождества между историей в эпосе и историей предметно-материальной жизни. Но от этого реализм эпического видения мира не уменьшается, так как историческое сознание народа формируется именно в эпосе. К тому же, совершались ли «изображаемые в эпосе события или нет, они воспринимаются как реально бывшие» [12, С. 4]. Народ осознает истинное свое бытие не в приближении к нему, а в удалении от него в мир фантазии, в которой решение любых жизненных проблем возможно настолько, насколько способна на это человеческая мысль на данном отрезке времени. Ущербность и несовершенство действительного мира преодолевается и компенсируется в эпическом мире. Сюжет включает в себе квинтэссенцию исторически назревшей проблемы и способ ее разрешения, герои выступают как средство и орудие реализации проблемы, события показывают, как сюжет реализуется в действиях героев. Сюжет и составляющие его мотивы – «не только категория художественной формы. Это емкие, в каждом отдельном случае особые неповторимые картины движения, борьбы и связей реальной жизни, соотношения порождаемых ею социальных характеров» [13, С. 268]. Сюжеты и мотивы сохраняют изначальную связь с породившими их историческими событиями. Как поэтическое явление сюжет есть «система развернутых в словесное действие метафор», выступающих «системой иносказаний основного образа» [14, С. 223]. Сюжет есть концепция действительности, воплощенная в событиях, конфликтах, отношениях.

В социальной практике идейное развитие обычно опережает ход событий. В художественном творчестве сознание следует за событиями, но, конструируя идеалы, опережает их. Однако это опережение не есть опережение реальной истории, поэтому эпос всегда является повествованием о прошлом. Отношение к настоящему и будущему он выражает через свои оценки минувшего, благодаря чему прошлое как бы переносится в настоящее.

Эпическая история настолько реальна, насколько истинно воссоздающее ее художественное и историческое сознание общества. История народа, в конечном счете, не есть те события, которые были, а те события, которые запечатлелись в памяти народа или порождены его сознанием. История существует в понятии людей как совокупность идей и представлений о прошлом, а поэтому она идеальна. Отсюда следует, что, изучая эпос, мы познаем историю развития идей, созданных авторами произведений и их последующими трансформаторами. В героическом эпосе «мы всегда имеем дело с вымышленными, то есть созданными народной фантазией по определенным законам эпического творчества, сюжетами и образами» [15, С. 239].

Реальность эпического мира, как идеальной сущности, вызывает вопрос о мере его историчности или совместимости с гражданской историей. Сколько-нибудь уловимые аналогии в событиях и действующих лицах здесь трудно обнаружить. Поэтому нельзя говорить об историзме событий и лиц, речь возможно вести об историзме идей и представлений, которые порождаются конкретной исторической действительностью. Поэтому-то «художественный замысел историчен даже тогда, когда он облекается в совершенно фантастическую форму» [16, С. 11]. В эпоху формирования эпоса о Тюштяне такими исторически обусловленными идеями были создание государственности и избрание верховного правителя, царя. Они и составляют основное содержание героического эпоса, который появляется тогда, когда «первобытно-общинный строй клонится к упадку. Он – один из предвестников разложения, распада этого строя и свидетельствует о начавшейся борьбе за новое общественное устройство» [17, с. 15].

Эпос о Тюштяне сохранился в семи взаимосвязанных сюжетах: 1) Тюштян и эрзянская история, 2) эрзяне избирают инязора, 3) Тюштян и дочь его Кирдюня, 4) Тюштян и чудеснорожденный младенец, 5) Тюштян и сын 70-летней вдовы, 6) Тюштян и Белый Лебедь, 7) исход Тюштяна. Сюжеты имеют определенную хронологическую последовательность, воспроизводят жизнь героя от его избрания царем до таинственной смерти, что придает повествованию элемент биографичности.

В каждом сюжете Тюштян мыслится и представляется как общенациональный герой: он избирается царем всего народа, управляет всей эрзянской землей, выражает и защищает интересы всех эрзян (в эрзянских песнях) и всех мокшан (в мокшанских песнях), в которых он воспринимается соответственно как эрзянский или как мокшанский правитель.

Эти ипостаси указывают на дуалистичность образа Тюштяна. Объясняется это тем, что в своем этническом самосознании эрзя и мокша считают себя самостоятельными народностями. Эрзя в эпических песнях не упоминает мокшу, мокша – эрзю. Поэтому в эпосе и в фольклоре нет героев, идей и интересов, противопоставляющих или разъединяющих эрзю и мокшу. Соседи их мыслят единым народом, называя

иноэтнотонимом «мордва». Однако сами они себя одним народом не считают, чем и объясняется отсутствие у них единого героического эпоса.

Эрзя – народ, проживающий по реке Ра (Волга), мокша – народ, проживающий по реке Мокша. Отсюда и самоназвания: от Ра – эрзя, от Мокша – мокша.

Эпос о Тюштяне героический, но не богатырский. Отсутствие у эрзи богатырского героического эпоса А.И. Маскаев связывал с отсутствием развитого феодализма [18, С. 53]. Но историческая наука наших дней убедительно показала, что эрзянский феодализм в эпоху возникновения эпоса о Тюштяне был достаточно зрелым, примерно на том же уровне, что и у соседних народов. Однако героический эпос формируется в период становления классовых отношений, который называется героическим веком, и степень зрелости государственности не имеет прямой связи с героизмом, так же, как и с богатырством как преимущественно русским явлением. Тезис Б.Н. Путилова: «Совокупность родовых качеств эпического героя, выделяющих его среди других типовых героев фольклора, можно определить словом "богатырство"» [19, С. 67] – справедлив только по отношению к некоторым эпосам. Богатырь не есть олицетворение государственности. Русский богатырь – это воин-профессионал, обладающий гиперболизированной физической силой и находящийся на воинской службе у князя Владимира. Богатырь не обязательно герой, и богатырство не является родовым признаком героического эпоса. Это, скорее всего, черта функциональная, обусловленная родом занятий эпического персонажа. Русские богатыри отдаленно напоминают викингов и варягов, сыгравших важную роль в создании русской государственности. Они окружают князя Владимира так же, как варяжские дружинники Рюрика с приходом его в Новгород. Многие отечественные и зарубежные историки отождествляют норманов-варягов с финно-уграми, в частности с мерей, указывая на наличие их колоний в Волго-Окском междуречье, в землях эрзи в период формирования русской государственности [20, С. 39–44]. Богатырство – не определяющее, а подчиненное свойство героического эпоса. Оно характерно главным образом для воинственных этносов, чьи интересы направлены на завоевание чужих земель и богатств. Поэтому богатырские эпосы не всегда бывают героическими: героизм – прямой синоним созидательной деятельности Героя, выполняющего культурные функции: строить и воздвигать новый миропорядок. Богатырь же, как правило, действует мечом и палицей. Эрзянский Тюштян – демиург феодального общества. Он организатор и созидатель, внедряющий в жизнь людей закон и порядок, добро и справедливость, гармонию и красоту. Зло и насилие ему противопоказаны, так как он действует от имени Инешкипаза и по его воле. Он – Герой, но не воин-богатырь. Не потому, что слабосилен, а потому, что геройство не позволяет. Сюжеты о столкновении с Владимирской царицей и Сардой свидетельствуют: у Тюштяна есть богатырская сила, но он не использует ее в военных целях, ибо ему не предназначено быть богатырем.

Ввиду огромного жизненного пространства у эрзи завоевание чужих земель не запрограммировалось в ее генотипе, ее генетическое мышление свободно от экспансионистских устремлений, без чего активно функционирующее богатырство (апофеоз воинствующей физической силы) невозможно. В народном сознании Тюштян прежде всего царь. Именно так говорит о нем предание, передаваемое из

поколения в поколение. Оно то поднимает его в небесные выси, то опускает оттуда на землю, видя в нем простого человека, земного царя. Так в замечательном инязоре соединяются божественное и человеческое начала. Божественное – неизмеримо увеличивает век его жизни, человеческое – стремится к его ограничению. Но в конце концов происходит компромисс, и физическая смерть Тюштяна заменяется его исходом на небеса. Тюштян прерывает свою земную жизнь и возносится туда, откуда когда-то сошел. Иногда исход Тюштяна связывают с нашествием татар: «Последний оцзор жил около Наровчата, на горе. Когда татары начали завоевывать мокшан, оцзор Тюштян переменял жизнь. Он сел на коня и скрылся на восходе солнца. Дошел до большого леса, взобрался на макушку дерева и ушел на небо» [21, с. 116]. В другом предании Тюштян уходит неизвестно куда: «Когда пришло время ему умереть, он предложил своим подданным вопрос: умереть ли ему перед глазами их или удалиться от них куда-нибудь живому и там умереть? Народное собрание на это со слезами объявило ему: "Очевидная смерть твоя будет для нас несравненно прискорбнее неизвестной твоей отлучки. После видимой смерти твоей нам не останется никакого утешения, а если ты уйдешь куда и умрешь там, то мы будем ожидать твоего возвращения"». Тюштян послушался народа и ушел неизвестно куда, а на память о себе оставил будто бы свою трубу в кустарнике близ города Керенска. В случае непогоды, когда шумел ветер, труба эта издавала звуки и мордовский народ, слыша это, с радостью говорил: "Царь наш еще жив..."» [22, С. 122]. В приведенных преданиях Тюштян уподоблен историческому царю: «Это был правитель справедливый, беспристрастный и гонитель воров. За кражу малейшей вещи он приказывал вешать преступников на виселицах» [23, С. 122]. Указывается место его правления – Наровчат, Керенск; называются конкретные противники – татары. Образ Тюштяна наполнялся историзмом параллельно тому, как это происходило в сознании народа. Однако происходило это уже на стадии разрушения эпической традиции, когда песенные повествования, забываясь, перевоплощались в подобию устных рассказов и преданий. Прошлое имеет тенденцию «притягиваться» к настоящему, «догонять» его и осовремениваться (люди мыслят минувшее категориями современного сознания). Этот момент, в частности, отразился в предании, в котором смерть Тюштяна приключилась из-за его ловеласских наклонностей. Тюштян ходил со своим народом на город Владимир, приступом взял его, побил русских. Он ехал на коне по воде, и вода его удерживала. На обратном пути он также поехал по озеру. На берегу озера увидел – лежит русская девица-красавица, прельстился ее красотой, помыслил сделать с ней грех, и она погубила его [24, С. 102–104]. Тюштян погибает трагикомически, при творении «греха». Предание смеется над его страстью к женскому полу. Но оно и воспроизводит определенную истину – несравненную красоту русской девушки, перед которой не устоял даже богоподобный Тюштян, страдавший, подобно Пурьгинепазу, страстью к любовным похождениям. Поход Тюштяна на Владимир – эпическая версия упорнейшей борьбы Владимиро-Суздальских и Рязано-Муромских князей с эрзянским князем Пургасом в начале XIII в., сохраненная эрзянским и русским населением.

Через весь эрзянский эпос проходит покровительство Тюштяну Инешкипаза, что составляет одну из важнейших его особенностей. Называется и причина

помощи Верховного Бога: Тюштян – сын земной девушки Литавы и Пурьгинепаза, сына Инешкипаза. В песнях и намека нет на то, что он больше, чем Герой. Вместе с тем существует предположение, что Тюштян трансформировался в царя из мифического божества: «По всей вероятности, загадочный Тюштя первоначально был не царем, а скорее каким-либо мифическим божеством...», «...мифическому царю Тюште, наделенному сверхъестественным даром чудотворения, собственно лишь формально не хватает в песне-легенде полагающегося ему по существу названия “паса” – “бога”» [25, с. 247–248]. По А.Г. Эндюковскому, Тюштя «заместил собою забытое впоследствии первоначальное мифическое божество, ассимилировав его имя, палеонтология которого приводит к богине матриархальной Афревразии Иштари», «поскольку же Тюштя увязывается с Ištār, а последняя – божество женское, постольку выходит, что Тюштя-инязоро (или просто азоро, означающее в песне то же самое “царь”), когда-то, в палеонтологическом прошлом, не только не был царем, но сначала даже не был мужчиной, точнее – не мужским божеством, а женщиной, женским божеством (на стадии матриархата). Мужской облик мифический Тюштя должен был получить на стадии патриархата» [26, с. 248]. Данная точка зрения не лишена основания. Возможно, действительно имя Тюштян трансформировалось от Иштар, а первоначальное божество на стадии патриархата и раннеклассовых отношений, когда стал складываться героический эпос, перевоплотилось в инязора-демиурга, став наместником бога на земле подобно Иисусу Христу и Магомеду. В пользу такого предположения склоняет наличие озков-молений в честь Тюштяна. К нему обращаются с мольбой так же, как к Стакапазу и другим божествам [27, С. 128–132]. В молении Тюштян определяется как «пеле паз» (полубог), выполняющий, как и в песнях, функции посредника между эрзянами и Инешкипазом. Из обращения молящихся к нему с просьбой защитить их от звезды-змеи видно, что он представляется им инязором, возведенным до статуса божества. Об этом говорит и то, что Тюштян, как и Инешкипаз, называется создателем эрзянского народа, из его крови и плоти эрзяне «родились, расплодились, полземли заселили». К божеству Тюштяна приближает и его способность оказывать воздействие на предметы и явления как с помощью физической силы, так и посредством слова и духа. Он может предопределять ход событий, предотвращать зло. Тюштян, «умерший» на земле, продолжает жить на небе как божество, поэтому его «смерть» понимается как перевоплощение в другое качество, из одной формы бытия в другую, более высокую и всеобъемлющую.

Эпос о Тюштяне изобилует мотивами русско-эрзянских отношений, главное в которых – неприятие русской экспансии, стремление сохранить национальную и государственную самостоятельность. Эрзяязычные и другие финские племена, оказавшись в эпицентре русских интересов и интенсивных этно-политических процессов, за несколько веков были поглощены более могущественной Русью, которая сама вследствие этого стала в подавляющей степени финской страной в генеалогическом отношении. Сознание этого факта зафиксировала уже «Повесть временных лет» в рассказе о походе Олега на Киев: «В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей...», «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: ”Да будет матерью

городам русским», И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозавшиеся русью» [28, С. 27]. В имя «Русь» вошли, таким образом, наряду с варягами и финские племена – чудь, весь и меря. Главный русский богатырь Илья Муромец из села Карачарова из-под города Муром по происхождению финн [29]. Село Карачарово и город Муром еще в XVII в. были эрзянскими населенными пунктами. Голландец Стрюйс в описании путешествия из Москвы в Астрахань 24–27 мая 1669 г. отмечает: «...Из Ляхов отправились в Муром (Moguma). Этот маленький городок, населенный москвитянами и татарами, называемыми мордвой (Morduvins) составляет границу последних, хотя находится под властью царя» [30, С. 188]. Из бывших финно-угорских городов также Добрыня (Рязань), Алеша Попович (Ростов), Дюк (Галич). Этим объясняется отсутствие в эрзянском фольклоре антирусских мотивов. Об изначальной интегрированности эрзянского мира с русским миром свидетельствует и летописная Пургасова Русь [31, С. 192]. Эрзянское княжество, возглавляемое князем Пургасом, русский летописец называет Русью, мысля его, скорее всего, как подобие одного из русских феодальных государств с эрзянским/мокшанским населением.

Героический эпос эрзи формировался как многосюжетное и многогеройное повествование с циклизацией произведений вокруг имени того или иного персонажа, что содержало в себе предпосылки появления эпопеи с возможностью ее перевоплощения в книжную форму и с возникновением необходимых условий для этого, а именно: развитой письменной литературы и высокого уровня научных исследований по фольклору и истории народа. Первым опытом создания книжной формы героического эпоса является «Мордовская история» Т.Е. Завражнова и С.А. Ларионова, содержащая некоторые черты героического повествования. «Масторава» (1994) есть авторская концепция аутентичного героического эпоса, созданная в соответствии с требованиями книжной (литературной) его формы, к которой относятся произведения, написанные на основе подлинного фольклорного материала, мифов, песен и сказаний. Такого рода эпосы не есть возрождение в современных условиях древних фольклорных форм – они их литературные версии, изложенные на языке поэта, увиденные сквозь призму его мировидения и таланта. Как невозможно выдумать историческую эпоху, так невозможно сочинить эпос о прошлом, который всегда есть порождение конкретных событий и идей. Передаваясь изустно от поколения к поколению, он изменяется в языке и поэтической форме, а отчасти и в содержании. Смещение времен, перенесение эпохи Грозного в век Тюштяна, эпохи Золотой Орды в русских былинах в век Владимира Святославича или наоборот – перенесение Тюштяна в век Грозного, Владимира Святославича – в эпоху Золотой Орды свидетельствует об идеологической трансформации эпоса: новые социальные потрясения оказываются настолько переломными, что укладываются в один ряд с процессами первотворения. Происходит «архаизация» настоящего для его предельной актуализации. Время в героическом эпосе имеет постоянную величину – Век Тюштяна. Но в этом замкнутом времени происходят события, образуя потоки движущегося времени, имеющего сюжетное измерение, которое может идти в любом направлении, вбирая в себя события разных эпох, меняя их местами. В идеальном мире, каковым является эпос, всё субъективно: события, люди, время. Движение понятий и мыслей под-

чиняется иной логике, нежели движение вещей. В русских былинах богатыри неизменно побеждают ордынцев, и тем не менее золотоордынская сила остается непобедимой. В эрзянском эпосе Тюштян всемогущ, пользуясь помощью богов, однако бессилен перед русским царем. На подобного рода логические изломы способно только многослойное фольклорное мышление. Поэтому попытка того или иного автора, даже гениального, создать «народно-героический эпос» заведомо несостоятельна. Книжные эпосы типа «Калевалы», «Калевипоэга», «Масторавы» – плод глубочайших научных разысканий и талантливейшей поэтической идентификации, но не результат только литературной обработки.

Сюжеты, герои и события в эпических произведениях суть олицетворенные идеи и понятия, чувства и переживания, ставшие наиболее актуальными в народном сознании и потому передающие важнейшее направление его развития. Сюжет заключает в себе квинтэссенцию исторически назревшей проблемы и способ ее разрешения, герои выступают как средство и орудие реализации проблемы, события показывают, как сюжет реализуется в действиях героев. Сюжет и составляющие его мотивы – «не только категория художественной формы. Как поэтическое явление сюжет есть ”система развернутых в словесное действие метафор”, выступающих ”системой иносказаний основного образа”» [32, С. 223]. В сюжетах обобщаются способы и формы разрешения конфликтов движущейся истории. Сюжет есть «концепция действительности, воплощенная в событиях, конфликтах, отношениях, в комплексе значений, явных и скрытых» [33, С. 148].

Собирание произведений героической поэзии эрзи берет начало в XIX в., особенно интенсивно оно осуществлялось во второй его половине. В это время появились «Очерки мордвы» П.И. Мельникова-Печерского [34], воплотившие ее фольклорно-этнографический образ. В них изложены мифы о сотворении мира и человека, описаны наиболее важные божества: Чам-Пас, верховный бог нижегородских эрзян; Анге-Патяй, мать-богиня, жена Чам-Паса, богиня красоты; Пурьгинепаз, бог грома и дождя; Масторава, богиня эрзянской земли, и др. В 1889 г. вышла в свет книга В.Н. Майнова «Остатки мордовской мифологии» [35], содержащая мифы об эрзянских божествах (Инешкипазе, Анге-Патяй, Пурьгинепазе, Мастораве, Ведяве и др.), о сотворении земли и человека, песни и сказания о царе Тюштяне. Информация об истории и художественной культуре Эрзи содержится в историко-этнографическом очерке И.Н. Смирнова «Мордва» (1895) [36]. Неоценимый вклад в собирание и публикацию эрзянского эпоса внес финский ученый Х. Паасонен, совершивший в 1889–1890 и 1898–1902 гг. поездки в эрзянское Поволжье. Им записаны героические мифы и песни о сотворении мира и человека, о брачных отношениях богов и людей, об избрании эрзянами инязора (царя) и его правлении. Материалы Х. Паасонена опубликованы в восьми книгах «Mordwinische Volksdichtung» [37] в 1938–1981 гг. Много текстов мифолого-эпического характера представлено в «Мордовском этнографическом сборнике» [38] А.А. Шахматова (1910), «Образцах мордовской народной словесности» (1882) (Вып. 1. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии) [39], в сборнике М.Е. Евсеева «Эрзянь морот» [40] (1928), составленном по результатам фольклорных экспедиций, в серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (1963–1987) [41]. Теория эрзянского героического эпоса,

принципы и методы изучения его сюжетов и текстов стали предметом всестороннего осмысления в трудах П. Домокоша («Формирование литератур малых уральских народов», 1983), М. Dugantsy («Eposet Sijzjar», 1999), А.И. Маскаева (Мордовская народная эпическая песня, 1964), Н.Г. Юрченковой (Мифология в культурном сознании мордовского этноса, 2002). Наиболее активным и плодотворным периодом в теоретическом осмыслении героического эпоса стала вторая половина XX – нач. XXI в.

Вплоть до конца XX в. подходы к героическому эпосу не были определены. Наряду с аутентичным героическим эпосом некоторые литературоведы (А.В. Алешкин, П. Домокош) относили к нему поэму В.К. Радаева «Сияжар» [42, С. 164; 43, С. 78]. Аналогичной точки зрения придерживалась М. Дуганчи, посвятившая этой поэме монографическое исследование [44]. В действительности «Сияжар» не является не только народным «героизированным» эпосом, но и его литературной версией, ибо не имеет с ним связи ни в сюжетах, ни в персонажах, ни в поэтике и эстетике. А. И. Маскаев среди эпических песен выделил «песни героического содержания» [45, С. 54–267], к которым отнес песни о борьбе человека со смертью, о построении города, о девушке Литове, становящейся женой божества, о борьбе с чудовищем и об избрании племенного вождя, песни об охотнике, рыболове и коне. Из них героическими, то есть повествующими о мироустройстве, можно признать песни о Литове и о Тюште. Космогонические сюжеты и герои вообще не подвергались анализу. В 2007 г. вышла в свет монография Е.А. Федосеевой, посвященная исследованию мифологии и книжных форм героического эпоса [46].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эрзянь фольклор. – Саранск, 1939. – С. 211–214.
2. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. – 399 с.
3. Маскаев, А.И. Мордовская народная эпическая песня. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. – 440 с.
4. Устно-поэтическое творчество мордовского народа...
5. Марков, А.В. Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии в связи с вопросом о происхождении великорусского племени. – Тифлис, 1914.
6. Любомиров, П.Г. О важности изучения мордвы / Саратовский этнографический сборник. Вып. 1. Под ред. проф. Б.М. Соколова и М.Т. Маркелова. – Саратов, 1922. – С. 244–245.
7. Устно-поэтическое творчество мордовского народа...
8. Маскаев, А.И. Указ. соч.
9. Смирнов, Ю.И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции / Ю.И. Смирнов. – М.: Наука, 1974. 261 с.
10. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
11. Аникин, В.П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин / В.П. Аникин. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1980. – 332 с.

12. Селиванов, Ф.М. Русский эпос: Учеб. пособие / Ф.М. Селиванов. – М.: Высш. шк., 1988. – 207 с.
13. Аникин, В.П. Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов / В.П. Аникин. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1984. – 288 с.
14. Фрейденберг, О.М. Указ. соч.
15. Путилов, Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б.Н. Путилов. – Л.: Наука, 1976. – 244 с.
16. Пропп, В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – Л., 1955.
17. Там же.
18. Маскаев, А.И. Указ. соч.
19. Путилов, Б.Н. Героический эпос и действительность / Б.Н. Путилов. – Л.: Наука, 1988. – 225 с.
20. Юрченков, В.А. Взгляд со стороны: Очерки / В.А. Юрченков. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – 288 с.
21. Рукописный фонд НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия. Л-415. С. 116.
22. Дубасов, И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1 / И.И. Дубасов. – Тамбов: Тип. губ. правл., 1890. – 225 с.
23. Там же.
24. Рукописный фонд НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия...
25. Эндюковский, А.Г. Сюжет Тристана и Исольды в мордовском фольклоре / А.Г. Эндюковский // Тристан и Исольда. – Л., 1932. – 286 с.
26. Там же.
27. Mordwinische Volksdichtung. VI Band. Im auftrag der Finnisch-Ugrischen gesellschaft gesammelt von Ignatij Zorin. Durchgeschen und transkribiert von Heikki Paasonen. Übersetzt von Kaino Heikkilä und Paavo Ravila. Herausgegeben von Martti Kanla / H. Paasonen. – Helsinki, 1977. – 236 с.
28. Изборник. Повести Древней Руси. – М.: Худож. лит., 1986. – 448 с.
29. Асов, А. Соловей-разбойник в древней Москве // Наука и религия. – 1998. – № 9. – С. 18–19.
30. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. – Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. – 436 с.
31. Полное собрание русских летописей. – М., 1965. – Т. 1.
32. Фрейденберг, О.М. Указ. соч.
33. Путилов, Б.Н. Героический эпос и действительность...
34. Мельников, П.И. Очерки мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 136 с.
35. Mainof, W. Les restes de la mythologie Mordvine // Journal de la societe Finno-Ougrienne. – Helsingissa, 1889.
36. Смирнов, И.Н. Мордва: Историко-этнографический очерк. – Казань, 1895. – 299 с.
37. Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben und übersetzt von Paavo Ravila. – Helsinki, 1938 – 1981.
38. Шахматов, А.А. Мордовский этнографический сборник. – СПб., 1910. – 848 с.
39. Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. – Казань: Типография губернского правления, 1882. – 232 с.
40. Евсеев, М.Е. Эрзянь морот. – М.: Центриздат, 1928. – 185 с.
41. Устно-поэтическое творчество мордовского народа...
42. Алешкин, А.В. Эпос дружбы (Типология жанра поэмы в литературе народов Поволжья). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. – 184 с.

43. Домокош, П. Является ли «Сияжар» третьим финно-угорским эпосом // Аспект – 1989. Исследования по мордовской литературе. – Саранск, 1989. – С. 68–79.
44. Dugantsy, M. Eposet Sijzjar. – Uppsala, 1999. – 112 s.
45. Маскаев, АИ. Указ. соч.
46. Федосеева, Е.А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. – Саранск: изд-во Мордов. Ун-та, 2007. – 212 с.

Поступила в редакцию 14.04.2010

A.M. Sharonov

About the nature of epic-heroic poetry of Erzya people

It is said in the article about the heroic poetry of Erzya people, its artistic nature is disclosed, the main plots about ancient deities and heroes, about good and evil of mythological creatures are shown.

Key words: myths, heroes, myth, genre syncretism.

Шаронов Александр Маркович,
доктор филологических наук, профессор,
ГУНИИГН при Правительстве Республики Мордовия
г. Саранск
E-mail: sharon.ov@mail.ru

УДК 398.3(821.511.131)

Т.И. Панина

ФОРМУЛЫ ИЗГНАНИЯ БОЛЕЗНИ В УДМУРТСКИХ ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена анализу формул отсылки болезни, зафиксированных в удмуртских заговорах (*пелляськон/пеллян кыл*) и молитвах-заклинаниях (*куриськон*). В свете текстовых данных выявляются принципы противодействия болезни, анализируется потусторонняя ее природа.

Ключевые слова: удмуртский фольклор, заговорно-заклинательная традиция, формула отсылки болезни, потусторонняя природа болезни.

Типология формул отсылки болезни подробно рассмотрена в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей на примере славянской (русской, белорусской, украинской, польской, болгарской, чешской), восточнороманской (французской) и балтийской (латышской) заговорной традиций [5, 14, 17, 21, 22]. Особую ценность представляют исследования, посвященные сравнительному анализу нескольких традиций, выявляющему как общие, так отличительные черты в пространственной организации заговорного универсума разных культур [4, 21]. Так, Е.В. Вельмезова приходит к выводу, что в русских заговорах мир представляется многоуровневым, в чешских – двухуровневым, а во французских – пространство предельно редуцировано [4, С. 54]. Ввиду отсутствия исследований подобного рода в финно-угорской фольклористике, нам представляется интересным рассмотреть для начала семантику пространства заговорно-заклинательной традиции одного из финно-угорских народов – удмуртов.

Мифологические представления удмуртов о болезнях, а также их причинах довольно подробно проанализированы в ряде работ этнологов [8, 10, 12, 15]; ритуально-поэтические формы вербальной магии удмуртов наиболее подробно рассмотрены фольклористами [9]. Учитывая, что одним из важных признаков текста является его информативность – свойство передавать и хранить информацию – выявление принципов противодействия болезни в свете текстовых данных может вскрыть новый пласт представлений удмуртов о мире. В качестве объекта исследования взяты тексты удмуртских лечебных заговоров (*пелляськон/пеллян*

кыл) и заклинаний-молитв (*куриськон*). Рассмотрено более 400 текстов названных жанров, зафиксированных с конца XVIII в. до наших дней. Источниками послужили материалы письменных изданий, научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, полевые записи студентов факультета удмуртской филологии Удмуртского госуниверситета, филологического факультета Глазовского государственного пединститута им. Короленко. В корпус источников включены также полевые материалы, целенаправленно собиравшиеся автором данной статьи на протяжении 2004–2010 гг.

Согласно текстам удмуртских заговоров, болезнь/дух болезни может проникнуть в организм человека и «поедать» его изнутри. При этом ее враждебный статус прямо подчеркивается: *тушмон* (букв. враг; злой дух (болезни); нечистая сила), *тушмон-аман* (враг-изверг/враг-хищник)¹: «*Сизьымдон но сизьым, дас сизьым пöртэм ошмесэз огазе карны быгатйёд ке, валлань кошкись карны быгатйёд ке, собере, тушмон, си-ю та адямиэз!* [Здесь и далее выделено нами. – Т.П.]» (Если семьдесят семь, семнадцать разных родников объединить сможешь, вспять их повернуть сможешь, тогда, **изверг, ешь-пей этого человека** [Здесь и далее перевод наш. – Т.П.] (заговор от порчи) [27, С. 184–185]; «*Уллань кошкись вуэз йырад понон изьы лэсьтыса-карса нуллыны лутод ке – сотэк уг сётйськы мон тöныд **сини-юны***» (Вниз текущую воду если сможешь в шапку превратить и на себе носить – иначе не даю я тебе (больного) **есть-пить**) (заговор от порчи) [28, С. 156–157]; «Если ты сможешь срастить вместе 77 рябин, проросших сквозь муравьиное гнездо, то тогда только **можешь есть и пить этого человека**. Пока ты не соединишь в одно 77 деревьев убитых молнией, я не дам тебе **есть и пить меня**» (заговор от порчи) [28, С. 126]. Анализ текстов удмуртских лечебных заговоров показывает, что чаще всего мотив поедания человека встречается в заговорах от порчи/сглаза/уроков. Скорее всего, это связано с тем, что серьезные, необъяснимые, непонятные заболевания ассоциировались именно с таким негативным влиянием: порча/сглаз. Больной в таких случаях мог буквально «таять», сохнуть на глазах. Подобное состояние вызывало наибольшее опасение, в связи с этим и в удмуртских заклинаниях-молитвах, обращенных к высшим силам, часто выражается просьба уберечь человека от негативного воздействия: «*Тушмонлы-аманлы эн сёт, Инмаре! Зарни кенерен, азвесь кенерен **тушмон-аманлэсь уть-ворды, Инмаре!***» (Врагу-извергу не отдай, Инмар! Золотой изгородью, серебряной изгородью от врага-изверга огради-спаси, Инмар!) (молитва-заклинание) [27, С. 151]. «*Тушмонлы-аманлы эн сёт! Олокин «**сиё-юо**» шуоз, солы эн сёт! Олокöче шукед-шагед вань, олокöче калераед вань, эн сёт!)*» (**Врагу-извергу не отдай!** Кто-то «**съем-выпью**» скажет, ему не отдай! Всякие болезни-недомогания у тебя есть, всякие заразные заболевания у тебя есть, не отдай!) (молитва-заклинание) [27, С. 149].

Болезни приказывалось выйти из тела человека тем же путем, каким она проникла/попала в него: «*Кытй пырид, отй потса кошки та адями бордысь,*

¹ Ср.: По представлениям народов Симбирско-Ульяновского Поволжья, причиной кликушества было вселение в больного «врага», беса [18, С. 87], аналогично в английском языке слово the enemy «враг» употреблялось ранее для обозначения дьявола [2, С. 329].

тьфу! Та верам кылы-буры эм мед луоз та адямилы!» (Где вошел, там и выходи из этого человека, тьфу! Пусть сказанные мной слова лекарством/исцелением послужат для этого человека!) (функциональная группа заговоров не указана) [28, С. 157–160]; «Рось-грось, мылегун, бекбекут, куштэм кут, дюруктэм, погань, татын эн ветлы мон дорам бейлэныса, касланса! **Кытй ке пырид, отй потыса кошки! Пыремтйетйд (потса кошки)!**» (Рось-грось, мылегун, бекбекут, отопок, дюруктэм, погань [Иносказательные обозначения черта. – Т.П.], не ходи ко мне, помышляя зло! Где вошел, там и выходи! **Через то место, где вошел (уходи)!**) (функциональная группа заговоров не указана) [28, С. 160–161]; «**Куинь сюреслэн куттйз лыктэм, отй мед кошкоз!**» (По которой из трех дорог пришел, по той и пусть уходит!) (заговор от нарыва) [29, С. 176–177]; «**Тöлысь вуйд – тöлз ик кошки, калыкысь вуйд – калыке ик кошки**» (Ветром если принесло, с ветром и уходи, из народа (если) пришла, в народ и уходи) (заговор от урока, ФДА УдГУ 2003/2004. Н.В. Эшмакова, С. 10).

Следуя логике восприятия окружающего мира представителями традиционных культур, все пространство делится на две части оппозицией «свой (мир человека)» и «чужой (потусторонний мир)». Причиной болезненного состояния человека удмурты, как и другие народы, считали влияние потусторонних сил. Дух болезни был пришельцем из иного мира, вторгающимся в этот мир, нарушая порядок и стабильность бытия. Для восстановления нарушенной гармонии требовалось отослать болезнь в мир ее обитания. Для этого в процессе лечебного заговорно-заклинательного обряда могли обращаться непосредственно к злым духам *пери*, чтобы те, в свою очередь, забрали болезнь с собой: «*Качиен но венен жус вылэ но выржем интые кирос пуктоно но собере верано: Кыр пери, /Акиан пери, /Їукна пери, /Уй пери, /Нуназе пери, /Вань висёнзэ басьтэлэ*» (Ножницами и иголкой перекрестить лавку и болезненное место (букв. «сдернутое» место/часть тела/орган, то есть утратившее определенное/постоянное место)¹ и сказать: Дух открытого пространства, /Дух сумерек, /Дух утра, /Дух ночи, /Дух полудня, /**Все болезни (его) заберите**) (заговор от надсады, ФА УдГУ, ФЭ-1975, Т. 5. Л. 17). Наряду с обращением к злым духам, удмурты обращались за помощью к богам: «**Ву мумы, чылкытаты пимес, сякой приччалэсь-висёнлэсь чылкытаты пимес**» (**Мать воды**, очисти нашего сына, от всякой порчи-болезни очисти нашего сына) (заговор от сглаза, ФДА УдГУ 1999/2000. Е.В. Ложкина, С. 30); «**Шунду Мумо, бурмата инвй буркаръ бурмата**» (**Мать солнца**, исцели, не убей, излечи, исцели) [19, С. 158]; к богу *Инмару*: «*Куке ыжгонлэн вйрез потоз, соку, Инмаре, сёт монэ вединлы сиыны*» (Когда у шерсти кровь пойдет, тогда, **Инмар**, дай меня колдуну съесть) (РФ УИИЯЛ УрО РАН. Д. № 749. Т. 10. Л. 52), вследствие влияния христианства, к Иисусу Христу: «**Я, Инмаре-Кристосэ, туж та секыт висёнзэ но мынам басьтэме потэ, бордысьтыз келяме потэ. Кызъы ке но басьты та адями котырысь та секыт висёнзэ**» (Инмар-Христос, очень мне хочется это тяжелое заболевание забрать, от него отправить прочь. Как-нибудь заведи у этого человека эту тяжелую болезнь) (заговор от грыжи, ФДА УдГУ 1999/2000. Л.С. Максимова, С. 33).

¹ Ср. с русским словосочетанием «сдернуть пуп».

В молитвах-заклинаниях обращаются за помощью к **высшим силам/богам**: «Эй, **Осто, Иньмаре**, секыт зорлэсь тон ке утьсауыд, черлэсь-чурлэсь тон ке утьсауыд!» (Эй, Осто, **Иньмар**, от ненастья если б оградил ты [нас], от болезней-напастей если б оградил ты [нас]!) [29, С. 127]; «**Тушмонлы-аманлы эн сёт, Иньмаре!**» (Врагу-извергу **не отдавай, Инмар!**) [27, С. 151], «**Лек тушмонлэсь ачид [Иньмаре] уть-ворды, лек син-пельлэсь ачид уть-ворды, убыр-ведынлэсь ачид уть-ворды!**» (От злого изверга сам [Иньмар] **спаси-сохрани**, от сильного сглаза-порчи сам [Иньмар] **сохрани-спаси**, от убира-колдуна сам [Иньмар] **сохрани-спаси!**) [27, С. 161]; к **покровителю рода (воршуд)**: «**Чола воршудэ! Кыльлэсь, тёллэсь, тыллэсь возьма! жикъя воршудэ! Висёнлэсь возьма!**» (Воршуд Чола! От тяжелой болезни, ветра, огня **огради!** Воршуд Жикъя! От болезни огради!) [29, С. 165]; к **умершим предкам (пересьёс)**: «**Чеке, пересь, кинь ке гуэ пырем, музьеме пырем. Котькёче дышмонэз бусы съёртй лэзь. Съёсьлэсь-каблэсь мозмыты! Кудды кутйды, тани мозмытэ**» (Услышьте, старики/предки, кто в яму вошел, в землю вошел. Всякого врага за полем проведите. От хищного зверя оградите! Кто из вас «поймал», сразу же **отпустите**) [29, С. 131].

В желании избавиться от болезней удмурты обращались к животным-посредникам. При массовых эпидемиях, например, в землю закапывали живую собаку [3, С. 209]. Собака, кроме того, прямо ассоциировалась с болезнью **пуны-кыль** (букв. собачья болезнь): «**Алама, будыны vormисьтэм пиналэз пуны кылесь шуо ми палан. Сыче дыръя пуныез [мумызэ] пичи пинал вылтй тэтчатйськом вал [ös кусып вамен]. Пунылэн чыртяз тэрымон юри кренгель (сушки) пыжо вал. Пуны нунылэн вылтйз потамез бере, нуныез со кренгель пыртй потто вал, собере пунылэн чыртяз поно тазы шуыса: «Олямылэсь (одно ик нимын верано) пуныкыльзэ пунылы сётйськом».** (О хилом, плохо развивающемся/растущем ребенке у нас говорят, что у него собачья болезнь. В таком случае собаку [суку] заставляем прыгать через маленького ребенка [уложенного на порог]. Специально для этого пекли баранку, которую можно было бы продеть на голову собаки. После того, как собака перепрыгнет несколько раз через малыша, его проносят сквозь баранку, а баранку затем продевают на голову собаке, приговаривая: «Олину (обязательно надо говорить по имени) **собачью старость собаке отдаем**») (ФДА УдГУ 1992/1993. Ф.В. Маркова, С. 12).

Представление о том, что у болезни есть свое личное пространство, отражено в следующей широко распространенной формуле: «**Шунды бертэм, /Толэзь бертэм, /Нунал бертэм, /Кизили бертэм. /Озы ик та но мед бертоз. Эмыз-юмыз мед та луоз. Мед йёналоз**» (Солнце вернулось-восстановилось, / Месяц вернулся-восстановился, / День вернулся-восстановился, / Звезда вернулась-восстановилась / **Пусть также и это** (Нарыв, новообразование. – Т.П.) **вернется к себе**. Лечение-снадобьем пусть это будет. Пусть пройдет (болезнь) (заговор от нарыва, РФ УИИЯЛ УрО РАН Д. № 762. Т. 18. Л. 17); «**Толэзь бертэм, арня бертэм, озы бертыса мед кошкоз**» (Месяц вернулся домой, неделя вернулась домой, так же пусть к себе возвращается (болезнь) (заговор от свинки) [13, С. 44]; «**Шунды бертэм, /Нунал бертэм, /Кизили бертэм, /Толэзь бертэм – /Мед бертоз йыдые синмысьтым**» (Солнце вернулось, /День вернулся, /Звезда вернулась, /Месяц вернулся – **Пусть также ячмень с моего глаза вернется (к себе)**

(заговор от ячменя) [11, С. 42]. В приведенных примерах стоит обратить внимание на удмуртское слово «*бертыны*», обладающее значением «вернуться домой», то есть обратно на исходное место. Данная формула подчеркивает установленный в мире порядок и цикличность процессов в природе. Болезнь, вторгнувшись в организм человека, нарушает гармонию, в связи с чем ей необходимо возвратиться в отведенное ей пространство. Изначальным же локусом обитания болезни, представляющей собой злое начало по отношению к человеку, является именно «чужой/потусторонний» мир.

О потусторонней природе болезни говорит устоявшееся представление, согласно которому ее можно отослать по реке: «*Уян пырыку эмняно, кийын кыскаса, таёе кыллэс вераса (ум пушкын гынэ): «Ву кузя берты, пень каж, тузон каж куасьмыса быры»* (Когда болезнь «входит» [в человека], лечат массажем, проговаривая следующие слова (лишь про себя): «**По воде возвращайся [домой]**, как зола, как пыль высохни и исчезни» (функциональная группа не указана, ФДА УдГУ 2000/2001. В.М. Набиева, С. 4). «*Седэз, азьтэмез вуж мед кошкоз, урод сямыд мед быроз*» (Черное [Все плохое. – Т.П.], лень пусть **с водой уйдут**, твой плохой нрав пусть исчезнет/уйдет) (заговор от плохого нрава, лени, ФДА УдГУ 2001/2002. Л.Я. Кузьмина, С. 15); «*Та дун ву сямен ик жылъыртыса, бызись вуж мед кошкоз син усемез, медаз бёрды ни Олёша, мед таза, чебер будоз*» (Как эта чистая вода журча, **по воде пусть уходит** его сглаз, пусть не плачет уже Алёша, пусть здоровым, красивым растёт) (заговор от сглаза, ФДА УдГУ 1996/1997. Е.А. Зиятдинова, С. 6). Аналогичные формулы присутствуют и в удмуртских молитвах-заклинаниях: «*Куасьмылысьтэм мумыёс!* [Здесь: Чупчи мумы, Пызеп мумы, шур мумыёс. – Т.П.] **Ву бёрсяд келялэ котьмар чердэс!**» (Никогда не высыхающие матери! [Здесь: мать реки Чепца, мать реки Пызеп. – Т.П.] **С водой своей отправьте все [заразные, тяжелые] болезни!**) [29, С. 134]. Река, как известно, во многих мифологиях символизирует своеобразный путь в иной мир, дорогу, связывающую живых с мертвыми [25, С. 167; 24, С. 416]. В представлениях удмуртов вода/река ассоциируется с нижней частью трихотомической структуры схемы космоса [8, С. 75]. Именно по реке, согласно представлениям удмуртов, уходят души умерших [8, С. 76]. Вода/река, следовательно, воспринималась как особый путь в *другое/чужое* пространство, о чем свидетельствует и образ *Тёды Кам* (Великая Священная Река) в поэтических фольклорных текстах удмуртов [16, С. 50]. Унося болезни из мира человека, вода, тем самым, выполняет очищающую функцию: «*Кышкамзэ, син усемзэ **очищай, вода-матушка***» (Его/ее) испуг, сглаз *очищай, вода-матушка*) (ПМА).

Наряду с водой, болезнь можно отослать из этого мира/мира человека и по ветру: «...*озьы ик та висёнме но мед нуоз тёл съёры*» (...пусть также и мою болезнь **унесет ветром**) [7, С. 29], с дымом: «*Кинлэсь кышкад, пие, пунылэсь-а, жазеглэсь-а яке кинлэсь ке, **та чын съёраз мед басьтоз вань кышкамъёстэ***» (Кого испугался, сыночек, собаки ли, гуся ли или еще кого, пусть этот дым с собой возьмет все твои испуги) (РФ УИИЯЛ УрО РАН Д. № 742. Т. № 6. Л. 5) (Об окуливании см.: [26, С. 262–265]).

Исходя из представлений, что болезнь – враждебное человеку существо потустороннего/чужого мира, местом ее отсылки, соответственно, является локус,

противопоставленный *своему* пространству. Одним из мест отсылки болезни может служить территория, расположенная за пределами леса: «*Синме потэм йыдыез эмъяло вылэм пересъёс тазы: «Шунды бертэм, нунал бертэм, кизили бертэм, толзёс бертэм, мед йыдыед быроз, кыдёке сик съёры кошкоз»*» (Ячмень старики лечили так: «Солнце возвратилось, день возвратился, звезда возвратилась, месяц возвратился, **пусть ячмень твой исчезнет, далеко за лес уйдёт**») (заговор от ячменя, ФДА УдГУ 2001/2002. О.В. Стрелкова, С. 7–8). В удмуртских молитвах-заклинаниях упоминаются следующие локусы, куда предположительно можно отослать болезнь: «*Гуртэ пырысь через-чурез тузонэз сяин, лысвуэз сяин нюлэс съёры, чабы съёры лэзьысалёд ке...*» (В деревню входящую болезнь-эпидемию как пыль, как росу **за лес, за прясло изгороди** если бы отбросил...) [27, С. 163]. Иной мир представлен территорией, простирающейся за изгородью, сплетенной из веток хвойных пород деревьев. Такой изгородью обычно огораживали место мольбищ в лесу [3, с. 186]. В данном случае и изгородь, и лес семантически представляют собой единое целое, так как реализуют бинарную оппозицию «свой-чужой». В семантическое поле понятия «чужой» попадает и пространство за пределами поля: «*Котькөче дышмонэз бусы съёртй лэзь*» (Всякого врага **за поле отправь**) [29, С. 131], под банным полком: «*Ведйньёс, съод синмын учкисьёс лапча съёры мед кошкозы*» (Колдуны, недоброжелательным взглядом посмотревшие (букв. черными глазами) пусть **под полком** уходят) (ФДА УдГУ 2000/2001. Е.А. Васильева, С. 11). Указание заговаривающим места, куда и каким путем следует уходить болезни/духу – «Сюрес кузя, ву кузя, кенер кузя мед кошкоз» (По дороге, по воде (рек), вдоль изгороди пусть уходит прочь) [12, С. 58], – можно рассматривать также как место их изгнания, локус их обитания. Именно в этих местах, согласно представлениям удмуртов, болезнь может напасть на человека.

Характерно, что в формулах отсылки/изгнания болезни, содержащихся в удмуртских лечебных заговорах и молитвах-заклинаниях, «то»/«чужое» пространство лишь обозначено (нижнее течение реки, за лесом, за полем, за изгородью и т.д.), без дополнительных характеристик. Для сравнения: восточнославянской традиции заговаривания свойственно упоминание так называемого «мира-НЕ», похожего на этот/принадлежащий человеку мир, но только «со знаком минус» [20, С. 142].

Наряду с изгнанием болезни в *чужой/потусторонний* мир, как изначальный локус ее обитания, встречается и другой способ избавления от болезни: перенос недуга на дерево в качестве заместителя души человека. Примечательно, что данная тактика характерна лишь для трех функциональных групп удмуртских лечебных заговоров: сакральных текстов от ангины/воспаления горла, фурункула/чирья и нарыва под ногтем: «*Кёс ньылос потэм, та кёс писпу борды мед кылёз. Эмез-юмез та мед луоз*» (Сухое горло появилось, **пусть на этом сухом дереве останется**. Лечением-снадобьем пусть это [Эти слова. – Т.П.] будет) (заговор от ангины, ФДА УдГУ 2002/2003. Л.В. Комарова, С. 19–20); «*Марлы адямиез курадзыйтськоды? Адыми борды эн потэ, писпу борды потэ*» (Почему человека мучаете? **На человеке не появляйтесь, на дереве появитесь**) (заговор от чирья, ФДА УдГУ 1997/1998. О.А. Спиридонова, С. 20); «*Гижнисийисез эмъяку, висись чиньыез кор пылиськем виски мырылоно. Озь мырылыку, таёе кылёс верано:*

«Шунды бертэм, нунал бертэм, кизили бертэм. Тань, Валялэсь гижнисийисьсэ эмъясько. **Та гижнисийисьсэ кор виски мед кылёз**» (При лечении нарыва у ногтя большим пальцем надо тыкать в расщелину бревна. При этом надо сказать следующие слова: «Солнце вернулось-восстановилось, день вернулся-восстановился, звезды вернулись-восстановились. Вот, Валин нарыв лечу. Пусть этот ее **нарыв в бревне останется**») (заговор от нарыва у основания ногтя/панариция, ФДА УдГУ 1992/1993. Т.В. Волкова. С. 37). В приведенных примерах болезнь отсылается с человека на дерево/сухостой/расщелину в бревне посредством воздействия на нее словом, подкрепленным необходимым действием. В лечебном обряде слово и действие дополняют друг друга: «Кынмыса йыды потйз ке, сое ул вылэ, пе, чиньыен йёттылыса быттоно, верано: «Куке та ул вылэ йыды потйз ке, соку ик йыды симмам но мед потоз». Куинь пол, пе, **чельыен кароно синме, сэре улвылэ кароно**» (Если от простуды ячмень появится, его в сучок, дескать, пальцем тыча, изводят, приговаривая: «Когда на этом сучке ячмень выйдет, тогда пусть и на моем глазу появится». Три раза, дескать, надо сделать вид, что тычешь мизинцем в глаз, потом в сучок) (заговор от ячменя, ФДА УдГУ 2002/2003. И.А. Наговицына, С. 22). В данном случае само действие заговаривающего символизирует отсылку недуга на сухой сук. В славянской народной медицине перенос болезни на дерево сопряжен с последующим «запиранием» там болезни: «помещали в отверстие в стволе, просверленное на высоте роста больного, пук его волос и ногтей, его «мерку» (нить, с помощью которой промерили его рост и размах рук (...), дули туда и заколачивали отверстие колышком» [23, С. 65-66], кроме того, в случае болезни заключался договор или устанавливались обменные отношения с деревом [23, С. 65], что для удмуртской традиции нехарактерно.

Анализ корпуса удмуртских лечебных заговоров показывает, что наряду с мотивом изгнания/отсылки болезни функционирует мотив отделения недуга/враждебного духа от больного: «**Инмаре-Кылчинэ, батюшкое, кызы ке тон мыным юртты та аядми котырысь черъёсты уल्याны, та аядмиез мынам висъяме потэ**» (Инмар-Кылчин, батюшка, как-нибудь ты мне помоги от этого человека болезни отогнать, этого человека я хочу отделить [от болезни] (заговор от испуга, ФДА УдГУ 1999/2000. Л.С. Максимова, С. 31-32); «**Абадан, гызег, та верам кылбур эмез-юмез та медло! Пуртэн-тйрен вёлса бордысьтыз мед паласькоз!**» (Абадан, гызег [Ругательства в адрес болезни. – Т.П.], пусть сказанные слова будут лечением-снадобьем! Словно топором-ножом обстроганная, пусть **отпадет** [болезнь!]) (заговор от порчи) [28, С. 156-157]; «**Со (имярек) кёт пушкысьтыз, йозвиисьтыз-виисьтыз мед люкиськоз-сайкиськоз**» (Пусть из живота [имярек], суставов-органов выйдет-отделится) (РФ УИИЯЛ УрО РАН Д. № 739 «а», Л. 18); «**Та пурт кызы вёлса басьтэ пуэз, озы ик вёлса бастйсько висёнзэ**» (Этот нож как дерево строгаёт, также **отделяю болезнь** [этого человека] (ФДА УдГУ 2002/2003. Л.В. Комарова, С. 18). Для знахаря процесс отделения болезни/духа от больного человека, таким образом, равноценен процессу исцеления.

Определенный корпус лечебных заговоров строится на мотиве полного исчезновения болезни, ассоциирующегося с ее высыханием. При этом болезнь никуда в пространственном отношении не отсылается, она просто сводится на

нет, что позволяет говорить о реализации бинарной оппозиции «бытие/небытие»: «Эмъясьско-юмъясьско зырдам пӧсь жӱсун. Кызъы зырдам пӧсь жӱсун сутэ-куасьтэ-пыже, озъы ик **сутса-куасьмыса та куярак мед быроз**» (Лечу-заговариваю раскаленными докрасна угольками. Как раскаленный уголь жжет-сушит-печет, так же пусть, **обжигая-высыхая, болезнь куярак исчезнет**) (заговор от опухоли) [7, С. 29–30], «Узы-боры кызъы куасьме, озъы ик **мед куасьмоз та чача**» (Как ягоды земляники-клубники высыхают, так же пусть высохнет эта оспа) (заговор от оспы) [6, С. 44]. Процесс заговаривания может состоять из следующего алгоритма: хитростью вынудить болезнь покинуть тело человека, заключить ее в закрытое пространство и впоследствии добиться полного ее исчезновения: «Нырысь ик азвесь коньдонэн котыръяно, а зйбылыны уг яра и шуоно: «Мон та азвесь коньдон сётйсьско, мон та адымилэсь **висёнзэ басьтыны** вырысьско. **Мед мозмытоз**». Пуртэн котыртоно: «**Кыдёке медаз кошки, мед куасьмоз**». Шерен котыртоно: «Мон тае шерен котыръясьско. Кызъы ке та лэчыт каре пуртэз, литофкаез, озъы ик тае лэчыт карса мед кошкоз». Эгырен котыртоно: «Кызъы ке та эгыр куасьмиз, **озъы ик мед куасьмоз, медам кыдёке альскы**» (Сначала надо обвести (нарыв) серебряной монетой, нажимать нельзя, и сказать: «Я эту серебряную монету даю, я пытаюсь **купить/взять болезнь** этого человека. **Пусть отпустит**». Ножом обвести: «Далеко пусть не уходит, пусть **высохнет**». Оселком обвести: «Я ее [болезнь] обвожу. Как он точит нож, косу, пусть ее [болезнь] наточив, пройдет». Угольком обвести: «Как этот уголек высох, **пусть так же высохнет, пусть дальше не распространяется**» (заговор от нарыва, ФДА УдГУ 1999/2000. Л.С. Максимова, С. 32–33). Названный мотив реализуется в удмуртских заговорах лечебного характера также посредством широко распространенной формулы обратного счета: «Галялэн синмаз йыды потэм: /Одйг, куинь, вить, сизьым, /Сизьым, вить, куинь, одйг но өвӧл ни» (У Гали ячмень появился: /Один, три, пять, семь, /Семь, пять, три, ни одного даже нет) (ФДА УдГУ 2000/2001. Е.А. Васильева, С. 11).

Подытоживая вышесказанное, отметим, что отсылка болезни в иной мир и сам факт ее изгнания из организма больного/«своего» пространства воспринимаются как магическое воздействие мыслью/словом/действием на процесс протекания болезни и в целях профилактики различных заболеваний. Кроме того, возвращение болезни/духа болезни в отведенное ей место символизирует процесс стабилизации миропорядка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Д – дело

Л – лист

ПМА – полевые материалы автора

С – страница

Т – тетрадь

РФ УИИЯЛ УрО РАН – рукописный фонд Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук

ФА УдГУ – фольклорный архив Удмуртского государственного университета

ФДА УдГУ – фольклорно-диалектологический архив Удмуртского государственного университета

ФЭ – фольклорная экспедиция

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Богаевский, П.* Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. – 1890. – Кн. IV. – № 1.

2. Большой англо-русский словарь / Автор-составитель Н.В. Адамчик. – Минск, 1998.

3. *Васильев, И.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // ИОАИЭ. – Казань, 1906. – Т. XXII. – Вып. 3. – С. 185–219; Вып. 4. – С. 253–276; Вып. 5. – С. 321–349.

4. *Вельмезова, Е.В.* Семантика пространства лечебного заговора: к типологии формул отсылки болезни (на примере восточнославянских, чешских и французских текстов) // Вестник МГУ. – Серия 9. Филология. – 1999. – № 4. – С. 50–60.

5. *Вельмезова, Е.В.* Семантика пространства чешского лечебного заговора: формулы отсылки болезни // Живая старина. – 2000. – № 1. – С. 35–36.

6. Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996.

7. Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.

8. *Владыкин, В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994.

9. *Владыкина, Т.Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. – Ижевск, 1998.

10. *Зайцева, Е.Н.* Народная медицина удмуртов в конце XIX – первой трети XX вв.: дис. ...канд. историч. н. – Ижевск, 2004.

11. *Кельмаков, В.К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. – Ижевск, 1981.

12. *Миннихметова, Т.Г.* Традиционные обряды закамских удмуртов. Структура. Семантика. Фольклор. – Тарту, 2003.

13. *Михеев, И.С.* Болезни и способы их лечения по верованиям и обычаям Казанских вотяков // Вотяки: Сб. по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. – М.: Центр. Изд-во народов СССР, 1926.

14. *Небжеговская-Бартминская, С.* Шла болячка с Болентина... Концептуализация болезни в польском языке и в польских народных заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. – М., 2005. – С. 309–325.

15. *Никитина, Г.А.* Мифологические представления в народной медицине удмуртов // Удмуртская мифология. – Ижевск, 2003. – С. 84–96.

16. *Нуриева, И.М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. – Ижевск, 1999.

17. *Олуе, Э.* Формула уничтожения в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М., 1993. – С. 128–139.

18. *Порозова, А.Д., Шабалина, Л.П.* Традиционная народная медицина Симбирско-Ульяновского Поволжья. Историко-этнографическое исследование. – Ульяновск, 2009.

19. *Рычков, Н.П.* Журналь или дневныя записки путешествія Капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1769 и 1770 году. – СПб, 1770.

20. Свешникова, Т.Н. Структура восточнороманского заговора в сопоставлении с восточнославянским (формулы отсылки болезни) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М., 1993.
21. Свешникова, Т.Н. Структура восточнороманского заговора в сопоставлении с восточнославянским (формулы отсылки болезни) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М., 1993. – С. 139–149.
22. Свешникова, Т.Н. О некоторых типах заговорных формул // Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова. – М., 1995. – С. 121–129.
32. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. – Т. 2: Д–К. – М., 1999.
24. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. – Т. 4: П–С. – М., 2009
25. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В.В. Адамчик. – М., 2006.
26. Чиркова, Е.В. Окуривание ребенка как лечебный обряд // Традиционная культура в изменяющемся мире. – Ижевск, 2009. – С. 262–265.
27. Munkácsi, B. Votják Népköltészeti Hagyományok. – Budapest, 1887.
28. Munkácsi, B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D.R/ Fuchs // MSFOu, 102. – Helsinki, 1952.
29. Wichmann, Y. Wotjakische Sprachproben, I // JSFOu, XI. – Helsingfors, 1893.

Поступила в редакцию 21.05.2010

T.I. Panina

Formulae of expelling the illness/disease in Udmurt charms and prayers

The article is devoted to the analysis of special formulae which are aimed at expelling the illness/disease from the human body and local environment. These formulae are taken from Udmurt charms (pel'l'as'kon) and prayers (kuris'kon). The folklore texts allow to reveal the principles of counteraction against illness/disease and analyze the weird character of the illness/disease.

Key words: Udmurt folklore, tradition of charming and praying, formula of expelling the illness/disease, weird character of the illness/disease.

Панина Татьяна Игоревна,

аспирант, Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

г. Ижевск

E-mail: tipanina@mail.ru

С.М. Нефедова

СВОЕОБРАЗИЕ ПСИХОЛОГИЗМА

РАССКАЗОВ А.В. УЛЬЯНОВА

(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА

«БАТЬЛЫ ГÖТЫР» – ЖЕНА ОТЦУ)

В статье выявляются формы психологического изображения, способствующие исследованию внутреннего мира героя рассказа и участвующие в создании психологизма определенного типа, выработанного автором.

Ключевые слова: особенности психологизма, несобственно-прямая речь, косвенные приемы, внутренний мир.

Для рассказов А. Ульянова характерно то, что ту или иную жизненную ситуацию он изображает предельно лаконично. Не оттого, что его рассказ имеет ограничительные рамки, а оттого, что для Ульянова, при его немногословности и скупости в использовании художественно-изобразительных средств, ценностно значима человеческая личность с её внутренними коллизиями и разладом; сюжет не играет значимой художественной роли. В ходе повествования автор, так же как и читатель, пытается разобраться в психологическом состоянии героя, при этом оставляя за последним право делать какие-либо выводы. Потому речь автора скупа в изображении внутреннего мира героя, который не обнажает свои мысли, а побуждает читателя к размышлению. В силу того, что автор только вводит читателя в духовный мир героя, в повествовании много недомолвок и недосказанности, чему способствуют синтаксические особенности текста. Внутреннее состояние героя выражается с помощью неких замечаний, в которые словно облечена речь автора и героя. Мысли и чувства персонажа скрыты; немногословность автора дает читателю возможность уловить и домыслить то, что завуалировано или выражено автором косвенно.

Внутреннее состояние Володи – героя рассказа А. Ульянова «Батьлы гöтыр» (Жена для отца, 1991) противоречиво: он пытается помочь своему одинокому отцу и в то же время мучается терзаниями. Потерявший свою мать, он решил найти отцу другую спутницу жизни. Нелегко далось такое решение, в родительском доме всё напоминает ее образ: расстановка мебели, фотокарточки, похвальные грамоты, маленький нательный крестик. Но жалость к отцу и желание помочь

ему справиться с одиночеством толкают Володю на решительный шаг – сосватать вдовому отцу невесту.

Раскрывая психологическое состояние Володи, автор показывает неоднозначность отношения героя к отцу: и жалость, и легкая ирония. Первое чувство проявляется сразу и проходит через все повествование, выражаясь непосредственно – в многократном повторении слова «жалость». Все, что ни делает герой для отца, – вызвано жалостью и боязнью потерять любимого человека. Сын не видит, а, главное, не чувствует, что его отец полон сил и желания жить. Жалость сына проявляется в портретных характеристиках отца и прямооценочно. Худоба отца («*косьмõма дзикõдз, сартас кодъ лоõма*» – высох весь, как лучина стал), неопрятность дорогого человека («*гач ситаныс õшалõ*» – мотня штанов свисает, «*дõрõмыс чукрассьõма*» – рубашка помята) побуждают сына принять решение.

Ирония же его проступает только в некоторых эпизодах, причем в несобственно-прямой речи, позволяющей более тонко, как бы изнутри передать отношение героя, проникнуть в мир его чувств и переживаний. Благодаря несобственно-прямой речи и формируется подтекст рассказа, куда уходит вся гамма оттенков его эмоционального состояния, которое и улавливается читателем посредством вживания и угадывания. Исследователями отмечено [1], что подтекст акцентирует внимание читателя, вовлекая его вместе с автором в психологический анализ. Подтекст позволяет читателю формировать собственное мнение о герое и выразительно передает переживания самого героя. «*Батъыс чурсни́тис винатõ, чу́кыртчы́лис, бы́тьтõ не́кор абу́ ю́лõма. Пу́калõ со, ня́клялõ кары́сь вайõм калбас, румкасõ увля́ньюрõдõма: ты́рмас пõ сэ́сья. Но õд питõ он пõръяв. Ю́львлін, майбы́р, том ка́дад. Вель ё́на на. Ё́ні асьтõ видзан, ты́далõ. А сэ́ки, во кы́зь сайын...*» (Отец отхлебнул вино, сморщился, как будто никогда не пил. Вот сидит, разжевывает привезенную из города колбасу, рюмку перевернул: больше не надо. Но ведь сына не обманешь. Выпивал неплохо в пору молодости. Еще очень сильно. Видимо, теперь себя бережешь. А тогда, лет двадцать назад... [Здесь и далее подстрочный перевод наш. – С.Н.]). Описание действий Николая Петровича плавно переходит в изложение тайных мыслей Володи, имеющих форму незавершенных замечаний и воспоминаний о прошлом отца и вызывающих иронический контраст. В сознании всплывают обстоятельства из прошлого Николая Петровича, побуждающие Володю к неоднозначной оценке сегодняшних его действий. Эмоционально-оценочные слова, обороты, интонационный рисунок текста, который формируется и знаками препинания, и частотой неполных, нераспространенных предложений, усиливают отрывочность и незаконченность мыслей героя, приоткрывают критическое, слегка насмешливое отношение его к отцу. Аналогичное чувство проявляется и тогда, когда отец назвал женщину, которая ему давно по нраву: «*Пи́ля Ка́тя... Со ко́дõс бṍрийõма Николай Петрови́чõд. Абу́ на, майбы́рõй, пиньы́с ны́жмõма батъы́слõн, ко́ть и ква́йтымы́н нё́ль ар ты́ртõ*» (Пиля Катя... Вот кого выбрал Николай Петрович. Еще, небось, зубы не затупились у отца, хоть и шестьдесят четыре года ему исполняется). В обоих примерах обратим внимание на слово «майбыр», которое и придаёт мыслям героя оттенок иронии. Он никогда не посмел бы произнести их вслух, так как они слишком личностны. Беспокойство за отца и любовь к нему соседствуют с реальным представлением о нем,

которое сопряжено со слегка критически-насмешливым отношением. Выражается оно автором с помощью несобственно-прямой речи, благодаря чему Володя как бы отделяется от себя и со стороны смотрит на отца, принимая иную позицию; называет его по имени-отчеству. Неоднозначность чувств Володи к отцу, скорее всего, обусловлена тем, что герою известно нечто негативное о прошлом отца (*«абу на, майбырõй, пиньыс ныжмõма...»* – ещё, небось, зубы не затупились). Где-то на уровне подсознания вина отца не дает герою покоя и гложет его, хотя на момент действия в рассказе он осознает, что любит отца и желает ему помочь.

Как бы Володя ни любил своих родителей, он далек от понимания их душевного состояния. Он их жалеет, но его чувство выражается по-разному. Автору, скорее, неважно, что было раньше в жизни героев, для него значительно, как Володя терзается мыслями о том, сможет ли помочь своему отцу. Переживания, чувства Володи – на первом плане, а образ отца дается через восприятие и отношение к нему сына. О том, что вдовцу одному тяжело, мы узнаем через сына. В его восприятии отец предстает старым, доживающим свой век человеком, и не исключена возможность его скорой смерти: *«Жаль Володялы батьыс. Висьõм кõ, шуам, топõдас, ватõ некодлы мыччынытõ. Тонõ тай Микул Педõрõс вежон мысти сõмын казялõмадсь. Другõн кувсьõма да»* (Жалко Володе отца. Если болезнь, скажем, прижмет, воду некому поднести. Вот Микул Педора только через неделю нашли. Вдруг умер да). А Николай Петрович живет полноценной жизнью, о чем говорит и самостоятельный выбор им спутницы жизни. Он обдумал и выбрал именно ту женщину, которая хороша собой, отлично справляется с домашними делами, держит в хозяйстве корову. Для него имеет значение не только покладистость невесты, но и ее родственные связи (*«абу юысь рõдысь»* – не из пьющей семьи). Если для Володи Пильõ Катьõ – сиделка, которая в нужный момент сможет подать воду, то для Николая Петровича – именно спутница жизни, которая бы понимала и ценила его как человека, мужчину. Его волнует, смогут ли они поладить друг с другом. А Володе это кажется не главным: *«Ладмõдчаннõд кыдзкõ. Олõмыс тшкõктас...»* (Поладите как-то. Жизнь заставит).

Воспоминания героя о матери очень теплые, и чувствуется, что он еще не смирился с её смертью; мысли его получают семантику и интонацию похоронных причитаний, по аналогии с которыми несобственно-прямая речь передает образ труженицы, всю свою жизнь безвозмездно отдавшей работе. Во всем облике матери видны её духовная сила, сердечность, праведность. Многократные обращения и восклицания героя, адресованные к ней с суффиксом -õй передают интонацию плача: *«Ок мамõ, дай мамõ! Сõлõмтõ бурмõдõм ради али мый могысь тэныд колõны вõлõ тайõ мича кабалаторьясыс? <...> Воласны чина йõз, ошкыштасны зиль уджысь, пызь мешõктõ мыши вылас кыскалõмысь, тувкасны, коньõрõйлы, грамотатõ да бõр тувгасны-каясны райцентрõ... Сидзи и лои нэмсõ няньшомтõ кинас лойны, сизимдас килоа пызь мешõкъястõ ас вылас кыскавны. Кувсьытõдзыс, бур олõм да кыз сõм аддзывтõг... Эз тай некод дорõй да видз тэно, мамукõй. Зэв на томõн лои кыз му улад пырны....»* (Ох мама, дай мама! Чтобы сердце успокоить или ради чего тебе были нужны эти красивые бумажки? <...> Придут было чиновники, похвалят за усердную работу, за мешки муки, которые таскала на плечах, толкнут, бедняжке, грамоту и обратно понесутся-поедут в райцентр. Так и пришлось всю

жизнь квашеное тесто руками месить, семидесятикилограммовые мешки муки на себе таскать. До смерти, хорошую жизнь и много денег не видевши... Вот никто тебя не защитил и не сберег, мамочка. Еще слишком молодой пришлось в сырую землю уйти...). По наблюдениям исследователей [2], сюжетный мотив «трудная жизнь» типичен для похоронных причитаний. Изображение горести и несчастья обусловлено функцией самого жанра. В данном примере можно выделить и такие схожие с причитаниями элементы композиции, как зачин-обращение, риторические вопросы. В форме несобственно-прямой речи автор передает, как Володя жалеет свою мать, скорбит о ней, обнажая чувство, скрытое в душе героя. Володя винит многих, может быть, в том числе и отца, что матери выпала нелегкая судьба. Нельзя сказать, чтобы отношение Володи к отцу было холоднее. Он любит своего отца и также жалеет его, но уже как человека преклонного возраста. Сын готов принимать отца таким, каков он есть, с присущими ему недостатками и совершенными ошибками. В нынешней ситуации Володя готов помочь отцу и мучается тем, что так трудно ему это удастся.

Значителен в рассказе диалог Володи с вдовой, выполняющий роль кульминации, где в полной мере созревшие чувства героя проявляются и получают новое развитие по своим оттенкам переживания. Отважившись на разговор с Пильё Катъё и в роль свата, Володя еще сомневается в правильности своего решения. К ответственному шагу его подтолкнули слова матери, которые вспомнил Володя перед входом в дом вдовы. Перед смертью завещала она детям беречь отца и заботиться о нем.

«Пукалõ Володя паськыд пызан сайын, сук чай чурскõ-юõ, кывзõ Катялысь визув сернисõ, «ну» да «на» шуышталõ, вежõрсъыс, медся ылӓ пельõссьыс, лõсялана кывъяс корсьõ, мед эськõ сернисõ асланыс бергõдны, да некыдзи найõ оз сюрны. Вильснитõны-пышйõны кытчõкõ, быттьõ визув ю кылõдõ.

– Могõн ме локтӓ, – суйсис бõръявылыс тэрыб серни костõ Володя, весиг сьõлõмыс личалис. – Бать со нель во нин õтнас олõ. Гажтõм сы ыджста керкаад...

– Ме тай кымын во жõ нин õтнам... Челядь воласны да, сэки сõмын и гажыс, – морõс тырнас шога шуис Пиля Катя.

– Жõдзõ õтарõ-мõдарõ. Лавкаõ кайлас, пес да ва пыртас. Пукалõ сэсса õшинь дорын, шогыс личкõ...

– Сэтиõм, сэтиõм пõрысь олõмыд...

– Сийõн и кежи мися. Батьсянь сёрниõн быттьõ. Гаикõ, тиянлы кыкнад гажаджык лõ. Õтлаасьны кõ, шуам, – синсõ лэптис Володя. Мый шуõма лои, шуõма-а» (Володя сидит за широким столом, фырскает-пьет крепкий чай, слушает быстрый разговор Катерины, поддакивая иногда «ну» и «на», а из рассудка, самого потаенного угла, ищет подходящие слова, чтобы разговор на себя повернуть, но они никак не отыскиваются. Скользят-бегут куда-то, будто бы их быстрая речка уносит.

– Я пришел по делу, – вмешался под конец Володя в быстрый разговор, даже сердце отпустило. – Отец уже четыре года один живет. Скучно в таком большом доме...

– Я уж сколько лет одна проживаю.. Дети приезжают, и только тогда веселье, – горестно сказала Пиля Катя.

– Слоняется, ходит туда-обратно. В магазин сходит, дрова и воду принесет. Потом сидит возле окна, горе его давит...

– Такая, такая, жизнь стариков...

– Затем и зашел. От отца с разговором будто. Может, вам вместе веселее будет. Соединившись, скажем, – поднял глаза Володя. Что сказано, то сказано).

Диалог эмоционально насыщен, играет значительную художественную роль, хотя вербально автор не передает душевного состояния Володи. Его рассеянность, нерешительность, боязнь проступают сквозь чересчур краткие фразы и описание некоторых особенностей поведения. Представлен только общий эмоциональный тон, оттенки же чувств скрыты. Трудно дается Володе этот разговор. Боязнь быть осмеянным и нерешительность охватывают его. Только в преддверии их диалога автор передал его внутреннее волнение. «*А зоркõдчас да Пилья Катяыслы мый шуас? Мыйсянь сёрнисõ панас? Эк, корасьысь дай корасьысь! Му пырыс кõtь мун...*» (А постучать и что сказать Пильё Катьё? С чего начать разговор? Эх, сватающийся, дай сватающийся! Хоть сквозь землю провалиться...). Сложное и непривычное для Володи дело пробудило в нем чувство неловкости, замешательства. «*Лукалõ*» (сидит), «*чурскõ-юõ*» (фырскает-пьет), «*кывзõ*» (слушает) – за этим, казалось бы, ничего не предвещающими действиями и скрываются нерешительность, страх Володи, не знающего, как начать разговор. Некоторыми замечаниями автор лишь приоткрывает мир переживаний героя, а вся гамма чувств, переполняющая его, вуалируется, уходит в подтекст.

Диалог между героями, кажется, не стыкуется. Каждый говорит о своем. Володя – высказывается, Пильё Катьё – выговаривается. Он с волнением ждал этой встречи. Искал слова, чтобы своей просьбой не обидеть пожилую женщину, и боялся, что она может не дослушать его. Поэтому реплики Володи можно было бы соединить в монолог, прерываемый словами Пильё Катьё. Герой волнуется и хочет побыстрее изложить цели своего прихода. Разговор их становится значим не только в смысловом отношении, но и эмоциональными оттенками, выражаемыми интонацией и жестами. Тревога, которая охватывает героя во время разговора, автором скрыта. Момент напряженности уходит в глубь ёмких фраз, что вызывает сопереживание читателя. По сути, для Володи было не важно, как и что говорит вдова, он ждет только ответа на свое предложение. А между тем пожилая вдова, не имея возможности кому-то излить душу, говорит о тяготах собственной жизни. Однако ее монолог не услышан ни героем, ни читателем. О том, что тревожит Пильё Катьё и как она скучает по детям, можно судить только по сдержанным словам автора («*морõс тырнас шога шуис*» – горестно сказала).

С трудом и усилием высказав просьбу отца, герой заключил: «*Мый шуõма лои, шуõма-а*» (Что сказано, то сказано). Для него это означает некое высвобождение от пут, после чего наступила развязка эмоциональной напряженности. Володя исполнил просьбу отца, и теперь слово за вдовой. Но Пильё Катьё отказывается от предложения Володи. Она, как и Николай Петрович, не считает себя доживающей свой век старухой, а, напротив, – женщиной самостоятельной и способной справиться с любыми проблемами. Следствием ее отказа стало то, что Володя решается на обман отца. Это рождает новую волну чувств, а именно: вину перед дорогим ему человеком. Так охватившие героя чувства нанизываются и усложняются. Если раньше он не знал,

как помочь отцу, при этом неоднозначно к нему относился, то теперь прибавляется чувство своей вины. В таком состоянии читатель и застаёт Володю в начале рассказа. Бессонная ночь героя вбирает в себя всю его душевную боль.

Психологизм Ульянова можно охарактеризовать как реалистичный; автор словно проникает в глубины характера, изображая неоднородность чувств героя, причем не только явные проявления любви, заботы, жалости, но и чувства глубоко потаённые, возможно, не осознаваемые самим героем.

Вина отца, которая проскальзывает в несобственно-прямой речи, не раскрыта в тексте, ее присутствие явно уловимо, что говорит и о такой особенности психологизма писателя, как скрытость, завуалированность. С помощью подтекста и несобственно-прямой речи (как одного из средств его реализации) читатель улавливает те оттенки чувств, которые сокрыты в сознании героя и от него самого.

Образы природы тоже вовлекаются автором в психологическое изображение героя. Чувствами персонажа пропитан пейзаж, с первых строк формирующий у читателя определенное настроение, которым охвачен герой. Описание природы по-своему обрамляет изображенную ситуацию и выполняет значимую художественную функцию, во многом способствуя тому, чтобы выразить усиливающиеся муки и терзания героя. Глядя в окно герой вспоминает, как осенью пытался сосватать жену своему отцу. Он анализирует свои действия и заново переживает случившееся. Психологический параллелизм не просто выражает душевное волнение Володи, но и усиливает его. *«Уль лым шляпкис-усис кынмывлытõм на му вылõ да здук мысти сылис нин, кõtõдис-няйтõсьтис гõгõр (...). Володя сулалис õиинь дорын да жугыля видзõдис, кыдзи тõвзõны-лõбалõны немьд ывлаын гырысь лым чирьяс, ляскысьõны стеклõ, ва войтõн тюрõны увлань...»* (Мокрый снег шлёпал-падал на не замерзавшую еще землю и через секунды уже таял, промочил-загрязнил везде (...). Володя стоял возле окна и печально смотрел, как несутся-летают на темной улице большие хлопья снега, липнут к стеклу, каплей воды стекают вниз...); *«...Ывла вылын шняпкис-усис уль лым. Гырысь ва войтьяс тюрисны õиинь стеклõ кузя. Володя сулалис да видзõдис немьд енэжõ. Гашкõ, кайлыны бать ордас да? Гашкõ, мõд бабаõс коравны?»* (...На улице валил-падал мокрый снег. Большие капли воды стекают по стеклу окна. Володя стоял и смотрел в темное небо. Может съездить к отцу? Может другую женщину сосватать?).

Второе описание природы, дублируя первое, подчеркивает, что жизнь не принесла герою ожидаемого облегчения души. Унылый пейзаж, составляя своеобразное кольцо, передает внутреннее состояние героя: чувство неловкости перед отцом и безысходности. Володя понимает, что, решившись на обман, он пробудил в отце пустую надежду и тем оттянул время его женитьбы.

Автор оставляет ситуацию незавершенной, побуждая читателя к размышлению. Финал открытый – в том смысле, что автор не ставит точку в расшифровке внутреннего состояния героя. Володя всё ещё пытается помочь своему необустроенному отцу. Концовкой рассказа автор ставит многоточие, а психологическое состояние героя словно продолжается во времени и предполагает новый виток развития сюжета. Снимается впечатление замкнутого круга. У Володи возникает мысль о новой попытке найти своему отцу спутницу жизни: *«Гашкõ, кайлыны бать ордас да? Гашкõ, мõд бабаõс коравны?»* (Может, съездить к отцу? Может

другую женщину сосватать?). Особенность такого типа сюжета охарактеризовал Л.М. Цилевич [3]: «Сюжетная разомкнутость, возникновение в развязке контура завязки нового сюжета выражено прямо, лексически, глаголами действия». Такими глаголами в рассказе А. Ульянова являются: «*кайлыны*» (съездить) и «*коравны*» (сосватать). Однако решение Володи, созревшее в те минуты, когда он стоял у окна, не является окончательным. Вводное слово «*гаишкӧ*» указывает лишь на возможный исход событий. Душевные муки героя продолжают.

Герои рассказов А. Ульянова, как правило, предстают перед читателем с неким внутренним разладом, душевной болью, которая не дает им покоя. Но то, какие чувства одолевают героя, не всегда понятно и самому автору. В ходе повествования он, как и читатель, стремится проникнуть в мир переживаний и чувств персонажа. Наблюдая за героем, он лишь отмечает нюансы его душевного состояния, с помощью несобственно-прямой речи намекая читателю на то, что происходит в душе героя, какие чувства, мысли его волнуют; каковы его подспудные, неосознанные ощущения. Такая форма является одним из приемов реализации подтекста произведения [4]. Подобный тип психологизма рассказов А. Ульянова можно определить как «скрытый». Именно недомолвки и недосказанность автора, косвенные приемы проникновения во внутренний мир героя побуждают и активизируют читательское участие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Исенов, А.Х.* Психологизм современной прозы. – Алма-Ата, 1985. – С. 33–34.
2. *Филиппова, В.В.* Коми фольклор сылан жанръяс поэтика (Поэтика песенных жанров коми фольклора). – Сыктывкар, 1996. – С. 10–18.
3. *Цилевич, Л.М.* Стиль чеховского рассказа. – Даугавпилс, 1994. – С. 134.
4. *Есин, А.Б.* Психологизм русской классической литературы. – М., 2003. – С. 168.

Поступила в редакцию 07.04.2010

S.M. Nefedova

Psychologism originality of the tales by A.V. Ulianov (by the example of the tale “Batly gotyr” – A wife to a father)

In the article based on the analysis of the tale by A.V. Ulianov “Batly gotyr” (A wife to a father) the forms of physiological image are revealed. They help to study the inner world of the character and also they take part in creation of psychologism of a certain type created by Komi prose writer.

Key words: peculiarities of psychologism, improper direct speech, indirect methods, inner world.

Нефедова Светлана Михайловна,
научный сотрудник Центра научно-методического обеспечения
ПКЯиЛ ОУ РК ГАОУ ДПО (пк) СРК «КРИО»
г. Сыктывкар
E-mail: nsvetlanam.80@mail.ru

УДК 821.511.151

Р.А. Кудрявцева

**РАССКАЗ И ДРУГИЕ ЖАНРЫ МАЛОЙ ПРОЗЫ
(К ВОПРОСУ О «ВЫЗРЕВАНИИ»
ЖАНРОВОЙ ПОЭТИКИ МАРИЙСКОГО РАССКАЗА)**

В данной статье рассматриваются малые жанры (публицистические и художественно-публицистические) ранней марийской прозы в аспекте их влияния на жанровую структуру рассказа. В качестве историко-литературного контекста марийского рассказа на этапе его формирования представлены очерки, сцены, зарисовки (эскизы), этюды, фельетоны (юморески).

Ключевые слова: Марийская проза, малые жанры, рассказ, жанровая поэтика.

Жанровая структура рассказа в марийской литературе складывалась долго и сложно, через взаимодействие с другими жанрами малой прозы – публицистическими и художественно-публицистическими.

Марийские рассказы первой трети XX в. в основном публиковались в книгах для чтения, «популизаторских» периодических изданиях (первым таким изданием был «Марийский календарь», выходивший в 1907–1913 гг.), газетах (первая марийская газета «Военные вести» вышла в 1915 г.) и журналах (первый марийский журнал «Пахарь» появился в 1918 г.), по своей содержательной наполненности и задачам ничем не отличавшихся от газет: рассказы, большей частью дидактико-просветительской смысловой направленности, по содержанию и жанровой форме были близки к публицистическим газетным жанрам.

Это отмечалось и в литературах других народов Поволжья, формировавшихся в XIX или на рубеже XIX–XX вв. Так, многие исследователи отмечают тесную связь прозы известного чувашского писателя первой трети XX в. И. Тхти с жанрами журналистики и публицистики (фельетоном, очерком, зарисовкой). Однако и такой рассказ в марийской и чувашской литературе имел некоторые признаки художественно-эстетического отражения жизни, «осязаемые» структурные приметы жанра рассказа.

Историко-литературный контекст марийского рассказа на этапе вызревания его жанровой поэтики был представлен, главным образом, очерком, сценами, зарисовками (эскизами), этюдами, фельетонами (юморесками). Именно к ним

тяготело большинство первых марийских литераторов из окружения С. Чавайна (В. Сави, П. Эмяш, А. Конаков, П. Глезденев, Ф. Егоров, Г. Эвайн, Икумарий, Чарламарий, Керебелякмарий, Сайгельде и др.), многим из которых так и не удалось вырваться за рамки художественной публицистики.

По этой причине большинство первых рассказов были отнесены исследователями в разряд очерков [1] либо оценивались как несовершенные в художественном отношении. Описательность, статичность и отсутствие многогранности изображения жизни в ранней прозе многих народов представляли как главные ее недостатки [2].

Из предшествовавших первым марийским рассказам прозаических произведений в первую очередь следует назвать зарисовки и сцены П. Ерусланова, объединившего их общим названием «Короткие рассказы» (1892).

Такие зарисовки и сцены, адресованные детскому читателю и претендующие в авторском понимании на жанровую поэтику рассказа, продолжали существовать и в начале XX в. уже наряду с первыми марийскими рассказами. Таковы, например, короткие прозаические тексты В. Ёпымария (В. Васильева), создаваемые в 1906–1909 гг. и публикуемые под названием «Детские рассказы». Общее название имеют короткие зарисовки и сцены Г. Эвайна (Г. Кармазина), написанные в 1914 г. Но если более половины «Коротких рассказов» П. Ерусланова представляют собой переводы Л. Толстого и К. Ушинского, то циклизированные зарисовки и сцены Ёпымария и Эвайна полностью оригинальны.

Они выражают как искреннее желание авторов понять народного читателя, завладеть его вниманием и помочь ему в жизни, так и стремление запечатлеть жизнь читателя его же глазами и языком.

Оригинальные тексты Ерусланова (их четыре) представляют собой короткие сцены, отражающие труд и быт марийского крестьянина. Они построены либо на фабульной основе («Двое мужчин», «Мужчина», «Как вор помог себя поймать»), либо на описании («Хлеб»). Второй тип композиции предвещает архитектуру лирических этюдов Чавайна 1908–1910-х гг. Но описание Ерусланова, следующее природному циклу, лишь намечает поэтику традиционного описания, с характерными для нее изобразительно-выразительными функциями, и представлено пока только повтором концовок первых предложений («руаш дене», «ру дене»).

Выбор Еруслановым сцен для фабульных зарисовок основан на их «несуразности», воспроизведение которой всегда имеет дидактическую направленность. Приведем текст первой из них («Двое мужчин»): «Двое мужчин пошли вместе работать. Три дня копали канаву – принесли три рубля. Эти три рубля три дня, споря, делили. Было бы лучше, если бы эти мужчины три дня копали канаву» [3]. Усилению несуразности ситуации и дидактизма сценки (важнее дело, а не спор из-за денег) способствует многократный повтор фабулообразующего числа.

Зарисовки и сцены всех названных авторов построены по законам устного рассказа. В них используются характерный зачин (Ерусланов: «Жил-был один мужик...»; Эвайн: «У одного человека курица снесла золотое яйцо...», «Один мариец увидел во сне кисель...», «Один человек отправил своего сына в город учиться...», «Один мариец приехал в город продавать рожь...») и неожиданная, но убедительная концовка, рассчитанная на полное овладение вниманием и

интересом слушателя. Такова, например, завершающая часть зарисовки Эвайна «Нашел выход», в которой приехавший в город мариец, не знающий русского языка и намеренный купить муку у продавца, не владеющего марийским языком, не растерялся. Он изобразил свою просьбу соответствующим жестом, сопроводив его тремя словами, одно из которых – марийское «муку», другое – знакомое ему русское слово «лошадка» на марийский манер, третье – звукоподражание (ставшее в ранней марийской прозе одним из факторов авторской субъективности). Завершается зарисовка поучительной фразой: «Если будет у тебя язык, нигде не пропадешь, везде тебя ждет удача» [4].

Характерные для устного рассказа быстрота действий и сжатость во времени передавались с помощью глаголов совершенного вида («У Йывана умерли и отец, и мать. Мальчик остался сиротой» [5] («Сирота» Г. Эвайна).

Между тем, общее в названиях циклов обозначение «рассказы» – это не только авторское «желание, выдаваемое за действительность». На материале подобных сцен-зарисовок действительно вызревала поэтика эпического произведения. Авторы учились выстраивать события и диалоги персонажей («Чавай и Шавай», «Загадываю загадку – угадай» В. Ёпымария). О приближении их зарисовок к поэтике рассказа говорят включение повествователя, организующего текст, повествование, и событийная линия, четко выстроенная и завершенная.

Пограничным между зарисовкой-сценой и рассказом является рассказ С. Чавайна «По неглубокому снегу» (1906), напечатанный в 1910 г. в «Третьей марийской книге». Почти всеми марийскими исследователями (К. Васиным, А. Асылбаевым, А. Ивановым и др.) он определяется как рассказ. По своему событийному наполнению и стилю это устный рассказ, быль. Об ориентации писателя на устный рассказ о действительно происшедшем говорит подзаголовок – *Рассказ охотника (Пычалзын ойлымышжо)*. Перед нами зарисовка случая из бытовой жизни марицев. В центре внимания рассказчика, который одновременно и главное действующее лицо (фабульный герой), – не драматическая сторона жизни, а событие, сопряженное с маленькими радостями, удачей. В этом случае-событии совмещены два сюжетных мотива, характерные для устного рассказа-зарисовки: удачная охота и торг, который, несмотря на некоторые просчеты героя, вызывающие у него нотку сожаления, тоже оказался в итоге удачным. Сожаление и минутная грустная задумчивость героя, акцентированные многоточием, снимаются последней фразой «пазар ак» («базарная цена»), выражающей житейскую мудрость.

В этом рассказе писатель представлен как тонкий наблюдатель и хороший фиксатор явлений жизни. Запечатлены не случайные, а характерные события из жизни марицев, что позволяет говорить о типизации, свойственной художественной литературе. Четко прослеживается композиционное и стилистическое единство, свойственное литературному сказу. Обращают на себя внимание динамизм событий, эмоциональная заостренность речи рассказчика, направленность на адресата – заинтересованного слушателя (но не на конкретного персонажа, как в традиционном русском сказе, а на читателя). Глаголы совершенного вида передают сжатость событий во времени: «Придя домой, только успел содрать кожу и натянуть ее, как уже явился татарин-торговец» («Шкенан деке толын, ньыктын чымен пыштышым – торговой суас толынат шуо» [6]).

Наблюдается генетическая общность первых рассказов в литературах народов Поволжья. Так, первый чувашский рассказ «Хитрая кошка» С. Михайлова-Яндуша (написан в кон. 1850-х гг.) тоже «держится» на одном бытовом событии, будто подсмотренном из народной жизни и рассказанном очевидцем и прямым его участником, с актуализацией нарративного начала, рассчитанного на заинтересованного народного слушателя («Я расскажу вам одну занятную историю»). Правда, в чувашском рассказе четче выражена авторская позиция: не просто житейская мудрость, а сформулированная в концовке дидактическая идея: «Продав большую корову, мужик хотел обмануть других, но обманулся сам» [7].

Язык рассказа «По неглубокому лесу» С. Чавайна приближен к народно-разговорной речи. Вот его начало: «В четверг я поехал за дровами. Дошел до леса, еду по межевой дороге, смотрю: через дорогу новые следы. Чьи следы? Вижу: следы куницы, потоптал следы куницы, повернул лошадь, обратно приехал к своим. Приготовил ружье и, тихо выбравшись сзади, с Йываном бросились в лес. Дошли до тех следов и пошли по ним. Шли-шли, дошли до большого дуба. След исчез. Куница залезла на дуб. Смотрим: дуб с дуплом, есть маленькая дыра... Куница залезла в дупло. Что делать? Бьем – не выходит» («Мый изарнян пу деке кайышым. Чодыраш шуым, межа корно дене кудалам, ончем: корно гоч але у кыша. Мо кыша? Ужам: луй кыша, луй кышам тошкышым да, имньым савырэн, шкенан дек кудал тольым. Пычалым ямдылышым да Ййван дене, ййжге шенгеч лектын, шолен колтышна. Саде кыша деке миен шуна да кыша почеш кайышна. Кайышна-кайышна, кугу тумо деке миен шуна. Кыша йомо. Луй тумышко кўзен. Ончена: тумо кўрган, изи рож уло... Луй тумо кўргыш пурен. Мом ышташ? Кырена – ок лек» [8]). О народно-разговорной стилизации писателя свидетельствуют разговорные выражения типа «пу деке», «шолен колтышна»; короткие предложения, характерные именно для устной речи («Кыша йомо»); слова «ончем» (смотрю), «ужам» (вижу) и вопросы «Мо кыша?» (Чей след?), «Мом ышташ?» (Что делать?), сопровождающие рассказ охотника, заостряющие внимание на самых интересных моментах и придающие ему живость и эмоциональность; слова-повторы («Кайышна-кайышна»), создающие впечатление длительности действия. Звукоподражания тоже вписываются в общий разговорный тон («Йыр-юр, йыр-юр», «Рўп!»), хотя еще не являются в полной мере приемами литературно-художественного характера.

В общей стилизации речи от первого лица под устную речь автор-повествователь сливается с рассказчиком. Каких-либо мотивировок дистанцированности последнего от автора нет, но элементы сказового рисунка очевидны.

Перед нами характерное явление начального этапа в истории жанра рассказа (этапа вызревания его из зарисовок и устного рассказа). Текст основан на событиях, увиденных писателем в народной жизни, рассказ интересен диалогом, услышанным в народной среде, – и в результате произведению Чавайна свойственны интонации и языковые средства, характерные для устного народного рассказа. И хотя герой-рассказчик очерчен лишь несколькими штрихами, но отчетливо переданы некоторые черты народного характера. К примеру, через детали сюжетного действия и диалога автор показывает понимание героем «языка» природы, умение в ней жить, охотиться. В то же время – и некоторую беспомощ-

ность в «торговом» людском мире – последнее особенно ясно высвечивается в диалоге, в частности, в поговорке: «Умшатлан йошкар ўйым пыштен шогена, тый нелын от мошто» (дословно: «В твой рот красное масло подкладываем, а ты глотнуть не можешь»).

Перед нами фольклоризм на уровне непосредственных словесных вкраплений, а именно реминисценция, придающая диалогу важный смысл. Читатель расширяет его по ассоциации с другими марийскими поговорками с образом «ўй» (масло), которые характеризуют легкость какого-либо действия или же условие для реализации чего-то: «Ўй дене шўкшў йыдалымат кочкат» («С маслом съешь и старый лапотъ»), «Ўй яклака, кў моклака» («Масло скользко, камень куском»), «Ўйлет гын, орава огеш магыре» («Колесо не шумит, если его намажешь маслом») и т.д. Порождающая это семантическое поле фраза из чавайновского текста указывает на некоторую непрактичность героя в непривычной для него обстановке, на неумение воспользоваться открывшейся перед ним возможностью.

В марийском очерке, предворявшем рождение рассказа и сосуществовавшем с ним в художественном пространстве времени, определяющая роль в организации текста принадлежала автору, который открыто репрезентировал злободневную и общественно значимую проблематику, идею. Очерки начала XX в. рассказывали о ведении хозяйства, воспитании детей, правилах поведения в личном и общественном быту, давали прямые практические советы. Таковы опубликованные в «Марийских календарях» очерки В. Трофимова «Что посеешь, то пожнешь, что посадишь, то соберешь» («Мом ўдет, тудым тўредат, мом шындет, тудым погет»), в котором автор говорит о своей поездке к крестьянам Нижегородской губернии, о том, как нужно растить сад; Чарламария (И. Коведяева) «Ведение хозяйства, посев зерновых в зависимости от месяца года» («Сурткўргў пашам, шурно пашам тылзе шот дене пўлен ыштыме нерген»), где даны практические советы по ведению домашнего хозяйства, систематизированные по месяцам года; Керебелякмария (К. Алешкина) «Умные мысли. Письма о пчелах» («Ушан ой. Мўкш нерген возымо письма-шамыч») – увлекательный рассказ о бортничестве; Икумария (Г. Леонтьева) «Как воспитывать и учить ребенка» («Кузе икшывым ончаш, туныкташ кўлеш») – в форме путевого очерка разговор о подходах к воспитанию детей.

Как отмечает А.Б. Есин, «стимул создания очерка – рассказать о явлении неизвестном, или мало известном, или же о таком, о котором существует поверхностное и превратное представление» [9]. Повествователь выступает в нем как бесстрастный наблюдатель, комментатор, объективный информатор или персонаж, рассказывающий о собственных приключениях и переживаниях. В этом смысле вышеназванные марийские очерки 1908–1909 годов вполне соответствовали природе данного жанра.

Информационная функция данного жанра и соответствующая ему поэтика наиболее ярко представлены в бытовом очерке В. Сави (Мухина) «С места боев» («Кредалме вер гыч», 1917). Его можно определить и как путевой очерк с элементами этнографизма. Пространственно-временная организация текста связана с описанием природы, личного и общественного быта, хозяйства земли Буковина, которые предстают последовательно, друг за другом, согласно передвижению повествователя в пространстве и времени, согласно логике его «зрительного обо-

зрения». Некоторые объекты «обозрения» с подробным описанием особенностей хозяйственной жизни подаются читателю явно с назидательной целью.

Но, как отмечает А.Е. Иванов, по своей форме эти очерки в некоторой степени приближены к рассказам [10]. Авторы стремятся к увлекательности повествования не только благодаря элементам фольклорной поэтики и разнообразным изобразительно-выразительным средствам (в описаниях быта, природы), но и введением элементов событийности (стилевая доминанта очерка – описательность), диалогов, вымышленных событий и вымышленных образов, в том числе – роли повествователя (примета очерка – документальность). Это позволяет исследователю видеть в них некоторые черты жанровой поэтики рассказа.

Так, очерк Икумария не укладывается в рамки путевого очерка благодаря сквозному (организующему текст) диалогу героя-повествователя с вымышленным персонажем (ямщиком), введению двух событийных ситуаций (посещение двух семей, придерживающихся противоположных принципов воспитания детей).

Формированию жанровой поэтики рассказа способствовали также этюды. Так, в «Третью книгу для чтения» вошли познавательные по содержанию лирические этюды Чавайна, рисующие сезонные картины природы и жизнь человека в природе («Зима», «Осень», «Лето», «Весной», «Родник»), привычный крестьянский труд на земле («Сенокос», «Труд»). В них внимание читателя сосредоточено не на событийной, а на психологической стороне текста, на эмоциональном состоянии повествующего, чем подготавливаются средства для развития авторской субъективности лирического рассказа 1920-х годов.

В этюде Чавайна «Весной» (1910) эмоциональная выразительность создается с помощью обилия восклицательных знаков: «Сильно надоела холодная зима. Очень хотелось видеть весну. Теперь весна! Надо любоваться, надо радоваться! Радуется человек, радуясь, поют в чаще птицы!.. <...> Белым снегом зацвела черемуха, пахнет вкусно-вкусно» («Ятыр шерым темыш йўштō теле. Шошым ужмо пешак шуо. Ынде шошо! Куанышаш, йывыртышаш! Куанен коштеш айдеме, куанен муралта кайык чашкерлаште!.. <...> Ош лум гае ломбо пеледын, тудо тамлын-тамлын ўпшалтеш» [11]). Восклицания превращают семантически нейтральные предложения в окрашенную авторским мажором речь. Есть в этюдах и прямые риторические обращения в сочетании с восклицаниями – вместе они выражают радость общения повествователя с природой и своими сородичами (рассказ «Сенокос»): «Как легок воздух! Каким ароматом пахнут скошенные цветы!» («Могай куштылго южшо! Могай тамле ўпшан пеледыш-влак солымо кият!»); «Очень приятно, очень хорошо, очень легко душе на лугу!» («Пеш мотор, пеш сай, пеш куштылго чонлан шудолыкышто!») [12].

Другой этюд – «Осень» – открывается стилистически нейтральным описанием-зарисовкой, сухим, с датами, перечислением сезонных изменений в природе, наблюдений за ними, словно перенесенных из народного сознания в художественный текст. Постепенно описание становится образным и эмоционально окрашенным (любование красотой и спокойным ритмом природной жизни), чему во многом способствуют сравнения связанные, кстати, не только с природным миром, но и с миром индивидуально-авторского сознания («Только озимая рожь лежала, *будто бархат*» – «Уржа озым гына ужар *бархатла койын*

кия»; «грязной, мокрой осенью земля и деревья, словно уставшие от огромной работы людьми» – «лавыран, ночно шыже годым мланде, пушенге шуко пашам ыштен нойышо енла койыт» [13] [Курсив мой. – Р.К.]).

В этюде «Лето» подобную роль выполняют также эпитеты («чевер вишня»), олицетворения («мурышо писте», «нугыдо ош пеледыш тўшкаште шинчалан койдымо хор шокта»), повторы («тўрлө-тўрлө», «мурен-мурен»), двучленный фразеологический оборот, основанный на ритмическом повторе («То, что начал один, заканчивает другой» – «Мом тўналын иктыже, тудым пытара весыже» [14]). Лирической стилизации способствуют и фольклорные сравнения («комбыла опы-мо кылта-влак», «шудыжо пырдыж гае шога») и звукоподражания-мимемы.

Лирические этюды Чавайна свидетельствуют о том, что устный язык обогащается средствами художественной (поэтической) речи, что, собственно, и побуждало марийских исследователей называть их рассказами-этюдами. В них зарождалась марийская лирическая проза. Неудивительно и то, что литературоведы часто сближали их со стихотворениями в прозе, а некоторым из них находили стихотворные аналогии в поэтическом творчестве Чавайна. Так, А.А. Асылбаев называет эту «Весной» «переложением стихотворения под тем же названием» [15].

В лирических этюдах складывались композиционные принципы и приемы марийской художественной прозы. Например, композиционным принципом этюда Чавайна «Родник» («Памаш») становится сравнение центрального образа с человеком доброй души, сохраняемое до самой концовки, представляющей собой обращение *родника* к людям: «Всем хочется пить... Любой человек хочет услышать хорошее слово, увидеть доброе дело... Поэтому сделайте так, чтобы никто не ушел без вашего доброго слова...» [16]. Так происходит в тексте символизация центрального образа рассказа: родник – это символ добра и родины.

В «Марийском календаре» за 1909 год были опубликованы фельетоны и юморески С. Чавайна: «Зять учится молиться» («Вене чоклаш тунемеш»), «Богатый зять» («Поян вене»), «Положи» («Пыште»), которые намечали комические ситуации, характеры и приемы юмористической прозы последующих десятилетий (рассказов 1920-х гг. «Кто виноват» и «Избавилась» Мичурина-Ятмана, «Иапий в Москву ездил» и «Вечу учится беречь деньги» П. Пайдуша, рассказов 1920–1930-х гг. М. Шкетана, Д. Орая, Н. Игнатьева и др.).

Все рассмотренные нами прозаические формы, предшествовавшие или сосуществовавшие с рассказом в начале XX в., сохраняются и в 1920-е гг., существуя в практике отдельных прозаиков параллельно с рассказом. Так, Н. Игнатьев и М. Шкетан создают очерки и фельетоны, основанные на обобщении реальных фактов и на комической ситуативности, по своей структуре часто приближенные к поэтике рассказа.

Таким образом, жанровая поэтика марийского рассказа (и других народов Поволжья) вызревала во взаимодействии с иными жанровыми формами прозы, существовавшими до него и параллельно с ним: сценами и зарисовками, очерками, этюдами, фельетонами и юморесками. В них были намечены событийность, образ повествователя, организующего текст, диалог, четко выстроенная, завершенная фабула, однолинейный сюжет, вымышленные образы, формировались изобразительно-выразительные средства художественной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Ядарова, И.А.* Развитие жанра очерка в марийской литературе (1900–1930-е гг.): монография / И.А. Ядарова. – Йошкар-Ола, 2008.
2. *Ломидзе, Г.* Чувство великой общности: статьи о советской многонациональной литературе / Г. Ломидзе. – М., 1978. – С. 50.
3. Сылнымут памаш: революций деч ончычсо марий легенда, йомак, ойлымаш, почеламут, очерк / сост. К.К. Васин. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 12.
4. Там же. – С. 90.
5. Там же. – С. 88.
6. *Чавайн, С.Г.* Возымыжо кум том дене лукталтеш / С.Г. Чавайн; сост. К.К. Васин и Г.С. Чавайн. – Т. 1: Поэзий, проза. – Йошкар-Ола, 1980. – С. 198.
7. Цит. по: *Ермилова, Е.В.* Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.В. Ермилова. – Чебоксары, 2003. – С. 21.
8. *Чавайн, С.Г.* Указ. соч. С. 197–198.
9. *Есин, А.Б.* Литературоведение. Культурология: избр. труды / А.Б. Есин; вступ. ст. Е.В. Аверина; сост. и примеч. С.Я. Долинина. – 2-е изд., испр. – М., 2003. – С. 133.
10. *Иванов, А.Е.* Марий литератур: туныктышылан полыш / А.Е. Иванов. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 30.
11. *Чавайн, С.Г.* Указ. соч. С. 224.
12. Там же. – С. 227.
13. Там же.
14. Там же. – С. 225.
15. *Асылбаев, А.А.* Сергей Чавайн: очерк жизни и творчества / А.А. Асылбаев. – Йошкар-Ола, 1963. – С. 31.
16. *Чавайн, С.Г.* Указ. соч. С. 221.

Поступила в редакцию 18.07.2010

R.A. Kudryavtseva

Story and other genres of minor prose (the question of “ripening” of genre poetics in a Mari story)

The minor genres of the early Mari prose are considered in the article in terms of their influence on the genre structure of a story. Sketches, scenes, studies, satirical articles (humoresques) are shown as historical and literary context of a Mari story at the stage of its forming.

Key words: Mari prose, minor genres, story, genre poetics.

Кудрявцева Раисия Алексеевна,

кандидат филологических наук, доцент,
и.о. директора института финно-угроведения
Марийского государственного университета
г. Йошкар-Ола
E-mail: kudsebs@rambler.ru

**Е.П. Кузнецов, М.И. Хуснуллин,
Ю.В. Семенов, А.Н. Русских**

**ЛАНДШАФТНО-ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ
ТРАНЗИТНЫХ ЗОН
ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО ПУТИ**

Статья посвящена анализу топонимики и гидронимики маркеров одного из феноменов финно-угорского и евроазиатского пространства – Великому Северному Пути. Этот ныне забытый внутриконтинентальный путь в течение тысячелетий объединял циркумполярные этносы, оставив на карте великое множество названий. Авторы прошли большую часть этого Пути, подтвердив его историческую значимость и сегодняшнюю актуальность.

Ключевые слова: топонимики и гидронимики маркеров, общефинские топонимы, названия перевалов, волоков, стоянок, топонимические пласты.

**1. Проблема топонимического разнообразия
финно-угорского мира**

Поставленная М.Г. Атамановым [1] задача изучения топонимического разнообразия финно-угорского мира остается по-прежнему актуальной, но и, одновременно, пугающей многих исследователей своим масштабом и трудоемкостью. До сих пор актуальны и сама формулировка этой задачи, и выбор объекта исследования. Определению репрезентативного объекта исследования в финно-угорской топонимике и посвящена настоящая работа.

Изучение выявленных М.Г. Атамановым [2] топонимических пластов, отражающих географическую среду обитания финно-угров, позволяет по-новому взглянуть на целый ряд географических и исторических проблем и, в конечном счете, изменить привычный взгляд на этногенез финно-угров и самодийцев, в том числе на роль миграционных процессов в этногенезе уральских народов.

Обилие пермских и общефинских топонимов и отдельных топоформантов на огромной территории Севера Евразии, Западной и Восточной Сибири, по мнению исследователей XIX в., указывало на значимую роль финских и пермских племен в общеевропейском историческом процессе [7].

При изучении топонимов и топоформантов Вятско-Камского междуречья вскрыта их сложная, многослойная структура, указывающая на полиэтничное происхождение [2, 1]. При этом разноязычные топонимы равнозначны и имеют равную «конвертируемость» в быту народов, населяющих эти территории.

В топонимах, представленных на территории Вятско-Камского междуречья, свой след оставили фактически все угро-финские и самодийские народы, проживающие на огромном пространстве от Енисея до Скандинавии. Трудно найти иное объяснение такой лингвистической аномалии, кроме существования сквозной трансконтинентальной транзитной трассы, обеспечивающей беспрепятственные межэтнические контакты на протяжении столетий. Впервые на наличие такой трассы указал В.О. Ключевский [10], а экспедиционное изучение начал М.А. Кастрен [7]. К концу XIX в. за этой трассой закрепилось название Великого Северного Пути [11, 15, 17].

Помимо закрепления этноса на новой территории, итогом миграционных процессов является **формирование устойчивых путей и способов коммуникации** между различными поселениями и субэтническими группами, что необходимо для поддержания единства этноса [10, 19]. Без понимания механизма и путей коммуникации пермян на протяжении столетий их истории невозможно ответить на вопрос, каким образом они поддерживали это единство, если плотность населения на их территориях до сих пор составляет одну из самых низких в Европе, а расстояние между поселениями может составлять сотни километров [4, 11, 13]. Таким образом, топонимический след можно рассматривать как вероятный маркер существования реликтовых трансконтинентальных транзитных путей.

При изучении любых реликтов, к которым без сомнения относятся и архаичные топонимы, важен не только лингвистический аспект, но и привязка конкретного лингвистического следа к определенной территории. Несоответствие ареала расселения этноса – источника топонима – и географической привязки топонима, или наличие топонимов, иноязычных по отношению к постоянно проживающему населению, указывает на существование устойчивой связи между этими этносами или является следом миграционных процессов.

Особый интерес представляет не только установление наличия топонимического следа, но и установление пространственного расположения объектов топонимической маркировки с соответствующими топонимами, а также их привязки к путям этнического транзита.

В частности, такой подход позволяет ответить на вопрос о происхождении и роли так называемых топонимов-«двойников», или топонимов-«мигрантов» – проблемы поставленной, но не решенной М.Г. Атамановым [2].

2. Методологические проблемы изучения топонимических пластов транзитных зон

Изучение не просто топонимов, а их пластов на огромных территориях не только важно, актуально и продуктивно, но и чрезвычайно сложно методически и технически.

При изучении топонимов нередко упускается из виду то, насколько результат исследования зависит от источника получения первичной информации. В подавляющем большинстве случаев источником служат топографические карты, обладающие всеми свойствами фрактальной структуры: в зависимости от выбранного масштаба различается количество значимых элементов. В результате исследователь стоит перед дилеммой: на картах крупномасштабных выявляется много деталей, а значит и обозначающих их топонимов, но сужается поле зрения исследователя; на картах малого масштаба увеличивается охват объектов и происходит своего рода селекция топонимов.

Селекция топонимов – уменьшение доли отображенных аутохтонных, этнических топонимов при увеличении доли русскоязычных аналогов. Этот процесс тем интенсивнее и ярче, чем дольше происходило освоение территории централизованной властью – в европейской части России. В Сибири же, особенно в труднодоступных районах, доля этнических, аборигенных и аутохтонных топонимов несравненно выше.

Наибольшее количество аборигенных топонимов свойственно ландшафтным объектам, имеющим только местное значение: мелким рекам, ручьям, отдельным холмам, лесным массивам, болотам и озерам. В качестве вопиющего примера приведем случай «горы Байгурезь»: ни на одной карте Удмуртии она не обозначена собственным именем – вместо этого существует топографическая отметка «высота 256 м». Так при камеральных исследованиях топонимических пластов на имеющемся картографическом материале возникает «эффект айсберга»: подавляющее большинство объектов и их топонимическое отражение оказывается скрытым от исследователя. Следовательно, по-прежнему актуальна задача получения топонимического материала из первых рук, то есть в ходе экспедиционной деятельности.

Другим путем повышения достоверности и ценности исследования топонимов является четкое определение территории интереса. По нашему мнению, наибольший интерес представляют территории, где происходили межэтнические контакты – зоны исторического транзита. Это – пересечения древних торговых путей, участки волоков, где в транзит неизбежно вовлекалось местное население и длительное время сохранялась специфическая инфраструктура: фактории, дорожная сеть, склады и поселения, обслуживающие трассу.

Такой транзитной трассой является вышеупомянутый Великий Северный Путь – трансконтинентальная речная трасса, упоминаемая начиная с IX в. Великий Северный Путь связывал побережья Белого и Балтийского морей с бассейнами Волги, Печоры, Камы, Оби, Енисея и рек Центральной Азии.

Термин ВСП был введен К.Д. Носиловым в 1886 г. в связи с планами модернизации древнего торгового пути для создания в Российской империи внутриконтинентальной речной магистрали [10, 15, 16, 17].

Мы же рассматриваем ВСП как особую социоприродную систему – важнейший фактор этногенеза финно-угорских народов [11, 12] и, вследствие чего, репрезентативный многоплановый объект исследования.

Всякий торговый путь состоял из собственно водного пути и сухопутных отрезков между ними, то есть волоков различной протяженности (от 1 до 30 км).

Наибольшую трудность в изучении транзитных путей представляет сегодня проблема локализации волоков на водоразделах, так как именно они связывали реки различных бассейнов в единую транспортную сеть [4]. В значительной мере знания о волоках и объектах соответствующей инфраструктуры до начала XIX в. рассматривались как стратегический секрет [3], из-за чего сведения о многих волоковых путях к настоящему времени оказались утраченными.

Являясь зонами межэтнических контактов, волоки неизбежно превращались в своего рода этнические реакторы. Многие из них, особенно в Камско-Печорском и Обско-Енисейском междуречьях, активно функционировавшие вплоть до начала XX в., в советскую эпоху оказались заброшены [4, 11]: государство утратило к ним интерес в связи со сменой транспортной парадигмы России и СССР. Этнические реакторы волоков оказались законсервированы, благодаря чему они могут сегодня служить источником ценнейшего этнографического материала.

Значимые ландшафтные объекты таких волоков, как правило, на картах не обозначаются, а значит не имеют и официального топонимического отображения. Волоковые реки по современным понятиям несудоходны и во многом напоминают ручьи, имея не более 1,0 м глубины и до 2,0 м ширины [4].

Рубежные озера и болота волоков, объекты инфраструктуры и инженерные сооружения (каналы-копанцы, «прокопы», пристани-«свинки») не обозначаются, ввиду их ничтожных размеров и отсутствия топографической информации, а населенные пункты, ранее служившие опорой инфраструктуры волоков, давно покинуты жителями и стерты с лица земли.

Таким образом, изучение ключевых транзитных зон ВСП в Камско-Печоро-Вычегодском, Печоро-Обском и Обско-Енисейском междуречьях может быть весьма продуктивным.

Для реализации вышеизложенной тактики исследований в указанных районах в 2008–2010 гг. УдГУ при поддержке ОФ «Ижевск-Культурная столица» были организованы 4 экспедиции. Результаты их работы частично приведены в ряде публикаций [11, 12].

Данные, полученные при непосредственной реконструкции транзитных путей по рекам Енисей, Кас, Кеть, Обь, Сось, Елец, Уса, Печора, Молог, Березовка, Вишерка, Колва, Вишера и Кама в 2008–2009 гг., приводятся ниже, в сопоставлении с ландшафтными характеристиками и топонимическими данными волоков, известных в других регионах России [19].

Подчеркиваем, что целью настоящей работы является определение объекта исследования, могущего иметь различные этнолингвистические ипостаси. Поэтому для его описания будут использоваться в основном русскоязычные или русифицированные топонимы, основывающиеся на пермских заимствованиях, представленные на официальных картах и бытующие в обиходе русскоязычного населения.

3. Ландшафтно-топонимические комплексы аверс и реверс

При изучении транзитных путей можно заметить взаимную обусловленность ландшафтных характеристик и их топонимического отображения. Источник этой

обусловленности состоит в способе освоения ландшафта, определяющем уклад жизни и культуру конкретного этноса.

В топонимах фиксируются значимые для жизнедеятельности конкретного этноса обстоятельства: например, жителю Москвы безразлично, какого рода грязь прилипла к его ботинкам. Для жителя Печорского края и Сибири сорта грязи имеют большое значение, так как ими определяется проходимость данного места для лодки: грязь – *Якша* и грязь – *Няша* отличаются консистенцией и структурой. Таким образом, наличие топонима *Якша* указывает на совершенно конкретный способ передвижения по реке. Более того, оба топонима и существительных заимствованы и введены в повседневный языковой оборот также пришлым населением (русскими), осваивавшим данный ландшафт теми же способами, что и аборигены. При этом топоним *Якша*, обозначающий и реку, и населенный пункт, встречается как на Печоре, так и на Верхнем Енисее. Таким образом, человек – носитель языка и культуры – словно зеркало, порождающее отражение объекта, сам объект и его отражение представляют собой неразрывное целое.

Следовательно, можно выделить устойчивые **ландшафтно-топонимические комплексы**, включающие в себя характерные для волока объекты (реки, вытекающие из перевального болота-озера, водораздел ограниченной ширины), сгруппированные на ограниченной территории, и их типичное топонимическое отображение. Фактически ландшафт является своего рода географическим контекстом, в котором существуют характерные топонимы, объединенные **единым функциональным и параметрическим мотивом**.

При этом в ландшафтно-топонимические комплексы могут входить топонимы, имеющие разный этнолингвистический генез, а также топонимы, образованные разноязычными топоформантами, например, реки *Волок-Ёль? Андрей-Керка-Ёль, Вокзал-Ёль* (притоки р. Молог). В ряде случаев иноязычные корни в названиях рек в процессе русификации замещаются фонетически подобными русскими суффиксами: *Кемзёль* превращается в *Кемизелку* – или просто утрачиваются: *Дозмеравож* превращается в *Дозмеру*. Процессы трансформации топонимов в результате взаимного проникновения культур – самостоятельная проблема сравнительной лингвистики.

Поскольку целью настоящей работы является определение объекта исследования, могущего иметь различные этнолингвистические ипостаси, будут использоваться в основном русскоязычные или русифицированные топонимы, основывающиеся на пермских заимствованиях.

Характерными ландшафтными признаками волоков между реками различных бассейнов являются следующие:

1. Волок находится в области истока мелких притоков основной транзитной реки. При этом притоки, выводящие на волок, могут иметь ширину не более 2 м, а глубину – менее 1 м. Нередко приток, выводящий к волоку, идет параллельно руслу основной транзитной реки на протяжении до 70–100 км.
2. Наличие водораздела ограниченной ширины (в большинстве случаев около 4–10 км, реже – до 30 км).
3. Водораздел приходится на заболоченную местность (на водоразделе располагается верховое болото), где имеется перевальное озеро, или цепочка озер,

из которых вытекает одна река или обе, выводящие на волок. Протяженность такого перевального озера не превышает 1–2 км.

4. Перепад высот между руслами волоковых рек, как правило, отсутствует.

Помимо вышеперечисленных характерных ландшафтных объектов, можно выделить топонимы, характерные для волоков (например, реки *Волосница* или *Колва*) и образующие устойчивые комплексы, что будет показано ниже.

Наиболее явным указанием являются топонимы, происходящие от слова *волок*. Например, названия населенных пунктов или местностей: *Вышний Волочок*, *Волоколамск*, *Волок*, *Волоцкое*, *Переволок*, *Заволочье*. Интересна трансформация русского слова *волок* в топониме *Вологда* и топоним, образованный разноязычными топоформантами (*Волок-Ёль* – приток р. *Молог*). Однокоренными с ними являются названия рек – *Волосница*, *Волочница*, *Волошка*, *Воложка*.

Другие «функциональные» топонимы отображают рубежную функцию волока: таковы населенные пункты *Перелом*, *Полом*, *Перевал*, *Порог*, *Порозна*. Аналогичный характер и у названий озер – *Перевальное*.

Рубежную функцию отражают и топонимы, имеющие корневой слог *Чу-*, с которым в русском языке связано множество слов, относящихся к финским заимствованиям [6]. В словаре великорусского языка В.И. Даля [6] он характерен для слов, смысл которых связан с заставами, границами, настороженностью, потусторонностью, чужаками, зарубежьем: *Чу!*, *Чур*, *Чус*, *Чуз*, *Чурс*, *Чушь* (*чужь*), *Чудь*, *Чухна*, *Чухча*, *Чукча* и т.п. – и служит корневым слогом для образования множества слов, связанных с финно-угорскими племенами. Для порубежных волоковых путей характерны топонимы *Чур*, *Чуровской*, *Чураково*, *Чурсино* и широко распространенный топоним *Чусовой* или *Чусовской* (р. *Чусовая*, оз. *Чусовское*, р. *Чус* в Кировской области). В летописях до XVI в. Верхняя Кама, Урал и Печорский край объединялись топонимом «*Чусовские места*», то есть территория чужаков, пограничье [5].

Менее очевидны семантические параллели в топонимах, отражающих характерный для волока ландшафт: болотистую равнину, наличие перевального озера, из которого вытекает река, ведущая к волоку; водораздельную возвышенность, протоку, прокоп или канал. Для перевальных рек характерны пермские и общефинские топонимы *Колва* (т.е. река, вытекающая из болота), *Молога* (*Молог*, *Малаг*, *Малага*) или *Молома* (ср. *Малмыж*, *Молмыш*), *Вишер* (*Вишера*), *Канава* и т.п.

Кроме того, существует русский аналог топонимов, указывающих на реки, вытекающие из болот: *Луза*, *Лужа* (отсюда – лужичане), *Луга*.

Отдельно стоят топонимы, отражающие параметрические характеристики, например, характерный грунт: *Якша*.

Особое место занимает прапермский топоним *Юг*, восходящий к прапермскому *juk* – *реки* и являющийся названием четырех рек-притоков (Кама, Сылва, Северная Двина) и целой вереницы мелких ручьев в Кировской и Вологодской областях и Пермском крае. По выражению В.Ф. Генинга, топонимы *Юг*, *Юга* «плотным кольцом окружают Удмуртию», а сам ареал географических названий *Юг*, *Юга* совпадает с границами ананьинской археологической культуры (цит. по М.Г. Атаманову, 1993) [1, 2].

Для устойчиво функционирующей транзитной трассы характерно наличие *топонимов-двойников* (чаще всего названий рек), одинаковых или синонимических для нескольких объектов, включенных в единую трассу: например, *Колва* (приток р. Камы), *Колва* (приток р. Печоры), *Колвица* (Кольский полуостров), собственно р. *Кола*; *Луза* вычегодская и *Луза* – приток Чепцы; *Молога* – приток Волги, *Молома* Вятская и *Молог* – приток р. Березовки (бассейн р. Колвы), *Волосница* – приток Камы и *Волосница* – приток Печоры, реки Пызеп и Кам-Пызеп, а также р. *Иж* – приток Пижмы и *Иж* – приток Камы, *Якша* – приток Печоры и *Якша* – приток Кеми в бассейне Енисея.

На обилие топонимов-двойников в бассейне Вятки и Камы обратил внимание еще М.Г. Атаманов [2], но развернутого объяснения этому факту он не дал, хотя обозначил их терминологически как *топонимы-мигранты*. Однако детальное изучение топонимики всего Севера Евразии показало, что топонимы-двойники распространены гораздо шире, чем в Камско-Вятском междуречье – от Кольского полуострова и Карелии до Енисея.

По нашему мнению, причина появления топонимов-двойников связана с тем, что они возникают как вехи на едином пути и воспроизводят, реплицируют топонимы, уже привычные для людей, осваивающих новую транзитную трассу, так как главной особенностью появления является единый функциональный или параметрический мотив.

Изучение ландшафтно-топонимических комплексов позволяет выявлять реликты транзитных путей там, где других указаний на их существование, кроме топонимического следа, практически не осталось. Так, эффективность поиска реликтов транзитных путей по их топонимическому следу доказана в результате обнаружения не обозначенного на карте канала-«прокопа», соединяющего р. Кирс (бассейн Вятки) и р. Волосницу (бассейн Камы). Наличие устойчивых комплексов топонимов на водоразделе реки Иж и реки Чепцы также может указывать на наличие волоков между притоками этих рек и соответствующей им инфраструктуры, что согласуется с известными археологическими находками.

Тем самым изучение топонимических комплексов благодаря проведению полевых экспедиционных исследований и определению территорий как основание для углубленных этнографических и археологических исследований представляет важнейший научный интерес.

Выявленные топонимические следы и реликты старинных речных трасс и волоков позволяют предположить существование сквозной линии транзита, пронизывающей весь ареал проживания пермян от Нижней Камы до Нижней Печоры.

Существование такой трансконтинентальной транзитной трассы – Великого Северного Пути – указывает на вовлеченность пермян в общеевропейский исторический процесс, что позволяет по-новому взглянуть на многие обстоятельства их истории и этногенеза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Атаманов, М.Г. Удмуртская ономастика. Этнонимика, топонимика, антропонимика. – Ижевск, 1988. – 120 с.
2. Атаманов, М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 245 с.
3. Берг, Л.С. История русских географических открытий. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 274 с.
4. Варпаховский, Н. Рыбный промысел в среднем течении реки Печоры. – СПб., 1900. – 72 с. 20 илл.
5. Гофман, Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Т. 1–2. – СПб., 1856.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – СПб., 1882.
7. Загребин, А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.): Монография. – Ижевск, 2006. – 324 с.
8. Иванова, М.Г. Истоки удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 192 с.
9. Кастрен, М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень, 1999. – Т. 1–2.
10. Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. – М.: Мысль, 1993. – 572 с.
11. Кузнецов, Е.П., Хуснуллин М.И. Великий Северный Путь // Культурное и природное наследие России. Северное измерение, цивилизационная идентичность, методы изучения и защиты // Мат-лы 5-го Северного социально-экологического конгресса. – Москва, 2009 г. – М.: Галерея, 2010. – С.153–162.
12. Кузнецов, Е.П., Хуснуллин, М.И. Трансконтинентальный речной транзит как фактор этногенеза и сохранения единого этно-исторического пространства уральских народов // Ежегодник финно-угорских исследований 08. – Ижевск, 2009. – С. 291–301.
13. Максимов, С.В. Год на Севере. – Архангельск: Сев.-зап. книж. издат., 1984. – 607 с.
14. Напольских, В.В. Прауральский «пуп» // *Linguistica Uralica*. Т. 21:3. – Tallinn, 1995.
15. Носилов, К.Д. Об исследовании проходов через Уральский хребет // Известия императорского Русского географического общества. – 1885. – Т. 21. – Вып. 3.
16. Носилов, К.Д. Борьба с Ледовитым океаном // Естествознание и география. – 1897. – № 9.
17. Омельчук, А.К. К. Носилов. – Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 240 с.
18. Пасецкий, В.М. Очарованный надеждой. – Л.: Гидрометеиздат, 1970. – 261 с.
19. Плечко, Л.А. Старинные водные пути. – М.: ФиС, 1985. – 104 с.
20. Родин, Ф.Н. Бурлачество в России. – М.: Мысль, 1975. – 245 с.
21. Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1993. – 392 с.
22. Ципоруха, М.И. Древние мореходы и загадки планеты. – М.: Вече, 2005. – 416 с.

Поступила в редакцию 03.06.2010

E.P. Kuznetsov, M.I. Khusnullin, U.V. Semenov, A.N. Russkikh

Landscape and toponymic markers of transit areas of the Great Northern Way

The article is devoted to the toponymy and hydronymy analysis of markers of one of the phenomena of Finno-Ugric and Euro-Asian space – the Great Northern Way. This forgotten inland way united circumpolar people during the thousands of years, it left on a map many

names of passes, runways, stops and so on. The authors passed the greater part of this Way and confirmed its historical significance and today's urgency.

Key words: common Finnish toponyms, names of passes, runways, stops, toponymic layers.

Кузнецов Евгений Павлович,

кандидат медицинских наук,

ГОУ ВПО «Ижевская государственная медицинская академия»;

Хуснуллин Марат Ильдусович,

президент общественного фонда «Ижевск – культурная столица»;

Семенов Юрий Валерьянович,

кандидат философских наук, доцент,

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»;

Русских Андрей Николаевич,

режиссер медиа-студии «Купол»

г. Ижевск

E-mail: marat61@e-izhevsk.ru

УДК 27(470.57)

Р.Р. Садиков

**«УДМУРТСКАЯ» ЦЕРКОВЬ В БАШКОРТОСТАНЕ
(К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА
В КНЯЗЬ-ЕЛГЕ)**

На основе опубликованных и полевых источников рассмотрена история строительства православной церкви в д. Князь-Елга Илишевского района Республики Башкортостан. Построенная в кон. XIX в., она стала культовым центром для местных «иностранцев»: удмуртов, кряшен, мордвы. Основное число прихожан этой церкви составляли крещенные удмурты Бирского уезда Уфимской губернии

Ключевые слова: князь-елгинские удмурты, православная церковь, строительство, миссионерская работа.

Удмурты Башкортостана в подавляющем большинстве являются последователями своей традиционной религии («язычества»). Среди них выделяются две крещенные подгруппы, которые историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями резко выделяются среди других локальных подгрупп удмуртов Башкортостана. Это жители деревень Купченеево (Ермекеевский р-н, бавлинская подгруппа), Князь-Елга и Вотский Менеуз (Илишевский р-н, князь-елгинская подгруппа). Для отправления своих религиозных потребностей они нуждались в церковных зданиях. Стечением обстоятельств в кон. XIX в. церковь была построена в д. Князь-Елга Бирского уезда Уфимской губернии. Она являлась единственным православным храмом Уфимской епархии, основную часть прихожан которой составляли удмурты.

Селение крещеных удмуртов Князь-Елга расположено недалеко от р. Сюнь на территории Илишевского района Башкортостана. По данным на 1 января 1999 г., здесь проживал 61 человек (удмурты и татары) [1]. По материалам Всероссийской переписи населения 2002 г., здесь жило 53 человека [2]. В кон. XIX – нач. XX вв. князь-елгинские удмурты проживали в нескольких населенных пунктах, а именно в дд. Князь-Елга, Вотский Менеуз, Исаево (Надырово), Шидали, Новокиргизово (Юлдашево) [3], многие из которых впервые зафиксированы при проведении IV народной ревизии (1782 г.), жителями их названы «из вотяков новокрещены» [4]. По архивным источникам можно уста-

новить, что д. Надырово (Исаево) была основана новокрещеными татарами в 1755 г. [5]. Возможно, в дальнейшем к ним подселились удмурты-новокрещены. В деревнях Исаево, Шидали и Новокиргизово удмурты проживали совместно с крещеными татарами и башкирами-вотчинниками. К настоящему времени только жители Князь-Елги и Вотского Менеуза официально считаются удмуртами. Но и они, поддерживая тесные контакты с соседями – крещеными татарами, – испытывали с их стороны сильнейшее этнокультурное воздействие. Ныне они перешли на татарский язык и называют себя *крэшин*. По словам информаторов, удмурты переселились сюда из местности Жыкия (Жикъя) [6]: название, вероятно, соответствовало их принадлежности к роду Жикъя. Их говор, как отмечают информаторы, не похож на говор жителей соседней деревни Ташкичи, где проживают удмурты-«язычники». В речи они употребляли фонему «ц» (например *бацын*), нехарактерную для других закамских удмуртов [7]. На этом основании, а также имея в виду, что князь-елгинские удмурты, вероятно, принадлежали к роду Жикъя, М.Г. Атаманов считает возможным заключить, что они являются переселенцами из нынешнего Малопургинского района Удмуртии, где имеются деревни Буро-Жикъя и Карашур-Жикъя [8].

Князь-Елга была основана удмуртами-новокрещеными (в одном архивном документе упоминаются и старокрещены [9]). По преданиям старожилов деревни, их предки переселились из местности Жыкия (Жикъя) Казанской губернии совместно с крещеными татарами из Ягодной слободы [10].

По устному сообщению Р.Ш. Насибуллина, посетившего д. Князь-Елга в 1972 г., местные удмурты-старожилы говорили ему, что они до коллективизации после наступления ледостава ездили на родину в д. Кня-Елга, что сейчас находится на территории Кукморского р-на Республики Татарстан. То, что жители дд. Кня-Елга и Князь-Елга цокают, говорит о родстве жителей этих деревень. В Малопургинском р-не нет явления цоканья (*кыцы* вместо *кытчы*). В Башкирии немало деревень имеют элемент Князь в названии, отсюда и Кня-Елга превратилась в Князь-Елгу.

Церковь в Князь-Елге была построена в самом конце XIX в. из красного кирпича, по типичному проекту для сельских приходских храмов. Она была посвящена Св. Великомученику и целителю Пантелеимону [11] и обслуживала нужды православных верующих из «инородческих» селений Князь-Елга, Новокиргизово, Узункуль, Шидали, Менеуз, Исаево, Ивановка Андреевской волости Бирского уезда [12], где, как уже указывалось, жили крещенные удмурты и татары, а также мордва (последние в д. Ивановка). Ранее жители этих деревень были приписаны к церкви села Андреевка Бирского уезда.

Предыстория строительства храма началась еще в 1882 г., когда несколько жителей из вышеназванных деревень «отпало в магометанство» [13], что вызвало беспокойство епископа уфимского и мензелинского Никанора. В 1883 г. он обратился к святому Синоду с просьбой открыть при церкви села Андреевки вакансию священника «из инородцев» [14]. Но лишь только в 1887 г. уже епископом Дионисием был назначен священник «для заведывания инородческим Князеилгинским приходом» [15]. Им стал новорукоположенный священник «из инородцев» Сергей Сизов. Перед ним была поставлена задача построить

отдельную церковь для «инородцев». По прибытии в приход новый священник начал обдумывать планы строительства церкви. Постройка храма в Князь-Елге, ввиду того, что она находилась в удалении от остальных населенных пунктов прихода и от реки Белой с удобными пристанями, а также из-за отсутствия вблизи лесов, показалась ему нежелательной. В феврале 1888 г. он обращается к Преосвященному с просьбой разрешить строительство церкви в д. Шидали. Епископ дал разрешение. С. Сизов начал заниматься поиском благотворителей: с этой целью специально ездил в Елабугу и Сарапул. Но тут обстоятельства резко меняются. Как заключает сам священник, «человек полагает, а Бог располагает и как удивительно устрояет Он, где хочет прославиться!» [16]. Благотворители нашлись под самым боком, ими оказались местные купцы-хлебопромышленники Груздевы. Сын купца Гавриила Николаевича Груздева, Василий Гаврилович согласился взять постройку церкви на себя. Но не в Шидалях, а в Князь-Елге, в одной версте от которой находилось их имение.

В августе 1888 г. Дионисий вновь разрешил строительство церкви в Князь-Елге, а в Шидалях предложил построить часовню. Был выбран стандартный проект сельской каменной церкви на 350 человек, с каменной колокольной. Летом 1889 г. Преосвященный Дионисий побывал в Князь-Елге и благословил место для постройки церкви, причем предполагалось возведение церкви во имя Св. Архистратига Михаила [17]. В октябре того же года в Князь-Елге открывается миссионерская школа, где уже через год обучалось 25 мальчиков и 4 девочки – дети крещеных удмуртов [18]. В 1890 г. из Андреевского прихода выделяется отдельный «инородческий» Князь-Елгинский приход, состоящий из семи селений [19]. Но строительство церкви пока откладывается. В сентябре 1891 г. уфимский Владыка вновь прибывает в Князь-Елгу. После разговора с В.Г. Груздевым и принятием окончательного решения о строительстве храма на месте будущей церкви, Дионисий отслужил 20 сентября Св. Великомученику Пантелеимону, в память которого было решено соорудить храм, и освятил место святой водой. Закладка церкви состоялась 14 июня 1892 г. [20]. Уже к концу этого лета стены были подняты от земли на три аршина, то есть до окон, летом 1893 г. стены возвели до сводов, и в следующем году своды были сведены над алтарем, а купол покрыт железом. С осени 1894 г. строительством церкви, вследствие болезни В.Г. Груздева, стал управлять его отец Гавриил Николаевич. Он распорядился достраивать церковь не из своего кирпича, на изготовление которого тратилось много времени, а из покупного. Строительство продолжили с ранней весны 1895 г., и в апреле были завершены все основные строительные работы. Церковь выштукатурили изнутри и снаружи выкрасили масляной краской. К началу июля церковь была совершенно готова.

Г.Н. Груздев вместе со священником Сергием Сизовым отправились в Москву и Нижний Новгород для покупки церковных принадлежностей. По словам С. Сизова, «В Москве в магазине П.И. Оловянишникова сыновей куплено церковной утвари всего на 671 рубль 82 коп. В Нижнем, на ярмарке, куплено: в магазине С.С. Мешкова разных облачений церковных и вещей, потребных при освящении церкви, всего на 472 рубля 41 коп; в магазине Н.В. Немирова-Колодина одно Евангелие за 120 рублей, крест за 70 рублей и кадило за 40 ру-

блей, всего на 236 рублей; куплено звона 9 колоколов весом 93 пуда 14 фунтов за 1517 рублей 70 коп.; куплены святцы, иконы двенадцати праздников и ковры для церкви на 76 рублей 10 коп.; заплачено за кресты на церковь 150 рублей; а всего куплено в церковь в эту поездку на 3123 рубля 33 коп.» [21].

В первых числах августа в новой церкви установили иконостас. К этому времени были готовы дома на каменном фундаменте – для священника и псаломщика, также возведенные на средства купца. 10 сентября были подняты кресты и колокола (два железных позолоченных креста и девять колоколов, самый большой из которых весил 50 пудов).

Торжества освящения церкви начались вечером 24 сентября 1895 г. Сам Дионисий, вследствие болезни, присутствовать на торжествах не смог и поручил освящение храма ключарю Уфимского кафедрального собора протоиерею В. Покровскому. Было совершено всенощное бдение. Службу вел С. Сизов, на литию и величание выходили также протоиерей В. Покровский, священники сел Нагайбака, Белебеевского уезда – А.М. Цареградский, Андреевки – П. Оглоблин, Мелькени, Мензелинского уезда – Н. Егоров, Чераула, Бирского уезда – Н. Покровский и временнозаведующий Александро-Карламанским приходом П. Аманацкий. На следующий день с утра началось освящение, которое совершил протоиерей В. Покровский. На литургии пели попеременно по-русски и по-татарски ученики местной миссионерской школы. По окончании службы прозвучали поучения: священник с. Чераул Н. Покровский – по-русски и священник с. Мелькени Н. Егоровым – по-татарски. Торжества завершились трапезой в доме Г.Н. Груздева [22].

Затем начались работы по росписи храма, которые были завершены к осени 1898 г., когда состоялось малое освящение церкви [23]. По замечанию участвовавшего на торжествах священника села Николо-Березовки Бирского уезда Алексея Соколова, «храм блестит изящной позолотой, а смотря на лики угодников Божиих написанные на всех стенах и в самом куполе, как будто смотрим на звезды небесные и невольно воспоминается церковное песнопение: ”в храме славы Твоея, Господи, стояще на земли, на небеси стояти мним”» [24].

Церковь во имя Св. Великомученика Пантелеимона стала центром духовной жизни Князь-Елгинского прихода. Помимо церковнославянского, службы велись на татарском, а в одно время и на удмуртском языках [25]. Все это способствовало более глубокому освоению православного вероучения удмуртами и татарами. Тому же способствовали миссионерская школа в Князь-Елге и школа от Министерства народного просвещения в Вотском Менеузе. По замечанию Д.М. Белова, учителя Князь-Елгинской миссионерской школы, «вотяки эти при моем поступлении не только не походили на христиан, но даже не умели осенять себя крестным знамением; в церковь они не ходили, а если когда по обязанности (крестить, отпевать и венчаться) и бывали, то ровно ничего не понимали: службы совершались на чуждом для них языке... в виду условий жизни среди магометан, они изучали татарский язык. Вместе с языком вотяки мало-по-малу переняли от татар религиозные обряды, домашний образ жизни, и даже костюм, пели татарские песни, в разговоре употребляли пословицы и поговорки татарские; вели знакомство исключительно с татарами» [26]. Далее он отмечает, что «служба

во вновь построенном храме стала совершаться частью на славянском, частью на татарском языке... На первых порах вотяки посещали церковь не особенно усердно и их приходилось даже наряжать. А потом труды и время сделали свое дело: вотяки стали ходить в церковь усердно, не пропуская ни одной воскресной и праздничной службы. Школа в разсеянии темноты шла с церковью рука об руку, – благодаря ей увеличился в населении процент грамотности. Теперь со времени открытия миссии в деревне Князи-Елге, прошло около 17 лет. Вотяки становятся неузнаваемы. Ихние обычаи, порядки, верования и даже костюм уходят в область предания» [27].

Церковь в 1930-е гг. была закрыта. Во время советско-финской войны в 1939 г. сняли колокола и кресты [28]. За годы советской власти церковное здание, к счастью, не пострадало. Некоторое время оно служило зерноскладом. В целостности и сохранности кирпичная постройка сохранилась до наших дней. Но внутри она разгромлена, фрески частью рассыпались, частью испорчены различными надписями. Но и находясь столь долгое время без присмотра, и потеряв кресты, церковь выглядит величественно и монументально.

В церковной ограде была устроена усыпальница Груздевых. До наших дней сохранились три мраморные надмогильные плиты. Одна, наиболее хорошо сохранившаяся, была установлена на могиле Александры Ивановны Груздовой, супруги Г.Н. Груздева, со следующей надписью: «Господи приими дух ея с миром. Здесь покоится тело рабы Божией Александры Ивановны Груздовой. Скончалась 6 сентября 1907 года. Жития ей было 71 год. Память ея 23 апреля. Дорогой Бабушке от любящих внучат». На второй, плохо сохранившейся плите едва читается дата «29 февраль 1896 г.» и имя «Александр Груздев». Видимо, она была установлена над могилой Александра Гавриловича Груздева, сына Г.Н. Груздева, скончавшегося в феврале 1896 г. [29]. На третьей плите отсутствуют какие-либо надписи. Но, скорее всего, она была посвящена Василию Гавриловичу Груздеву, который скончался «в июне 1895 г. в кумысной лечебнице в Стерлитамакском уезде, откуда тело его впоследствии перевезено сюда и погребено в ограде церковной» [30]. Г.Н. Груздев тяжело переживал смерть сыновей. По замечанию очевидцев, «Если старец и прежде всей душой стремился на Афон, то теперь его никто уже не отговорит от приведения в исполнение сего намерения» [31]. Там, скорее всего, он и нашел свой последний приют, хотя, по словам Л.Н. Макарова, Груздев умер в Иерусалиме, куда ушел жить в старости. По его же словам, бирский купец третьей гильдии Гавриил Груздев, владевший пристанью, мельницами и пароходом, происходил из Рязанской губернии. Судьба его закинула в далекий Бирский уезд. Жаль, что нынешние жители Князь-Елги очень мало помнят о семье Груздевых.

Во время экспедиции 2007 г. выяснилось, что церковь начали восстанавливать. Местные жители сообщили, что здесь планируют организовать монастырь [32]. В настоящее время действует приход Свято-Пантелеимоновского храма д. Князь-Елга.

Касаясь местных жителей, еще раз отметим, что в настоящее время называть их удмуртами можно лишь условно. Хотя они в документах и во время переписей отмечают себя удмуртами, но по этническому самосознанию причисляют себя к

кряшенам. Отмечают, что их предки были «ары», то есть удмурты. Удмуртского языка ни один из жителей не знает, разговаривают на татарском. В то же время сами кряшены продолжают называть их удмуртами – «арами».

Церковь в Князь-Елге. 2007 г. *Фото автора*

Фреска Св. Пантелеимона.
2007 г. *Фото автора*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан на 1 января 1999 года. – Уфа, 1999. – С. 180.
2. Населенные пункты Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года): Стат. сб. – Уфа, 2006. – С. 88.
3. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 5. Бирский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследователей 1897 года. – Уфа, 1899. – С. 12–14.
4. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее ЦГИА РБ) Ф. 138. Оп. 2. Д. 25. Л. 4.
5. *Асфандияров, А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн. 4. – Уфа, 1993. – С. 158.
6. Полевые материалы автора (далее ПМА), 2002 г. Илишевский район Башкортостана, д. Князь-Елга, Андриянов В.Е., 1929 г.р.
7. ПМА, 1999 г. Илишевский район Башкортостана, д. Вотский Менеуз, Макаров Л.Н., 1928 г.р.
8. *Атаманов, М.Г.* Из истории формирования закамской группы южных удмуртов // Вордском кыл. – 2003. – № 10. – С. 91.
9. ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1755. Л. 232.
10. ПМА, 2002 г. Илишевский район Башкортостана, д. Князь-Елга, Андриянов В.Е., 1929 г.р.
11. Уфимские епархиальные ведомости (далее УЕВ). – 1901. – № 3. – С. 158.
12. УЕВ. – 1890. – № 9. – С. 346.

13. Сизов, С. Построение церкви в селе Князеилге, Бирского уезда // УЕВ. – 1896. – № 4. – С. 147.
14. Там же.
15. Там же. С. 146.
16. Там же. С. 149.
17. УЕВ. – 1890. – № 9. – С. 345.
18. УЕВ. – 1891. – № 23. – С. 309.
19. Там же.
20. Сизов, С. Указ. соч. С. 151.
21. Там же. С. 152.
22. Там же. С. 155.
23. Соколов, А. Поучение при освящении храма в селе Князе-Илге // УЕВ. – 1899. – № 8. – С. 390.
24. Там же.
25. ПМА, 1999 г. Илишевский район Башкортостана, д. Вотский Менеуз, Макаров Л.Н., 1928 г.р.; ПМА, 2002 г. д. Князь-Елга, Андриянов В.Е., 1929 г.р.
26. Белов, Д.М. Как велика польза учения детей инородцев в школе и отправление богослужений в храме на их родном языке // Пермские епархиальные ведомости. – 1906. – № 23. – С. 471.
27. Там же. С. 473.
28. ПМА, 2002 г. Илишевский район Башкортостана, д. Князь-Елга, Андриянов В.Е., 1929 г.р.
29. УЕВ. – 1896. – № 13. – С. 180.
30. Там же.
31. Там же.
32. ПМА, 2007 г. Илишевский район Башкортостана, д. Князь-Елга. Тарасов Ю.Л., 1935 г.р.

Поступила в редакцию 7.08.2010

R.R. Sadikov

**The “Udmurt” church in Bashkortostan
(the history of the orthodox church in Knyaz-Elga)**

The building history of the orthodox church in Knyaz-Elga village of Ilishevski district of the Republic of Bashkortostan is considered in the article on the basis of published and field sources. Built in the end of the XIX century it became the religious centre for the local Udmurts, Kryashens and Mordvins. The christened Udmurts of Birski district of Ufimskaya province were the main part of parishioners in this church.

Key words: the Udmurts, Bashkortostan, orthodox church, missionary work.

Садиков Ранус Рафикович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
заведующий отделом этнологии Института этнологических исследований
Уфимского научного центра РАН

г. Уфа

E-mail: kissapi@mail.ru

Е.М. Черных

**ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО
УДМУРТСКОГО ЖИЛИЩА В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

В статье рассматриваются вопросы происхождения основных типов традиционных построек, еще недавно определявших своеобразие удмуртской усадьбы. Поставленные на заре становления финно-угорской этнографии, они до последнего времени решались, главным образом, путем умозрительных построений. Археологические источники, накопленные наукой во вт. пол. XX в., позволяют наполнить прежние схемы фактологическим материалом и предложить более обоснованное видение динамики древнего домостроительства у населения Прикамья.

Ключевые слова: история изучения, традиционная архитектура, этнография, археология, древнее жилище, эволюция

Одной из весьма сложных и неоднозначно решаемых проблем в финно-угроведении остается проблема генезиса основных форм традиционного жилища. Не является исключением и жилище удмуртов. Его особенности получили всестороннее описание в этнографической литературе XIX–XX вв. Можно назвать монографические исследования А.О. Хейкеля, И.Н. Смирнова, Н.Н. Харузина, А.И. Пинт, В.Н. Белицер. Комплекс удмуртской усадьбы включал вполне традиционные постройки: избу (*корка*), клеть (*кенос*), куала и различные хозяйственные постройки. Вопросы их происхождения встали перед исследователями с первых шагов этнографического изучения, но отсутствие оригинального источникового материала, позволившего бы углубиться дальше XVIII в., предопределило умозрительность, свойственную большинству схем реконструкции древнейшего типа жилища удмуртов, как, впрочем, и финно-угров в целом. Так, у А.О. Хейкеля, профессора финской этнографии, пожалуй, впервые мы встречаемся с систематическим изложением вопроса о происхождении традиционного жилища финно-угорских народов. Всецело разделяя взгляды ученых-эволюционистов, А.О. Хейкель считал, что прототипы современных финских жилищ следует искать среди так называемых «некультурных народов» [1, Р. XIX]. Взяв за основу типологии финно-угорского жилища устройство и положение очага, ученый выводил его

исходный тип из жилища типа землянки. Современник А.О. Хейкеля, профессор Казанского университета И.Н. Смирнов, в работах «Вотяки» и «Пермяки» оказался солидарным с финским этнографом в выводах о происхождении народных построек коми и удмуртов [2, С. 87; 3, С. 193]. Авторитетнейший ученый рубежа столетий, профессор Санкт-Петербургского университета Н.Н. Харузин в основу своей классификации финно-угорского жилища положил его внешний вид и план, полагая, что такая схема дает более наглядные представления об эволюции. Принципиально новым был тезис исследователя, что современное жилище финнов является «продуктом долгого постепенного развития финнов, результатом взаимодействия собственного, самостоятельного роста финского племени с одной стороны, и влияния на них соседей, с другой» [4, С. 2]. Но, ошибочно полагая, что все финно-угорские народы в прошлом были кочевниками и вели примитивный образ жизни, он пришел к не менее ошибочному выводу, что древнейшей формой финского жилища являлся шалаш [5].

Эти два основных взгляда на генезис традиционного жилища удмуртов обнаруживаются и в работах исследователей XX в., хотя нельзя не отметить оригинального подхода к решению «старой» проблемы в работах М.О. Косвена и А.И. Пинт. Этнографические материалы, собранные в Удмуртии комплексной экспедицией Института народов Советского Востока в 20-е гг., послужили основой для написания оригинального исследования по истории удмуртского народного зодчества [6]. Это была первая попытка найти исходные типы современных жилых построек удмуртов. Показав национальное своеобразие построек удмуртской усадьбы, А.И. Пинт отдала *кеносу* приоритет считаться древнейшей формой жилища удмуртов, усматривая в нем черты «длинного дома» – дома первобытного коллектива родственников и материнского рода [7]. А.И. Пинт и М.О. Косвен не видели оснований считать *куа* древним типом жилища, это не более чем добавочное помещение к *кеносу*, или место для отправления культа. Хотя именно А.И. Пинт принадлежит идея происхождения *куа* от ветрового заслона. В своей аргументации исследователи ориентировались на господствовавшие в то время в советской исторической науке идеи Н.Я. Марра. «Подтверждение» их выводам вскоре нашлось в материалах, полученных археологами. Так, раскопками А.В. Збруевой на Конецгорском селище около Перми было изучено сооружение, вошедшее в науку как «длинный» дом ананьинской культуры [8, С. 200–204]. Следует отдать должное интуиции А.В. Збруевой, хотя и интерпретировавшей данное сооружение как родовое, сходное с «длинными» домами ирокезов [9, С. 223–225], тем не менее считавшей основным жилищем прикамского населения в I тыс. до н.э. не землянку, а наземный дом [10, С. 87].

В 1920-е гг. именно раскопки древних и средневековых поселений позволили наполнить прежние гипотетические схемы эволюции традиционного жилища удмуртов конкретным содержанием. В пределах современной Удмуртии археологами были обнаружены остатки подлинных жилых построек на поселениях I–II тыс. н.э. (селище Гучин-гурезь, городища Чужьяловское, Иднакар, Дондыкар). На двух последних А.П. Смирновым и С.Г. Матвеевым были получены достоверные факты использования древнепермским населением срубной техники уже в начале II тыс. н.э. [11, С. 29]. И все же в обобщающих работах, подводивших

итоги довоенных археологических исследований, материалам по истории жилища отводилось весьма скромное место [12]. Это и понятно. Археологические материалы пока не давали единой генетической цепочки в эволюции древнего жилища. «Слабым звеном» оставалось отсутствие подлинных остатков жилищ рубежа новой эры и раннего средневековья. Такая существенная по времени лакуна (почти тысячелетие) послужила причиной досадных заблуждений даже таких авторитетных ученых, как А.П. Смирнов. Он считал, что на протяжении всего железного века население Прикамья продолжало строить дома двух типов – наземные и землянки. Окончательный переход от последних к наземному срубному дому, по его мнению, произошел лишь в X в. [13, С. 200].

«Белое пятно» в археологическом изучении древнепермского жилища начинает стремительно заполняться в 1950–60-е гг., в ходе масштабных исследований Камской (Воткинской) археологической экспедиции под руководством О.Н. Бадера в Верхнем и Среднем Прикамье и Удмуртской экспедиции под руководством В.Ф. Генинга – в республике. В результате раскопок пьяноборских и гляденовских поселений (городища Чеганда II, Кухтинское, Осинское, селище Барановское), а также таких средневековых памятников, как Зародятское селище, Федотовское, Поломские I и II городища) обозначилась зримая преемственность в характере домостроительных традиций населения в I–II тыс. н.э. Сложилась объективные условия для утверждения взглядов о типичности в то время для финно-угорского населения лесной полосы Восточной Европы наземной бревенчатой постройки [14, С. 145–146].

Массовый археологический источник позволял отныне более решительно и обоснованно привлекать его для решения проблем генезиса и эволюции традиционных построек пермских народов и в этнографических исследованиях. К проблеме происхождения и особенностей традиционного жилища удмуртов обращается в эти годы В.Н. Белицер. Она считала типично «удмуртской» постройку типа *куа*, развившуюся из ветрового заслона и шалаша [15, С. 134]. И все же, если В.Н. Белицер видела в *куа* прототип позднейших изб XIX–XX вв., то крупный знаток материальной и духовной культуры народов Поволжья и Приуралья К.И. Козлова полагала, что постройки типа *куа* и *кудо* не могли эволюционировать непосредственно в избу. Такая эволюция, по ее мнению, неминуемо должна была привести к их полному исчезновению, тогда как этнография, напротив, свидетельствует о длительном сосуществовании подобных построек и избы на одной усадьбе [16, С. 53–54]. Жилище типа «корка» К.И.Козлова рассматривала как прямое заимствование у русского населения.

К решению вопросов происхождения древних форм удмуртского жилища в 1970-е гг. обращались и историки архитектуры. Привлекая новые археологические и этнографические материалы, они относили становление специфических построек удмуртов – *куалы* и *кеноса* – к рубежу н.э., а их повсеместное распространение – к началу II тыс. н.э. [17, С. 14–15; 18, С. 248]. Причем, вслед за некоторыми этнографами, они отводили *куа* функцию исключительно летнего жилища. Зимним же – служила «корка», пришедшая на смену землянке и полуземлянке. Эти идеи, безусловно, были заимствованы у А.И. Пинт, но к последней четверти XX в. они уже вступали в явное противоречие с археологическими фактами. Дело в том, что долговременные поселения финно-угров Прикамья I

тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. не давали следов использования полуземляночных и земляночных жилищ. Поэтому, как представляется, более правы были археолог Е.И. Горюнова, относившая господство жилищ типа «куа» к ананьинскому периоду [19, С. 67], а также этнограф В.Е. Владыкин, рассматривавший *куа* как самое древнее жилище, долгое время использовавшееся как зимний дом и лишь на рубеже новой эры уступившее место жилищу типа «корка» [20, С. 198]. Правота обоих исследователей подтверждается и в материалах полоумской культуры V–IX вв., на поселениях которой в бассейне р. Чепцы были выявлены уже все типы построек, бытовавших в новое время на удмуртской усадьбе [21]. По мнению В.А. Семенова, уже в столь ранний период можно говорить о двух самостоятельных линиях развития обоих типов жилых построек – *куа* и будущей избы с печью. По проблеме генезиса удмуртской избы с печью ряд важных замечаний был высказан Г.К. Шкляевым. Касаясь традиционно-инновационных механизмов культуры, он отводит ведущую роль в этом процессе самой печи, необходимость в которой возникла, на его взгляд, лишь в XIV–XV вв. [22, С. 108–114]. Автор, правда, оставляет за рамками исследования вопрос об источнике такой инновации, подчеркивая лишь социально-экономическую обусловленность подобного заимствования. Принимая в общих чертах построения исследователя, хотелось бы все-таки указать на ряд несоответствий с фактологической базой современной археологии. Во-первых, не располагая источниками (ни этнографическими, ни археологическими), позволяющими пролить свет на эти «темные века» удмуртской истории, трудно согласиться со столь категоричной датировкой. Во-вторых, наблюдения за особенностями конструктивной и планировочной схем средневековых жилищ Прикамья, а также за эволюцией их очажного устройства позволяют рассматривать процесс трансформации *куала* в жилище типа *корка* как более длительный, растянувшийся во времени на весь период средневековой истории удмуртов. Именно во вт. пол. I – нач. II тыс. н.э. в прикамском домостроительстве наблюдаются очень важные и, что характерно, необратимые модификации в домостроительстве (прогресс срубной техники, усложнение плана долговременных жилищ – появление дополнительных пристроек типа сеней) [23, Р. 133–140; 24, С. 92–99]. Ну и, в-третьих, материалы археологии не позволяют согласиться с автором в части тезиса о невозможности трансформации открытого очага в очаг-каменку или глинобитную печь. Напротив, как следует из археологических данных, инновационные изменения коснулись в том числе и отопительных систем. На рубеже I–II тысячелетий н.э. в прикамском жилище на смену открытым кострищам приходят очаги-каменки и очаги полузакрытого типа с топкой в боковых стенках и отверстием-конфоркой в своде (наподобие “fournaux super arceus” в западноевропейском домостроительстве). Такие отопительные устройства изучены на чепецких городищах IX–XIII вв. Утяжеление печной конструкции неминуемо должно было повлечь за собой процесс смещения всего отопительного устройства к одному из углов. Такая конструкция и планировка дома уже вполне соответствуют этнографическим описаниям курной избы удмуртов.

Таким образом, подводя итоги современной изученности удмуртского жилища, можно сформулировать ряд перспективных задач, требующих решения как от этнографов, так и от археологов. Этнографами выявлены и описаны

конструктивные и функциональные особенности традиционных построек, обосновано своеобразие традиционного жилища, функцию которого выполняли сразу три постройки (корка, кенос и куа), обозначены локальные типы корка, выделенные главным образом по особенностям внутреннего устройства. Поставлены, пока лишь на априорном уровне, вопросы генезиса основных этнографических комплексов удмуртского жилища. Намечены в общих чертах направления внешних влияний на традиционное домостроительство. Хотелось бы заметить, что весьма перспективной видится дальнейшая разработка вопросов локального своеобразия жилища. Например, исследования башкирского этнографа Р.Р. Садикова [25] показали неисчерпанность данного сюжета, к тому же имен-

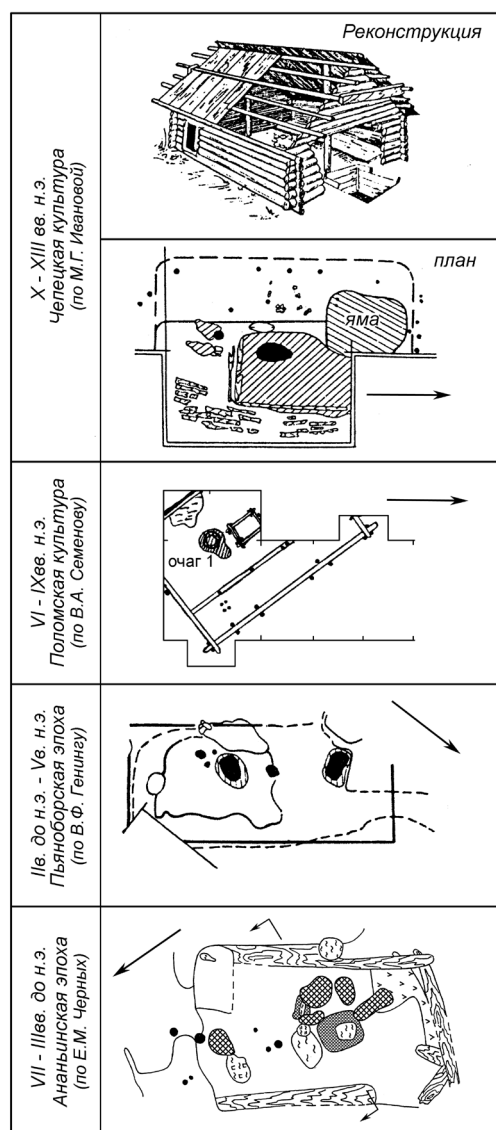

Рис. Типо-хронологическая схема развития древнеудмуртского жилища

но в изолированных этнокультурных комплексах сохраняются весьма архаичные черты традиционной культуры, а это, безусловно, открывает новые горизонты для ее этнографического изучения. В региональном археологическом материале, благодаря многократно возросшему за последние полвека источниковому арсеналу, отражение культурной традиции в домостроительстве (Я понимаю за этим некий стереотип социально организованного группового опыта людей. — Е.Ч.) отслеживается достаточно надежно на протяжении всего железного века. А это ни много ни мало почти два тысячелетия. Именно поселения Прикамья I тысячелетия до н.э. — XII–XIII вв. н.э. (это около 200 жилых объектов [26]) дают в распоряжение специалистов тот ценный источник, в строгом соответствии с которым можно предложить сегодня схему, иллюстрирующую основные изменения в местном домостроительстве. Как следует из археологических материалов, его стереотип в широком хронологическом и пространственном диапазоне характеризовался наземной бревенчатой постройкой прямоугольной формы, с тамбуром-сенями при входе (в ряде районов — без такового), с очагом в центре на одной оси с выходом, иногда с ямой-кладовкой, вписанной в ту же схему (Рис.). Для нас выявление подобных процессов стандартизации и стерео-

типизации на фрагментарном археологическом материале принципиально [27]. Фиксируемые же на ряде памятников отклонения от заданной парадигмы следует рассматривать как проявление особенностей в формировании традиционного опыта. А это, в свою очередь, позволяет ставить ряд важных вопросов, затрагивающих проблемы механизмов и путей передачи традиции. Вот здесь опыт этнографии мог бы оказать неоценимую помощь. Другой, не менее востребованный участок на ниве интеграции обеих наук связан с существованием в наших знаниях уже указанной хронологической лакуны, определяемой XIV–XVII вв. Именно здесь «спотыкаются» как археологи, так и этнографы. Первые – потому что не имеют в своем распоряжении раскопанных поселений, вторые – ссылаясь на prerogatives письменной истории и отсутствие сохранившихся подлинных построек. Между тем, удмуртским археологам и этнографам хорошо известны поздние удмуртские селища – *вужгурты*. Мне представляется весьма перспективным то направление, которое сегодня активно разрабатывается омскими учеными. Имею в виду выявление и изучение совместными усилиями археологов и этнографов так называемых этнографо-археологических комплексов (ЭАК) [28]. Предлагаемая ими модель исследования может и должна быть апробирована на поздних удмуртских материалах. Хотелось бы думать, что такой путь «стыка» археологии и этнографии (если мы действительно хотим выйти из тупика, в котором находимся) не только ликвидирует разрыв в объектно-предметной сфере исследований, но и позволит сделать максимально достоверными предложенные археологами интерпретации материалов более ранних исторических эпох.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Heikel, A.O.* Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen // *Journal de la société finno-ougrienne*. – Helsingfors, 1888. – Bd. IV. – S. 1–332.

2. *Смирнов, И.Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. – Казань, 1890. – Т. 8. – Вып. 2.

3. *Смирнов, И.Н.* Пермяки. Историко-этнографический очерк // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. – Казань, 1891. – Т. 9. – Вып. 2.

4. *Харузин, Н.Н.* Очерк истории развития жилища у финнов // *Этнографическое обозрение*. – М., 1895. – Кн. 24–25.

5. *Харузин, Н.Н.* Очерк... С. 3–4.

6. *Пинт, А.И.* К истории удмуртского жилища // *На удмуртские темы / Учен. зап. НИИ народов Советского востока*. – М., 1931. – Вып. 2.

7. *Пинт, А.И.* К истории... С. 87; *Косвен М.О.* Распад родового строя у удмуртов // *На удмуртские темы / Учен. зап. НИИ народов Советского востока*. – М., 1931. – Вып. 2. – С. 19.

8. *Збруева, А.В.* Коллективное жилище в Прикамье // *ВДИ*. – 1940. – № 2.

9. *Збруева, А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // *МИА*. – М., 1952. – № 30.

10. *Збруева, А.В.* Галкинское городище // *МИА*. – М., 1940. – № 1.

11. Матвеев, С.Г. Городище Сабанчикар // Труды научного общества по изучению Вотского края. – М., 1929. – Вып. 4; Смирнов, А.П. Дондыкарское городище // Труды научного общества по изучению Вотского края. – М., 1929. – Вып. 4.
12. Збруева, А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – М., 1952. – № 30; Смирнов, А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – М.; Л., 1952. – № 28; Талицкий, М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. – М., 1952. – № 27.
13. Смирнов, А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – М.; Л., 1952. – № 28.
14. Горюнова, Е.И. Развитие жилища у мордвы // Труды Института этнографии. – М., 1963. – Т. 86.
15. Белицер, В.Н. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу // Труды Института этнографии. – М., 1951. – Т. 10.
16. Козлова, К.И. Этнография народов Поволжья. – М.: Изд-во МГУ, 1964.
17. Кудрявцева, Г.П. Народные постройки удмуртов // Проблемы истории архитектуры. – М., 1974. – Вып. 1.
18. Шумилов, Е.Ф. К вопросу о древнейших формах удмуртского народного зодчества // Искусство Удмуртии. – Ижевск, 1975. – Вып. 1.
19. Горюнова, Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. – М., 1961. – № 94.
20. Владыкин, В.Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до нач. XX в.) // Дисс. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1969.
21. Семенов, В.А. Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI – первой половине IX вв. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1979.
22. Шкляев, Г.К. Традиции и новации в удмуртском жилище // Хозяйство и материальная культура в XIX–XX вв. – Ижевск, 1991.
23. Cernych, E.M. Die ersten Holzbalkenhäuser im Vor-Ural-Gebiet bei Finno-Ugrien // Congressus primus historiae Fenno-Ugricae. Historia Fenno-Ugrica 1:1. Oulu, 1996.
24. Черных, Е.М. Жилище Прикамья (эпоха железа): Монография. – Ижевск, 2008.
25. Садилов, Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). – Уфа: Изд-во «Гилем», 2001.
26. Черных, Е.М. Жилища Прикамья... Приложение I. С. 115–118.
27. Массон, В.М. Экономика и социальный строй древних обществ в свете данных археологии. – Л.: Наука, 1976.
28. Томилов, Н.А. Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // ЭО. – 1998. – № 1. – С. 3–14.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В СТАТЬЕ

ВДИ – Вестник древней истории
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 НИИ – научный-исследовательский институт
 ЭО – Этнографическое обозрение

Поступила в редакцию 08.09.2010

E.M. Chernykh

The problem of origin of a traditional Udmurt dwelling in ethnographic and archeological studies

In the article the origin of the main types of traditional buildings defining the originality of an Udmurt mansion is considered. The problems stated at the beginning of Finno-Ugric ethnography formation were mainly solved until recently by speculative construction. Archeological sources accumulated by the modern science allow to fill the previous schemes with factual material and offer more valid vision of the ancient housebuilding dynamics of the Kama region people.

Key words: history of study, traditional architecture, ethnography, archeology, ancient dwelling, evolution.

Черных Елизавета Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент,

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: arch@uni.udm.ru

Д.Ф. Файзуллина

**ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛГО-КАМЬЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
КАК НАЧАЛЬНАЯ ТОЧКА ФОРМИРОВАНИЯ
ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА
НАРОДОВ ФИННО-УГОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ**

В статье рассматриваются элементы костюма населения Волго-Камья раннего железного века народов финно-угорской языковой семьи. В результате анализа традиционных костюмов разных финно-угорских народов выявлены черты, общие для всех костюмов местного региона. Исследования открывают перспективу для изучения истории костюма древнего населения Волго-Камья.

Ключевые слова: финно-пермская основа, населения Волго-Камья раннего железного века, культурные пласты, элементы традиционного национального костюма.

Территорию Волго-Камья в кон. II – I-й пол. I тысячелетия до н.э. населяли племена, ставшие, по мнению большинства исследователей, этнической основой формирования многих народов финно-угорского мира. Существует обширная историография по вопросу об этнической принадлежности населения, составившего АКЦИО (Ананьинскую культурно-историческую область). Так, за маклашевской [29] и постмаклашевской археологическими культурами, входящими в АКЦИО, признается финно-пермская этническая основа, так как материалы данных культур находят прямые аналогии в более поздних кара-абызских, пьяноборских и мазунинских памятниках [1, С. 102–108; 13, С. 17–18]. Другое мнение высказано С.В. Кузьминых, который относит постмаклашевские памятники вместе с аозинскими к предкам прибалтийских и поволжских финнов [19]. Этнос «классической» ананьинской культуры АКЦИО оценивается разными исследователями неоднозначно: одни [28, С. 119, 121; 14, С. 80; 2, С. 132] видят в них угорскую основу, другие – пермскую [19]. Следует отметить и точку зрения о целостном характере АКЦИО, авторы которой также истолковывают ее по-разному: А.Х. Халиков – как общих предков восточно-финских народов [27, С. 49–69], Е.И. Горюнова, В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина [10, С. 22, 25; 8, С. 68–69; 9, С. 204–206] – как древних пермян.

Так как АКЦИО явилась своеобразной «колыбелью» финно-угорских народов и, по мнению ученых, формирование собственно этносов начинается именно в

эпоху РЖВ, можно считать предананьинский и ананьинский костюм начальной точкой, или основой развития костюма финно-угорских народов. Поэтому основные характерные элементы костюма финно-угров, хотя бы в зачаточной форме, должны присутствовать в костюме населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э. Впервые напрямую связать отдельные элементы женского костюма Волго-Камья раннего железного века, костюма со средневековыми и более поздними удмуртскими древностями, попыталась А.В. Збруева [12].

В изучении древнего костюма населения Волго-Камья можно выделить две линии: одна представлена исследованиями археологов, занимающихся культурами АКИО; вторая – трудами этнографов, посвященными одежде финно-угорских народов и поискам ее древних истоков. Этнографы выделяют обычно три культурных пласта в формировании костюмных комплексов финских народов Среднего Поволжья. Наиболее древний пласт связывается с древней финно-угорской общностью и особенностями лесного таежного хозяйства – это «простейшие типы одежды и обуви, общие для всех охотников и рыболовов в таежной полосе» [3, С. 192; 4, С. 284].

Некоторые современные исследователи придерживаются мнения, что «покрой одежды и другие черты во многом формируются не в рамках народа, а в пределах региона» [21, С. 35]. Л.А. Молчанова объединяет удмуртский, марийский, чувашский, мордовский и бесермянский костюмы в «Волго-Вятский костюмный стиль» [24, С. 48]. Главными его признаками являются: «материал (неокрашенный конопляный или льняной холст), туникообразный покрой наплечной одежды, сходные черты в составе костюма (двойная наплечная одежда, поясные подвески, полотенчатые головные уборы, высокий каркасный убор), техника вышивки, основной марено-красный цвет узора с добавлением черного и темно-синего, геометрический характер орнамента с небольшим количеством стилизованных изобразительных мотивов» [22, С. 130]. С потомками населения АКИО чаще всего связывают именно народности, объединенные в рамках «Волго-Вятского костюмного стиля».

Н.Б. Крыласова, проанализировав традиционный костюм разных финно-угорских народов, выявила черты, общие для всех: полотняная туникообразная рубашка, шерстяной или холщовый халат, пояс, головные уборы в виде венчиков, шумящие набедренники, накосники и нагрудники у женщин [18, С. 21]. В науке существует как «этническая» концепция развития костюмных форм, так и концепция местного регионального развития. На территории Поволжья и Приуралья мы имеем своеобразное соединение регионального и этнического развития костюмных форм.

В нашем исследовании мы предположили, что характерные общие элементы для костюма финно-угорских народов в зачаточной форме могли присутствовать в костюме населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э., и попытались восстановить их на основе археологического и изобразительного материала.

Основным типом источников для реконструкции женского костюма Волго-Камья обозначенного времени являются археологические материалы могильников (49 могильников, более 2500 погребений), относящихся к предананьинской и ананьинской культурно-историческим областям. Вторым типом источников являются изобразительные источники, выделяемые в отдельную группу. Это: 1) глиняные

статуэтки с городищ и поселений ананьинского времени, 2) изображения на костяных изделиях и 3) изображения элементов костюма на орудиях труда и украшениях.

Общий характер и крой одежды по археологическим данным не реконструируется, поэтому мы можем говорить лишь об отдельных элементах костюма данного периода [25]. Одежда населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э. изготавливалась из тканей (определены шерстяные), кожи, войлока. Ткани были плетеные и произведенные на ткацком станке, простого полотняного переплетения, разного качества. Часть тканей окрашивалась в красный цвет корнями марены или подмаренника. Заметим, что красный цвет в костюме традиционно остается предпочтительным (особенно для головного убора) у всех народов финно-угорской языковой семьи до XX в.

Выделяя три культурных пласта в формировании костюмных комплексов финских народов Среднего Поволжья, этнографы относят к древнейшему пласту одежду «туникообразной формы». Туникообразная рубаша считается наиболее древним типом одежды удмуртов, мари, мордвы и сохранялась в качестве основы костюмного комплекса у большинства финно-угорских народов до XX в. или использовалась в качестве погребальной. Было бы весьма заманчиво довести эту ретроспекцию до эпохи РЖВ (раннего железного века) и предположить аналогичную основу костюма для населения АКИО. Однако у нас нет данных о технике ткачества и ширине ткани в XI–VI вв. до н.э., а также неизвестна степень распространенности ткани для изготовления одежды в АКИО, кожаная одежда предполагает несколько иные приемы кроя и формы. Во-вторых, этнографы не могут ответить на вопрос, откуда и когда появляется на территории Волго-Камья туникообразный крой. Б.А. Куфтин связывает его происхождение с римской туникой [20, С. 23], В.Н. Белицер настаивает на местных древних традициях [4, С. 38], многие исследователи связывают распространение в Восточной Европе туникообразного кроя наплечной одежды, в частности рубашки, с кочевниками-скифами [11, С. 254]. В-третьих, в раннем железном веке у «варварских народов в обиходе были самые разнообразные типы и формы одежды: «накладные», «распашные», «драпирующие»» [11, С. 28]. В-четвертых, имеющиеся этнографические «ретроспекции» имеют некоторые существенные расхождения с изображениями VII–IV вв. до н.э. с территории АКИО.

Наиболее ярко выраженными элементами костюма для АКИО реконструируются шейно-нагрудные украшения и головные уборы. А.В. Збруева считала, что нагрудные украшения были «необходимой частью женской одежды», но «большая часть их была отделана вышивкой или аппликацией из полосок цветной ткани или кожи, от которых ничего не сохранилось до наших дней» [12, С. 83]. Основываясь на изображениях с глиняных фигурок и стел, можно выделить одно и многоярусные ожерелья; гривны; круглые крупные нагрудные бляхи; сложные нагрудники. Археологические материалы подтверждают наличие всех перечисленных типов шейно-нагрудных украшений.

В предананьинское время фиксируются две формы нагрудников – лопатообразная и трапецевидная (Рис. 2–1,2). В двух погребениях АКИО (Акозинский, погр. 37; Старший Ахмыловский, погр. 837) зафиксирована расшивка одежды бисером в районе груди (Рис. 2–6). Форма бисерных украшений может указать на вероятную форму нагрудников в ананьинское время. Однако нагрудник из Акозин-

ского могильника совпадает с формами средневековых сумочек (Рис. 2–8,9) [26]. В Старшем Ахмыловском могильнике гипотетический нагрудник имел форму прямоугольника с закругленными концами размером около 20х8 см (Рис. 2–5). Прямоугольные нагрудники (и вертикально, и поперечно расположенные) имеют широкие аналогии в средневековых могильниках финнов Поволжья [7, С. 79, 86, Рис. 4; 23, Рис. 47–50, 55–56, 69; 16, С. 55; 18, Рис. 44] и этнографических материалах Среднего Поволжья [4, С. 45; 6, С. 84–91, 96, 97]. Наиболее яркие аналогии – удмуртский нагрудник «кабачи» и чувашское нагрудное украшение «шулкеме».

По археологическим данным, шейно-нагрудные украшения АКИО представлены: 1) ожерельями – простыми и сложносоставными из разнородных элементов, от 1 до 3 рядов; 2) гривнами; 3) подвесными бляхами и одиночными украшениями (либо входившими в состав нагрудников). Гипотетически реконструируются матерчатые ожерелья типа «оплечий» или «ошейников» с нашитыми обоймицами или отдельной бляхой; нагрудники – кожаные, тканевые или из кожаных ремней различной формы (Рис. 2–3,4).

Обилие и разнообразие шейно-нагрудных украшений – характерная черта традиционного «финно-угорского костюма», сохраняющаяся в этнографических костюмах большинства финно-угорских народов. В зачаточной форме в ананьинское время представлены практически все типы и виды шейно-нагрудных украшений, которые получают свое развитие в последующие века.

Головные уборы, судя по всему, носило все женское население АКИО. С точки зрения визуального художественного образа первостепенное значение для выделения типов головных уборов имеют их форма и элементы убора, акцентирующие на себе внимание. Исходя из этих основных положений в ананьинское время на основе археологического материала могильников и изобразительного материала выделяются три типа головных уборов: головные повязки, круглые шапочки и конусовидные головные уборы.

Наиболее распространенным типом были головные венчики (Рис. 3–1,2,4) различного композиционного строя: из однородных крупных и мелких элементов, с акцентированным центром, сужающиеся в затылочной части, из сплошной металлической полосы. Повязки с более крупной возвышающейся центральной частью – подпрямоугольной бронзовой пластиной (Рис. 3–4) предполагают какую-то жесткую основу из бересты, дерева, войлока или меха для вертикального расположения центрального элемента надо лбом. Реконструируемая таким образом головная повязка напоминает головной убор типа сороки (Рис. 3–5,6), широко распространенный, по этнографическим данным, среди финно-угорского и славянского населения Волго-Камья [6, С. 191–192]. Этнографы обычно связывают появление этого вида головного убора в финно-угорской среде Поволжья с влиянием славянского населения. Однако сам композиционный принцип возвышенной надлобной части головного убора, вероятно, уходит в глубокую древность. Наиболее устойчивым и типичным для женского населения Волго-Камья является композиция из центральной бляхи, восьмерковидных накладок и пластинчатых височных колец, закрепленных на кожаной основе (Рис. 3–1).

Берестяные головные уборы из Луговского могильника [15] реконструируются нами как небольшие берестяные колпачки усеченно-конической формы,

покрытые тканью, закрепленной в свою очередь двумя венчиками-повязками у основания колпачка и по обхвату головы (Рис. 3–7). Высокие головные уборы будут фиксироваться в последующий период в чегандинской культуре [17, С. 10]. Высокие берестяные головные уборы широко известны по этнографическому материалу народов Среднего Поволжья – «айшон» (Рис. 3–10) у удмуртов, «шурка» мари и «панго» мордвы – и, по всей видимости, имеют своим прототипом именно ананьинские формы, тем самым являясь продолжением единой линии развития.

Таким образом, можно выделить следующие, на наш взгляд, «финно-угорские» черты в костюме населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э.: акцентирование на шейно-нагрудных украшениях, наличие ленточных типов головных уборов, формы нагрудников, многоярусные ожерелья, «оплечья», использование крупных блях для декора груди, височные украшения, использование бересты, высокие берестяные головные уборы.

Намеченные в настоящем исследовании выводы открывают перспективу для изучения истории костюма древнего населения Волго-Камья. Реконструкция основных элементов костюма предананьинского и ананьинского времени позволит более полно проследить развитие костюма в послепредананьинское время и выявить этапы формирования «финно-угорского костюма», выделить в нем этнические, эпохальные и заимствованные в разное время черты и элементы, что в конечном итоге может сыграть положительную роль в исследованиях, связанных с проблемой этногенеза современных финноязычных народов Среднего Поволжья и Прикамья: мари, мордвы, удмуртов и коми.

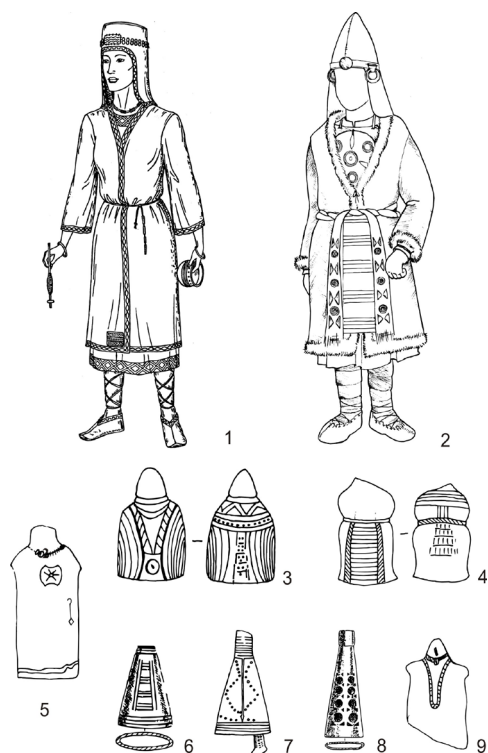

Рис. 1. Гипотетические реконструкции и изобразительные источники: 1 – женский костюм по материалам погребений Мурзинского IV могильника (реконструкция А.А. Чижевского, художник Р.Р. Садыков); 2 – женский костюм из погр. 8 Морквашинского могильника (реконструкция Д.Ф. Файзуллиной, художник Е.Н. Тимофеева); 3, 4, 5, 9 – глиняные фигурки с Аначевского, Юшковского городищ, Гремячанского поселения-святилища, Заюрчимского I поселения; 6, 7, 8 – бронзовые трапециевидные поясные подвески из Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников.

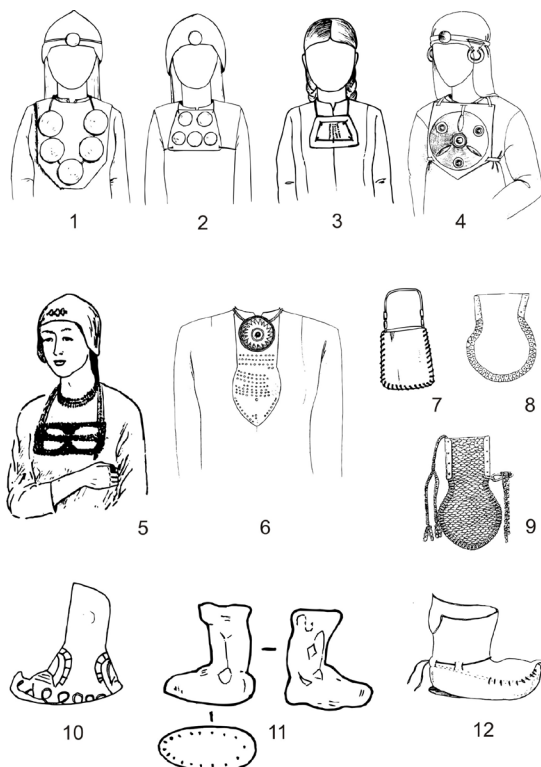

Рис. 2. Шейно-нагрудные украшения, сумочки, обувь и аналоги: 1 – реконструкция нагрудника из погр. 3 Полянського II могильника; 2 – реконструкция нагрудника из погр. G Маклашеевского I могильника; 3 – нагрудная пластина из погр. 138 Зуевского могильника; 4 – нагрудная бляха из погр. 8 Морквашинского могильника; 5 – реконструкция бисерного нагрудника из погр. 837 Старшего Ахмыловского могильника (по Патрушеву В.С.); 6 – реконструкция нагрудного элемента костюма из погр. 37 Аозинского могильника; 7 – реконструкция берестяного кошелька из погр. 25 Морквашинского могильника; 8, 9 – формы средневековых поясных сумочек из Танкеевского могильника и марийского Поволжья (по Казакову Е.П.); 10 – костяная лопаточка-тупик с Буйского городища (по Шаталову В.А); 11 – глиняный сапожок из Скородумского клада (по Обыденнову М.Ф.); 12 – удмуртская промысловая обувь «ком» (по Белицер В.Н.).

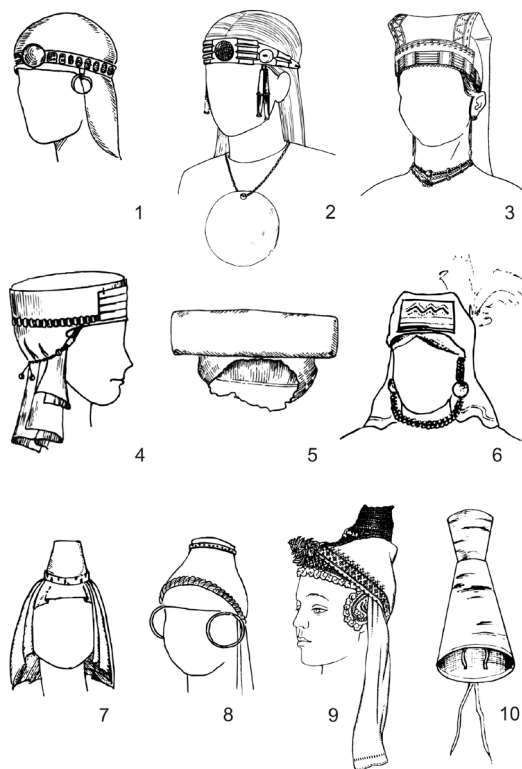

Рис. 3. Головные уборы и аналоги: 1 – композиционный строй типичного головного убора постмаклашеевской культуры АКИО; 2 – вариант реконструкции головного венчика из погр. 189 Тетюшского могильника; 3 – реконструкция головного убора средневековой мордвы (по Мартыанову В.Н.); 4 – вариант реконструкции головного убора из погр. 32 Мурзихинского II могильника; 5 – марийская «сорока» (по Гаген-Торн Н.И.); 6 – головной убор эрзянки (по Белицер В.Н.); 7 – реконструкция головного убора из погр. 86 Луговского могильника; 8 – реконструкция головного убора из погр. 142 Безводнинского могильника (по Павловой А.Н.); 9 – головной убор замужней вожанки (по Manninen); 10 – старинный головной убор удмуртки «айшон» (по Белицер В.Н.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агеев, Б.Б. Пьяноборская культура: монография. – Уфа, 1992.
2. Белавин, А.М. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-пермяки и финно-угорский мир. – Кудымкар, 1997. – С. 130–138.
3. Белицер, В.Н. Народная одежда мордвы. – М., 1972.
4. Белицер, В.Н. Народная одежда удмуртов. – М., 1951.
5. Белицер, В.Н. Очерки по этнографии народов коми. – М., 1958.
6. Гаген-Торн, Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу): монография. – Чебоксары, 1960.
7. Генинг, В.Ф. Женский наряд периода пьяноборской культуры // Сов. этнография. – 1963. – № 6. – С. 83–94.
8. Генинг, В.Ф. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // Уч. записки Пермского ун-та. № 148. – Пермь, 1967. – С. 51–71.
9. Голдина, Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского – Ижевск, 1999.
10. Горюнова, Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. – М., 1961.
11. Древняя одежда народов Восточной Европы. – М., 1986.
12. Збруева, А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. – М., 1952.
13. Иванов, В.А. Население Нижней и Средней реки Белой в ананьинскую эпоху: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1978.
14. Казаков, Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа, 1988. – С. 79–87.
15. Корепанов, К.И. Новые данные о погребальном обряде Луговского могильника // Древности Поволжья и Прикамья. – Йошкар-Ола, 2001. – С. 97–107.
16. Краснов, Ю.А. Безводнинский могильник. – М., 1980.
17. Красноперов, А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II–V вв. н.э.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Ижевск, 2006.
18. Крыласова, Н.Б. История прикамского костюма: монография. – Пермь, 2001.
19. Кузьминых, С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск, 2000. – С. 104–113.
20. Куфтин, Б.А. Материальная культура русской мещеры. Ч. I // Труды Гос. музея ЦПО. Вып. 3. – М., 1926. – С. 21–26.
21. Лобачева, Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1989. – С. 13–35.
22. Молчанова, Л.А. Орнамент удмуртской традиционной одежды (Опыт структурно-семантического анализа): дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1999.
23. Павлова, А.Н. Семиотика костюма волжских финнов I – начала II тыс. н.э.: монография. – Йошкар-Ола, 2004.
24. Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола, 2002.
25. Файзуллина, Д.Ф. Реконструкция основных элементов женского костюма Волго-Камья ананьинского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Казань, Омск, 2010. – С. 429–433.
26. Файзуллина, Д.Ф. Сумочки женского населения Волго-Камья ананьинского времени // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. – Уфа, 2010. – С. 253–254.

27. Халиков, А.Х. Происхождение финноязычных народов // Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1. – Казань, 1991. – С. 49–69.

28. Худяков, М.Г. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет: юбилейный сб. ст. – Казань, 1923. – С. 72–126.

29. Чижевский, А.А. О хронологических границах маклашеевского этапа приказанской культуры // Европейский Север в культурно-историческом процессе. – Киров, 1999. – С. 89–92.

Поступила в редакцию 11.08.2010

D.F. Faizullina

Costume elements of Volga-Kama people of the early iron age as a start point of traditional costume forming of the people of the Finno-Ugric language family

Costume elements of Volga-Kama people of the early Iron Age who belonged to the Finno-Ugric language family are considered in the article. Features which are common for all costumes of the local region are found due to the analysis of the traditional costumes of different Finno-Ugric people. The researches give the opportunity to study costume history of the ancient Volgo-Kama people.

Key words: Finno-Perm basis, Volga-Kama people of the early Iron Age, cultural layers, elements of a traditional national costume.

Файзуллина Диана Фаридовна,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой музееведения,

ФГУ ВПО «Казанский государственный университет культуры и искусств»

г. Казань

E-mail: faizullinad@yandex.ru

УДК 745.52(470.51)

И.А. Косарева

ТРАДИЦИОННОЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО СРЕДИННЫХ УДМУРТОВ

Рассматриваются традиционные явления художественной культуры, характерные для удмуртов этнографической группы калмез и верхнеижско-шарканской этнографической группы.

Ключевые слова: Калмезы, верхнеижско-шарканские удмурты, вышивка, ткачество, прялки, головные уборы.

Понятие «срединные удмурты» заимствовано из диалектологии, которая давно вычленяет у удмуртов срединные говоры [1]. В данной работе речь пойдет о традиционных художественных явлениях, характерных для удмуртов этнографической группы *калмез* и удмуртов верхнеижско-шарканской этнографической группы. Их ареалы, расположенные в самом центре этнической территории удмуртов, несколько вытянутые в широтном направлении, с севера отгорожены крупным лесным массивом от бассейна р. Чепцы, населенного удмуртами этнографической группы *ватка*. С юга не менее мощный лесной массив отгораживает их земли от территорий другой этнографической группы – так называемых собственно южных удмуртов. Большой по площади лес, остатки которого сохранились на территории Якшур-Бодьинского района, изолировал друг от друга ареалы *калмезов* и верхнеижско-шарканских удмуртов, что способствовало сложению и длительному существованию во времени этнографических подразделений срединных удмуртов, сохранению диалектных особенностей их языка и традиций художественной культуры. Только в советский период внутри этого леса были созданы населенные пункты со смешанным населением (удмуртами разных этнографических подразделений и русскими) – деревни Лумпово и Алгазы.

Этноним *калмез* известен в этнографической литературе с XIX в. [2]. Первое упоминание об этнографической группе *калмез* содержится в дневнике Д.Г. Мессершмидта за 1726 г. Однако данный рукописный текст оставался неопубликованным и был введен в научный оборот совсем недавно [3].

Этнографическая группа верхнеижско-шарканских удмуртов, в отличие от *ватка* и *калмез*, не имеет особого этнонима. М.Г. Атаманов, обобщая данные о расселении воршудных объединений, выделил шарканско-якшур-бодьинскую группу удмуртов [4]. С.Х. Лебедева писала о шарканско-якшурбодьинском костюмном комплексе [5]. Поскольку значительная часть территории Якшур-Бодьинского района относится к бассейну р.Кильмезь и населена калмезами, а удмурты, составляющие единое этнографическое подразделение с населением Шарканского района, в Якшур-Бодьинском районе проживают в бассейне р. Иж в ее верхнем течении, мы предлагаем использовать для обозначения этой этнографической группы упомянутое выше название «верхнеижско-шарканские удмурты».

О том, что у калмезов была традиция украшения белой холщовой одежды вышивкой, выполненной по счету нитей холста, мы можем судить на основе уцелевших до нашего времени фрагментов старых рубаш и девичьих головных уборов. Однако целостного представления о художественных особенностях традиционной калмезской вышивки последнего периода ее существования составить невозможно ввиду отсутствия достаточного количества предметов, сохранивших этот прием декорирования ткани.

Во второй половине XIX в. калмезы отказались от одежды из белого холста и утратили навыки исполнения традиционной вышивки. Одежду они стали изготавливать из более практичной клетчатой ткани, так называемой пестряди. Изменению способствовало также появление анилиновых красителей, позволявших окрашивать нити в разные цвета. При этом узорное ткачество и работа в различных техниках – браной, выборной, переборной, закладной, – украшение предметов одежды и изделий, составлявших убранство дома, ткаными орнаментами (что было очень характерно для удмуртов других этнографических подразделений) не получили распространение у калмезов. В ходе полевых исследований удалось обнаружить отдельные предметы, выполненные в многоремизной технике. Однако эта сложная техника, требующая трудоемкой тщательной предварительной подготовки стана к работе, лишена ярко выраженной этнической специфики, чем обусловлено большое сходство предметов, выполненных в этой технике представителями разных этносов.

Значительный художественный интерес представляют девичьи головные уборы *пöртмаськон ызьы*, предназначенные для отмечаемого калмезами осеннего праздника *пöртмаськон*. Традиционно их изготавливали из бересты (придавая цилиндрическую форму, как и калмезским *айшоном*, не сохранившимся до наших дней и известным только по кратким упоминаниям в литературе) [6] или плели из ржаной соломы, а в последние десятилетия изготавливали из фетровых шляп фабричного производства, матерчатых или вязаных шапочек. Такие головные уборы украшали разноцветными шелковыми лентами, перьями из петушиных хвостов, самодельными бумажными цветами. После 1930-х гг., коллективизации и разорения деревень, когда традиционный костюм начал выходить из повседневной жизни, девичьи шляпы стали частью женского праздничного облачения. Их использовали участницы художественной самодеятельности. В ряде деревень Увинского, Сюмсинского и Селтинского районов такие головные уборы удалось обнаружить и сфотографировать. Однако о них помнят повсеместно и в калмезских деревнях

Кильмезского района Кировской области, Сюмсинского, Селтинского Увинского, Вавожского, Игринского и Якшур-Бодьинского районов Удмуртии.

Говоря о традиционных явлениях народного искусства калмезов, нельзя обойти вниманием такой важный в крестьянском быту предмет, как прялка. Традиционная удмуртская прялка *кубо* состоит из донца, четырехгранного столбца и четырехгранного же наверху с длинным гладким коническим концом, к которому привязывали кудель. Ее украшали трехгранно-выемчатой и ногтевидно-выемчатой резьбой, а также геометрическими орнаментами, состоящими из гладких и заштрихованных мелкими параллельными нарезками участков. Такие прялки бытовали по всему удмуртскому ареалу. Им на смену повсеместно пришли прялки с выточенными на токарном станке столбцом и наверху. Для прялок *калмезов* характерно сохранение в нижней части точеного на станке округлого столбца значительного по высоте четырехгранного или многогранного участка. Эта особенность, характерная для *калмезов* и зафиксированная во множестве образцов в разных частях их ареала, свидетельствует об информационных связях, обусловленных отношениями родства и свойства, скрепляющими этнографическую группу.

У верхнеижско-шарканских удмуртов интересным художественным явлением является декор тканей, вышитый и тканый. Вышивка верхнеижско-шарканских удмуртов хорошо известна по многочисленным музейным образцам. Ею украшали традиционную одежду, она имела специфические художественные особенности. Ее узоры состояли из геометрических фигур, вышитых позументной нитью «вприкреп». Позументную нить располагали на поверхности холста, прикрепляя ее к ткани стежками дополнительной тонкой цветной нити, покрывая таким способом большие орнаментируемые поверхности. Сочетанием металлической нити и ритмично повторяющихся стежков цветной нити, вышивальщицы добивались различных декоративных эффектов. Вышивку позументом сочетали с фрагментами, плотно заполненными «косой стежкой». Сложно установить, когда возникла такая вышивка, но она была распространена по всему ареалу верхнеижско-шарканских удмуртов и не имела аналогов у других этнографических групп, совершенно иначе выполнявших шитье позументной нитью. Такую вышивку использовали при декорировании рукавов рубах (вышивали крупные розетки в верхней части рукавов), подолов праздничной распахной одежды, праздничных головных платков *куиньсэрго*.

Когда в начале XX века в с. Сосновка были организованы кустарные мастерские, у верхнеижско-шарканских удмуртов получили распространение дешевые, доступные крестьянам тканые изделия: декоративные полотенца, подолы праздничной женской одежды, скатерти и покрывала, выполненные в переборной технике. В этой технике присутствует особый дополнительный зев, образуемый поднятыми через равные промежутки нитями основы. Они прижимают к ткани нити цветного утка, образующие узор переплетениями тонких тканеобразующих нитей основы, а не висящие свободно поверх холста, как в браном и выборном ткачестве. Поверхность ткани с переборным узором покрыта мелкими параллельными рубчиками, тянущимися в продольном направлении. Местное название такой техники *корам* 'рубленная'. Для мотивов орнамента этих изделий характерны цветочные гирлянды, виноградные лозы, дубовые листья и желуди, изображения

птиц, двуглавого орла. Иногда ощущаются отголоски орнаментики модерна с их гибкими пластичными формами. Изделия кустарных мастерских распространялись благодаря торговле по всему ареалу верхнеижско-шарканской этнографической группы и бытовали на территории Шарканского и Якшур-Бодьинского районов. Узорные тканые вставки заменили традиционную вышивку на подолах праздничной распашной одежды, а использование фабричных тканей при изготовлении верхних частей рубаш заложило собой изысканные вышивки на их рукавах.

Повсеместно на территории верхнеижско-шарканской этнографической группы крестьянки ткали полосатые шерстяные покрывала на постель *валес шобрет* (*валес* ‘постель’, *шобрет* ‘покрывало’). Ткачихи из Якшур-Бодьинского и Шарканского районов создали немало таких покрывал разнообразной расцветки. Традиция их изготовления, технически относительно несложного, крепко укоренилась у мастериц этого подразделения удмуртского этноса. До нашего времени сохранились вещи с подобранными в определенном ритме разноцветными полосками на черном, сером или каком-либо другом фоне.

Интересны покрывала с полосами не однотонными, а вытканными как цветные растяжки, предопределившие поэтическое название подобных вещей – *ву ююсь* ‘воду пьющая’, ‘радуга’. Другой разновидностью полосатых покрывал стали вещи, включающие в череду полос вытканые толстым пучком контрастных нитей линии, ярким пунктиром выведенные на лицевую поверхность.

Традиция изготовления таких тканей сделала мастериц особенно восприимчивыми к полосатым изделиям. Известен случай в деревне Мукши Якшур-Бодьинского района. Вернувшийся после Великой Отечественной войны фронтовик привез полосатое трофейное покрывало немецкой работы. Расположение полос и цветные переходы этой вещи понравились женщинам, владевшим навыками тканья, и они вдохновились на создание подобных изделий, часть которых сохранилась до наших дней.

Для верхнеижско-шарканских удмуртов характерно активное использование *ныпъетов* – приспособлений для переноски младенцев за спиной, характерных для разных этнографических подразделений. (Собственно южные удмурты украшали их богатыми ковровыми узорами.) Верхнеижско-шарканские удмурты, с их любовью к полосатым покрывалам, и *ныпъеты* украшали мелкими разноцветными полосками, в каждой вещи подобранными в сложном ритме.

В Шарканском районе, восточной половине ареала этнографической группы, покрывала на постель *валес шобрет* украшали ярким крупным узором, выполненным в закладной технике. Эти изделия состоят из частей, рассчитанных на декорирование двух плоскостей нар или кровати: основной горизонтальной и боковой вертикальной. Горизонтальную плоскость закрывает широкая, черная или темно-коричневая ткань, однотонная или с яркими параллельными поперечными полосками. С одного бока по всей длине к этой ткани пришивали рассчитанную на декорирование боковой плоскости кровати узорную гладкую полосу, заполненную орнаментами закладного ткачества. Чаще всего орнамент этой боковой полосы образован разноцветными, плотно прилегающими друг к другу полосами, изломанными под прямым, реже – тупым или острым, углом. Контрастные сочетания изломанных разноцветных ярких полос со ступенчатыми

краями придавали *валес шобрету* неповторимое своеобразие. Иногда вместо зигзагообразного орнамента на боковой полосе ткали ромбические фигуры, заполненные уменьшающимися в размерах, контрастно окрашенными ромбами.

Активное использование закладной техники свидетельствует о явном влиянии тюркских традиций на узорное ткачество верхнеижско-шарканских удмуртов. Мастерицы, много ткавшие в закладной технике, создавали иногда вещи, декорированные ромбами и зигзагообразными линиями по всей поверхности. Но их эксперименты не ограничивались такими узорами. Среди сохранившихся изделий можно встретить вещи с неожиданным решением: интересен образец с ярким орнаментом из расширяющихся и сужающихся разноцветных закладных полос, струящихся по всему узорному полю.

Навыки закладного ткачества привели к созданию наиболее опытными и талантливыми мастерицами ковровых изделий, все поле которых покрыто сложным закладным узором с перетекающими разноцветными линиями, создающими удивительный декоративный эффект, свидетельствующий о высоком профессионализме и огромном художественном даре. Удивляет сложным построением, монументальными формами и продуманными цветосочетаниями ковер работы Анны Егоровны Лазаревой (1888–1960) из д. Чужегово Шарканского района.

В результате творческих поисков ткачихи Анны Васильевны Пермяковой (1922–2005) из д. Пашур-Вишур Шарканского района по нижнему краю розового полосатого ковра в закладной технике вытканы разные по цветовому решению фигуры со ступенчатыми краями. Узор напоминает мультипликацию с изображением сказочного северного европейского городка: плотно придвинутые друг к другу домики с островерхими крышами запорошены снегом. В изделии использована блестящая синтетическая нить, поблескивающая среди ворсистой шерстяной розовой ткани.

Значительный интерес представляет собой декор скатертей верхнеижско-шарканских удмуртов. Здесь необходимо сказать еще несколько слов об упомянутой выше многоремизной технике ткачества, применяемой для изготовления скатертей. Такая техника требовала от ткачих наибольшего мастерства и опыта. При создании узоров использовали большое число ремизок или нитов – приспособлений для разделения нитей основы изготавливаемой ткани. Для многих видов ткачества достаточно двух ремизок. При использовании их большого числа возникает множество вариантов зева, четко рассчитанных мастерицей при подготовке стана к работе, что позволяло создавать сложные переплетения нитей основы и утка. Наиболее опытные мастерицы могли использовать до двенадцати ремизок. В этой технике ткали праздничные скатерти. Они могли быть белые, с тонким рельефным рисунком, выполненным белой нитью по белому же фону. Можно встретить многоремизные скатерти разных цветовых сочетаний, но наиболее распространено сочетание красного с белым.

Многоремизные узоры сложного дробного орнамента можно сравнивать с расходящимися по воде кругами или со сгущающимися и разряжающимися сферическими субстанциями. В самом пульсирующем ритме повторяющихся мелких и крупных составных частей многоремизного узора таятся динамика и бесконечная тяга к движению. Поэтому данная техника наиболее интересно

представлена в крупных вещах (скатертях), где одно и то же ритмическое образование многократно повторено и вплетено в общую паутину узора. В единичных случаях южные удмурты использовали многоремизные узорные ткани для создания праздничных рубах; северные – для изготовления праздничных нарядных фартуков. Но полнее и интереснее многоремизные узоры раскрывают свою сущность в крупных изделиях.

Полевые исследования последнего времени показали, что непростая многоремизная техника не имела повсеместного распространения. Однако многоремизные узоры, видимо, нравились, и их пытались воспроизвести в других техниках. В Шарканском районе были найдены скатерти, повторяющие сложный многоремизный узор в браной технике. Эти вещи имеют рыхлую фактуру, в отличие от плотных многоремизных тканей. (На поверхности многоремизной ткани в процессе тканья формируется мельчайший косой рубчик.)

В результате полевых исследований последнего времени удалось установить круг художественных явлений и определить своеобразие традиционного декоративно-прикладного искусства верхнеижско-шарканской этнографической группы удмуртов и удмуртов группы *калмез*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кельмаков, В.К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика. – Ижевск, 1987. – С. 38–39.
2. Гаврилов, Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. – Казань, 1880. – С. 148.
3. Напольских, В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. – Ижевск, 2001. – С. 85.
4. Атаманов, М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. – Ижевск, 2005. – С. 159–168.
5. Лебедева, С.Х. Удмуртская народная одежда. – Ижевск, 2008. – С. 158.
6. Смирнов, И.Н. Вотяки // ИОАИЭ. – Казань, 1890. – Т. VIII. – Вып. 2. – С. 97.

Поступила в редакцию 15.07.2010

И.А. Kosareva

Traditional arts and crafts of the middle Udmurts

This article presents the traditional folk art of two ethnic groups of Udmurts residing in the central part of the Udmurt ethnic territory. The article analyses the artistic peculiarities of the embroidery, weaving and wood carving.

Key words: Kalmezes, verkhneizhsko-sharkan Udmurts, embroidery, weaving, spinning wheels, headdresses.

Косарева Ирина Алексеевна,

кандидат исторических наук, доцент,

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: kosar_irina@mail.ru

Е.В. Родионова

**ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ
И ВЕНГЕРСКОЙ ПРОЗЫ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФЕНОМЕНА МАРГИНАЛЬНОСТИ**

В статье исследуются новые возможности изучения художественной литературы на основе теории культурной и теории социальной маргинальности. При анализе удмуртской и венгерской прозы можно выделить категорию маргинальных личностей, которые находятся между городской и деревенской средой. Типы героев дифференцированы как «микрокультуральные маргиналы» (в венгерской литературе) и «этнокультурные маргиналы» (в удмуртских литературе).

Ключевые слова: современная удмуртская и венгерская проза, маргинальность, типы маргинального героя.

1. Исследования маргинальности в социологии

Историю литературоведения трудно отграничить от внехудожественных сфер жизни общества, в частности, от социологии. В нашей работе мы попытаемся изучить феномен маргинальной личности с точки зрения ее отражения в литературных произведениях. Для рассмотрения выбраны наиболее известные произведения современной венгерской и удмуртской прозы, повествующие о героях, находящихся на рубеже деревенской и урбанистической культуры. Хронологически это проза 1980–2000-х гг.

Проясним необходимый нам для исследования категориальный аппарат, дабы экстраполировать представления социологов о маргинальной личности на маргинальных героев венгерской и удмуртской прозы. Слова «маргинальный», «маргинальность» произошли от латинского корня *margo*, означающего 'граница, межа, край'. *Маргиналиями* называют заметки на полях книги или рукописи, а также отступы текстов, не включающие какие-либо записи (любой печатный текст, как правило, с четырех сторон окружен маргиналиями). Итак, этимологически *маргинальный* – это находящийся на границе или по ту сторону границы, то есть не вошедший в основной текст, дополняющий его или даже противоположный.

Как социологический термин понятие «маргинальный» существует с 1928 г., когда было опубликовано эссе американского ученого Роберта Эзры Парка (1864–1944) под названием *Human Migration and the Marginal Man* («Человеческая миграция и маргинальный человек»), где ученый впервые попытался охарактеризовать маргинальную личность. Его работы были посвящены изучению в первую очередь иммигрантов и опыту межкультурной коммуникации личностей, относящихся к разным расам. По мнению Р. Парка, «маргинальный человек – это личностный тип, который возникает там и тогда, где и когда из конфликта рас и культур рождаются новые общества, народы и культуры. Та же самая судьба, которая обрекает его жить одновременно в двух мирах, принуждает его принять в отношении тех миров, в которых он живет, роль космополита и чужака» [2, С. 11]. У Парка понятие маргинальности прежде всего относится к тем личностям, которые находятся на границе не просто разных, но противоположных, антагонистических культур.

Идеи Парка развивает американский ученый Эверетт Стоунквист в монографии *The Marginal Man. A Study in Personality and Culture Conflict* («Маргинальный человек. Исследование о личности и культурном конфликте», 1937). В отличие от Парка, главное внимание Стоунквист акцентировал на изучении маргиналов с точки зрения психологии. Его интересовали их внутренние переживания в процессе «переработки» синтеза двух антагонистических культур. Главное отличие основных идей исследователей состоит в том, что Парк, рассматривая маргинальную личность как человека, находящегося на пересечении двух культур, считал принятие, обретение им новой культуры невозможным; Стоунквист полагал, что в процессе адаптации рождается новая личность. Процесс трансформации социального, психического и эмоционального аспектов личности, по его мнению, может занимать около 20 лет. Ввиду того, что в обоих исследованиях главное внимание уделяется личности, внутри которой происходит синтез двух разных культур, первое течение получило название «культурной маргинальности».

Во II пол. XX в. вместе с обретающими все большую популярность исследованиями о культурных маргиналах возникло другое направление исследования – «социальная маргинальность». В данном случае речь идет об изучении личностей внутри одной культуры, о людях разного возраста, относящихся к различным социальным слоям, в той или иной форме «владеющих» культурными традициями, которые для всех одинаковы. Эти личности родились и выросли в данной культуре, «впитали» ее в себя в процессе воспитания и обучения. Однако внутри одной культуры существуют маргинальные слои. Внимание ученых обратилось к людям, в силу разных причин оказавшимся «на дне», «на краю» общества (бомжи, безработные, страдающие алкоголем и др.). У одних личностей пребывание в данной среде временное, у других же постепенно перерастает в постоянное. Потеря прежнего статуса была обусловлена множеством причин, но фактор маргинальности в обществе появляется с ростом политической и экономической нестабильности. Маргиналы являются «проблемным» слоем общества, это такие люди, которых «не должно быть».

Исследования феномена маргинальности обострились в СССР в конце 1980-х гг. Состояние общества в период перестройки ученые сравнивали с 1917 годом (см., к примеру, 4; с. 1989). В течение нескольких месяцев люди были вы-

нуждены на корню изменить свои общественно-политические взгляды, прежний жизненный опыт оказался ненужным, многие вмиг потеряли уверенность в себе и в будущем на фоне безработицы, массовых беспорядков и нахлынувшей волны западной культуры (с ее позитивной и негативной сторонами). Человек ощутил себя психологически беспомощным перед потоком разноречивой информации. Те же испытания (и тоже в течение короткого времени) прошла Венгрия: ряд кардинальных преобразований изменил прежнюю систему ценностей.

На основе научной литературы, обзора художественных произведений (конкретные примеры из венгерского и удмуртского романов см. ниже), а также из личного опыта как человека, родившегося в деревне, но проживающего в городе, причем в инациональной среде, считаем важным выделить два вида маргинальной личности:

1. «Микрокультурный» маргинал, находящийся на границе урбанистической и деревенской микрокультур. Как правило, это личность, родившаяся в провинциальной среде, но переселившаяся в город. Подобным людям намного сложнее освоиться в более высоких социальных слоях и перейти из периферийных районов города в центр, для этого им предстоит приложить намного больше усилий, чем коренному горожанину. Ввиду почти бесполезной борьбы за «самовыживание» в рамках города, микрокультурные маргиналы через некоторое время стремятся к возвращению в родную среду.

2. «Этнокультурный» маргинал. В данном случае речь идет об удмуртских личностях, также находящихся на границе урбанистической и деревенской микрокультур. После переселения в город они теряют не только традиционную среду проживания, но и условия сохранения и развития своей культурной принадлежности. Удмуртская этническая среда сменяется на город с русским большинством населения. Для приспособления к городским условиям такому человеку предстоит пройти более жесткие испытания. Этнокультурные маргиналы намного болезненней переносят стадии приспособления к новой среде, для них более характерно постоянное стремление к своим корням и к традиционному укладу жизни.

На основании существующих исследований феномена маргинальности, а также анализа художественных текстов мы выделили критерии для распознавания микрокультурных и этнокультурных маргиналов в современной удмуртской и венгерской прозе. Для маргинальных героев характерны:

1) серьезные сомнения в своей личностной ценности, ощущение неспособности, неудачливости (отсюда – мысли о суициде);

2) неопределенность и нестабильность связей с друзьями в новой среде, а также постоянная боязнь быть отвергнутым из сложившихся близких социальных отношений;

3) излишнее беспокойство о будущем, неуверенность, избегание риска из-за боязни провала или унижения;

4) болезненная застенчивость в присутствии других людей и избегание больших компаний;

5) одиночество и чрезмерная мечтательность;

6) постоянное беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение, неуверенность в стабильном будущем;

7) разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, ощущение бессмысленности существования;

8) постоянные сомнения в пространственном и духовном комфорте в условиях города и стремление к восстановлению душевной гармонии в деревенской среде;

9) тяготение к традиционному этническому окружению, к своим корням, прежним связям (которые после переезда в город, как правило, теряются).

2. Материал для исследования главных героев современного удмуртского и венгерского романов

Для сравнительного изучения удмуртской и венгерской прозы были выбраны романы Йожефа Балажа (1944–1997) *A torcellói Krisztus* («Торчеллинский Христос») и Вячеслава Ар-Серги (Сергеев В. В., 1962 г. р.) *Уй вадьсын – бубылиос* («Над ночью – бабочки»). В отличие от своих ранних произведений, где Йожеф Балаж рассказывает о бедноте венгерской провинции, о ее «маленьких людях» и об их отношениях с большой историей, в рассматриваемом нами произведении он остановился на изображении первого поколения деревенской интеллигенции. Многие венгерские критики отмечали продолжение Йожефом Балажем прозаических традиций Жигмонда Морица (1879–1942) – венгерского реалиста начала прошлого века. Роман «Торчеллинский Христос» был написан к 1982 г. и оставлен автором для доработки, однако из-за последовавшей продолжительной болезни писатель к нему больше не возвращался. Книга была издана в 2005 г. посмертно, спустя 23 года после ее написания.

Вячеслав Ар-Серги опубликовал свой роман в 2000 г., и спустя 5 лет в Венгрии вышел его перевод. Книгу на венгерский язык под названием „Lepkelelkek” (букв. «души бабочек») перевел Иштван Козмач, известный лингвист, автор многих работ, посвященных удмуртскому языку. Роман «Над ночью – бабочки» тоже повествует о герое из поколения переехавших в город сельских интеллигентов. Текст строится на бинарной оппозиции старого и нового, причем под старым подразумевается древняя мифология удмуртов. В романе перемежаются народные легенды и обычаи с описанием современного мира, резко отличающегося от традиционного удмуртского быта прошлых веков.

2.1. Хронотоп произведений

Роман «Торчеллинский Христос» повествует о жизни страны в середине 1970-х гг. и сюжетно охватывает примерно два месяца, однако включает в себя также эпизоды и картины о событиях после 1945 года. Йожеф Балаж не уделяет большого внимания исторической правде данного отрезка времени, главный акцент ставится на раскрытии внутреннего мира героев, а также на их отношениях между собой.

Местом действия в основном являются город (название его не известно, но, скорее всего, это Будапешт), родная деревня главного героя, но также Италия (Торчелло, Венеция, Фисоль, Сан-Джиминьяно). Писатель сообщает, что от города до родительского дома героя – несколько часов езды на машине, недалеко от

деревни течет река Красна. Родная деревня писателя Витка также расположена около этой реки, поэтому можно предположить, что прототипами героев в романе являются его земляки. Третий мир – сакральное пространство Иисуса Христа. Действие происходит в древнем Капернауме (Галилея), на острове Торчелло (Италия), а также в поле с пшеницей, около деревни. Бог, вероисповедание и духовная чистота героев являются важными элементами романа. Само название произведения говорит о близости его содержания к Библии.

Сюжетное время в удмуртском романе длится примерно несколько дней, однако в них вместились много событий – и книга полна захватывающих и детективных сцен. Основные события связаны с трудным периодом 1990-х гг. Но через воспоминания героя, а также благодаря древней легенде читатель погружается в прошлое на годы и столетия.

Догадаться об изображении Ижевска в романе «Над ночью – бабочки» читателю не стоит большого труда. Ар-Серги включает в текст названия некоторых баров (например, «На посошок»), звучат и названия знакомых улиц, короткие описания города тоже дают знать, что речь идет о промышленном центре с заводами и плохой экологией.

Некогда известная своим базаром, сторожевой башней и кладбищем деревня Измугурт теперь едва насчитывает пятнадцать домов. Сельский быт раскрывается в описаниях отчего дома главного героя, Аруда, в его воспоминаниях о деде, а также в диалогах со стариком Миквором. Жители деревни бережно следовали древним традициям, во главе с *вöсьсем* – главным хранителем языческих обычаев, дедом Аруда, ходили на святилища. «Нош али ваньмыз бездйз, гужаз ини» (Сейчас же все поблекло, померкло), – пишет Ар-Серги. Таким образом, автор здесь не только говорит об исчезновении древних удмуртских традиций и обычаев, но и ставит острую проблему вымирания деревень. Современному человеку трудно убедить в том, что эти проблемы вызваны гневом богов, современный читатель ищет доказательства, основанные на научных достижениях. Однако автор искусно вплетает в структуру романа древнюю легенду о богатыре Дунае и о его «тöро боды» – посохе, который является символом бытия удмуртского народа, защищающего его от невзгод. Аруд же является «Избранным человеком» (Пусь-ем адыми), кому дозволено увидеть сей посох. Все это повышает достоверность влияния удмуртского прошлого, отголосков языческой веры на повседневность современного человека.

2.2. Главные герои произведений

Главный герой романа «Торчеллинский Христос» – Криштоф Фабиан, первый из поколения семьи Фабиан, кто получает образование и переселяется в город. Герою примерно тридцать лет, он единственный ребенок своих родителей и своей семьи еще не имеет. Автор всячески подчеркивает «малость» героя: он живет в маленькой квартире-гарзонежке, его работа связана с изучением растений в исследовательском центре (сразу перед глазами предстают маленький стол и микроскоп), он не уверен ни в своем настоящем, ни в будущем, почти не имеет друзей и т. д. Криштоф живет в постоянных сомнениях: он не уверен, нравится ли ему работа, не знает, какие чувства испытывает, наверное, к самому близкому

человеку – Бетти, и все время задается вопросом, где ему следовало бы жить: в городе или в деревне, одному или рядом с родителями.

Криштоф Фабиан трижды отправляется в деревню: в первый раз, чтобы сообщить о своей поездке в Италию, во второй раз – после внезапного отъезда навестившего его в городе отца, и в третий – на похороны отца. С каждой поездкой к родным местам и с каждым возвращением в город он начинает задумываться о переезде в деревню: „Itt kell maradnia, segíteni, figyelni, itt kellene maradnia az idők végezetéig az apjával, itt aludni a szomszéd szobában a szülei mellett, hetekig, évekig. Meg kellene próbálni. Ha szükség van rá, ha nincs, ezt kellene tenni” («Ему нужно остаться здесь, помогать, наблюдать, нужно бы остаться здесь с отцом навеки, спать здесь в соседней комнате рядом с родителями, в течение нескольких недель, нескольких лет. Нужно бы попробовать. Нуждаются в нем или нет, нужно это сделать») [6, С. 132]. Однако, по приезде домой Криштофу не терпится побыстрее оказаться в городе. Это душевное и физическое колебание знакомо многим удмуртам, переселившимся в город. Маргинальная ситуация становится временным постоянством.

С одной стороны, Криштоф получает свободу: его не вынуждают к тяжелому деревенскому труду, в городе он предоставлен самому себе; с другой стороны, молодой человек не знает, что делать со своей свободой. Может быть, проблема заключается в отсутствии постоянного контроля и указаний, которые всю жизнь сопровождали деревенских крестьян? А может, Йозеф Балаж изобразил кризис личности на перепутье двух веков (вне зависимости от его происхождения)? А.И. Извеков в своей книге «Проблема личности постмодерна», анализируя философию свободы личности, говорит: «Человек, вместо того, чтобы стать властелином мира, все больше убеждался в «обезбоженности» последнего, а самого себя обнаруживал существом без ясного смысла, четкой цели, указывающих на будущее» [5, С. 24]. Мы имеем множество примеров из реальной жизни и из художественных произведений, которые показывают пагубное влияние свободы на человека. Свобода Криштофа Фабиана пока не имеет отрицательного действия, однако она не подставляет героя каких-либо преград, преодоление которых способствует его духовному укреплению. По всем характеристикам главного героя – бывшего деревенского жителя, но еще не состоявшегося горожанина – можно назвать его маргиналом, однако попытаемся выяснить, соответствуют ли описания Криштофа Фабиана вышеприведенным критериям. Ввиду того, что характеристика является пробной, мы не придерживались цели точного соответствия всех ее составляющих.

1. *Одиночество и серьезные сомнения в своей личностной ценности, ощущение неприспособленности, неудачливости.* „Ma szeretett volna egyedül maradni. Amíg a faluból visszaért a városba, elképzelte, hogy egész este egyedül lesz, elegendő ideje marad majd arra, hogy gondolkozzék. Ismerte magát, már hazaindulása előtt tudta, amit most is: talán a megmagyarázhatatlan lustasága, talán a megnevezhetetlen erőktől származó tétovásága lehet az oka, úgy érezte, nem változik semmi az életében” («Сегодня он хотел бы остаться один. Пока ехал из деревни в город, представлял, что весь вечер будет один и у него будет достаточно времени, чтобы думать. Он хорошо знал себя и уже перед тем как поехать домой знал

то, что и сейчас: то ли необъяснимая лень, то ли рождающаяся от каких-то сил, которым нет названия, неуверенность может быть причиной того, что ничего в его жизни не меняется»). Единственный близкий человек в городе для Криштофа – его подруга Бетти: „Fábián útközben, a kocsiban azon gondolkodott, hogy kihez fordulhatna, kit ismer annyira, hogy pénzt kérjen tőle... senki sem jutott eszébe. Nem tehetett mást, Bettihez kellett jönnie...” («Фабиан по дороге в машине думал, к кому бы ему обратиться, кого он знает настолько близко, чтобы попросить у него денег... никто не приходил в голову. Ничего не поделать, ему нужно было пойти к Бетти...») [6, С. 93].

Неопределенность и нестабильность связей с друзьями в новой среде, а также постоянная боязнь быть отвергнутым из сложившихся близких социальных отношений. Как мы уже писали, у Криштофа Фабиана практически нет друзей, он замкнут и неразговорчив, не совсем понятны его отношения с Бетти: „Betti találkozásuk első percétől érezte, hogy Fábiánnak kizárólag segítségére van szüksége. Azt pontosan nem tudta, hogy milyen természetű segítségére...” («Уже на первых минутах их встречи Бетти почувствовала, что Фабиан нуждается исключительно только в помощи. Она не знала точно, в какой помощи именно...») [6, С. 48]. У читателя часто складывается впечатление, что Криштоф не имеет своего мнения, им руководит случай, иногда же он настолько пассивен, что полностью отдается „трезвому уму” Бетти: „Bár mindig arra törekedett, hogy jól megértse Fábián furcsa viselkedésének az okát, szűkszavúságát, hallgatásait, amikor látta, hogy képtelen rá, akkor belekarolt, megszorította a kezét, megsimogatta a hátát, ránézett, a férfi elé állt, hogy jelezze, „Itt vagyok, nem történhet semmi, és még jobban vigyáznék rád, ha tudnám, mi a veszedelem oka.” Nem érezte, mi lehet az a titokzatos hatalom, amely arra kényszeríti, hogy a városban kóboroljon vagy órákig bámuljon az ablakban, aztán kiüljön a lépcsőházba, s bár nem igazi dohányos, egyik cigarettát szívja a másik után» («Хотя она [Бетти. – Прим. наше] все время старалась как можно лучше изучить причину странного поведения, немногословности, молчаливости Фабиана, но когда видела, что неспособна на это, брала его за руку, сжимала его кисть, гладила по спине, смотрела на него, вставала перед ним, чтобы показать, «Я – здесь, ничего не случилось, и я еще сильнее оберегала бы тебя, если бы знала, в чем причина опасности». Она не чувствовала, чем может быть та секретная власть, которая вынуждает его бродить по городу или часами смотреть в окно, потом же он выходит на лестничную площадку и, хотя не слывет заядлым курильщиком, одну за другой выкуривает сигареты») [6, С. 50–51]. И предыдущий, и данный примеры показывают, что Криштоф во многом зависим от женщины.

Излишнее беспокойство о будущем, избегание рискованных, заранее не продуманных ситуаций из-за боязни провала и унижения. Криштоф Фабиан в течение всего романа думает о возвращении в деревню, но его все время что-либо останавливает, он полон нерешительности и сомнений в принятии правильного решения: „Az apja és az anyja már ott halnak meg, ahol születtek, a faluban, ő maga pedig itt éli az életét, egyelőre legalábbis, ebben a kis szűk utcában, szemben a benzinkúttal, többnyire legyőzhetetlen távolságok s az évek alattomos idegenségében; abban az erősödő felismerésben, hogy jó lenne minél hamarabb kereket oldani innen» («Отец с матерью помрут там, где родились, в деревне, а он проводит свою жизнь здесь, по

крайней мере, пока, на этой узкой улице, напротив бензозаправки, как правило, в подлой чуждости непобедимых расстояний и лет, в том укрепляющемся сознании, что поскорей бы удрать отсюда») [6, С. 55].

Постоянные сомнения в пространственном и духовном комфорте в условиях города и стремление к восстановлению душевной гармонии в деревенской среде. „...ebben a pillanatban már legszívesebben itthon lenne, de ha visszamegy a munkahelyére, ha ott marad nála a szobájában Betti, ha befejezi a kísérleteit a munkahelyén és újat kezdhet, akkor már a városból nem tud kimozdulni” («...в эту минуту он бы с удовольствием был дома, но если он поедет на работу, если в его в комнате останется Бетти, если закончит свои опыты на работе и начнет новые, тогда уже не сможет выбраться из города») [6, С. 45].

Главный герой романа «Над ночью – бабочки» – Аруд (настоящее имя – Аркадий) – удмурт, родившийся в деревне, но в данное время проживающий в городе. Свое необычное прозвище он получил от деда. Слово составлено из двух корней: Ар и Уд, первый из которых – тюркское название удмуртов, второй – начальные буквы слова «удмурт». Может быть, не случайно, прозвище Аруд созвучно с именем индоиранского мифологического брахмана Гаруда [3, С. 3–9].

Обширных описаний главного героя мы не найдем, всю осколочную информацию о нем читатель собирает, как мозаику, в ходе чтения. Так, мы узнаем, что Аруд с восемнадцати лет живет в городе, что у него есть семья, дети и что он работает инженером в одной фирме. Родители Аруда погибли в автокатастрофе, и воспитывал его дед. Несомненно, человек, каков он есть, во многом зависит от того, кто и как его воспитал. В то же время для ребенка огромное значение имеет общение с более старшим поколением – носителем и хранителем культуры. Народная педагогика оказывает благотворное влияние на только-только открывающего мир ребенка. Дед Аруда в свое время был *вöсьсем* – главным исполнителем языческих обрядов. И именно от него Аруд получает статус «Избранного человека» (Пусьем адыми). Такой человек с момента своего рождения несет определенную миссию, и Аруд также должен выполнить указания своего деда. В удмуртской литературе образ мудрого старика-наставника берет свое начало в повести П. Блинова «Улэм потэ» (Жить хочется). Литература соцреализма не нуждалась в таких наставниках, но в современных произведениях этот образ возвращается, чтобы помочь заблудившемуся в дебрях жизни молодому герою. Чтобы набраться сил, отдохнуть от городской суеты, а также в поисках ответов на внезапно нахлынувшие вопросы, Аруд ездит в свою родную деревню, к отчому дому: «Со одйг уйлы дораз бертылйз. Песятаеныз соос акшаньёсы азбарысь зёк кор вылын чусак пукылйзы. Їындылйзы. Песятаез одйг-кык кыл вералляз, мыр-мыр Аруд шоры учкылйз но султыса кошкылйз. Мур лулзыса. Нош їуказеяз егит воргорон городэ кошкылйз. Секыт макмыр бёрсы гуч-гуч кезыт кубиста росол юэм кадь мылкыдын. Кезыт төлэн ваче гадь вуыса, со ассэ, оло, азылане ыбиськись койык кожалляз. Урдэм сюрёсыз бордысь тарс! пальккиськылйзы тйяськись улвайёс...» («Он возвращался на одну ночь в свою деревню. В вечерней мгле Аруд и его дед сидели во дворе на толстом бревне и молчали. Покуривали. Дед промолвит, было, одно-два слова, потом пристально посмотрит на Аруда, встанет да уйдет.

Глубоко вздохнет. С утра молодой человек снова уезжал в город. Словно изрядно выпивши холодного капустного рассола после тяжелого похмелья. Двигаясь наперекор холодному ветру, он представлял себя бегущим вперед лосем. От высоко расставленных рогов падали сломанные ветви...» [1, С. 142]. Повествование от третьего лица временами прерывается, давая слово Аруду, который в лице героя-рассказчика продолжает сюжет. Данный прием неслучаен. Рассказ от первого лица носит исповедальный характер, и герой сокращает дистанцию между собой и читателем.

По вышеприведенной характеристике Аруда тоже можно отнести к типу маргинальных личностей, живущих между микрокультурой города и деревни. Теперь попытаемся показать на примерах соответствие его критериям определения микрокультурного маргинала.

1. *Серьезные сомнения в своей личностной ценности, ощущение непригодности, неудачливости (отсюда – мысли о суициде).* Аруд нередко сомневается в своей личностной ценности и в своих способностях. Так, на стр. 139 читаем: «Кинлы мон кулэ?.. Коть али ик чоньды», – малпаз со («Кому я нужен?.. Хотя тут же подохни», – подумал он) [1, С. 139]. Нередко герою приходят мысли самоубийства: «Кычэсэ гинэ пыронэ кылиз на», – ас кожаз вераськыса, комнатаетй ветлйз Аруд («Осталось только в петлю войти, – разговаривая сам с собой, Аруд ходил по комнате») [там же: 159], «Оло, «всё!» шуоно ини но шур пыдсы лэзиськоно?..» («Может, сказать «все!» и погрузиться на дно реки?») [там же]. «Мар та лек дуннелы кулэ луиз огшоры адымиослэсь? Уксёе но ёвёл, узыр но уд шуы. Огшоры соцкуанер маке», – алегмем малпан солы витътон иськемъем сюрес вылын маза ёз сётылы» («Что же понадобилось этому жестокому миру от простого человека? И денег у меня нет, и богатым не назовешь. Простой соцбедняк, – эта назойливая мысль не давала ему покоя на пятидесяти километровой дороге») [там же: 140].

Болезненная застенчивость в присутствии других людей и избегание больших компаний. Избегание шумной компании друзей и предпочтение быть наедине с самим собой не всегда понималось друзьями Аруда. «Нош эшъёсыз ёз ни ёртылэ, пельпумаз гинэ чабкылйзы но сю грамм лэзыны ётылйзы. Аруд ёз мынылы» («Друзья уже не теребили его, лишь хлопали по плечу и звали на сто грамм. Аруд и тогда не шел») [1, С. 142]. Замкнутость – одна из характерных черт маргинальной личности.

Одиночество и чрезмерная мечтательность. Человек, неудовлетворенный реальной жизнью, находит близкий своему сердцу мир в мечтах и снах. Аруд в своих снах всегда возвращается в деревню, к природе. «Берло аръёссэ Аруд уката ас дуннеязгес палэнскыны вырыса улйз. «Ворсам сарба», – шуылйз куд-дыръя сое кышноез... [...] Нош вётъёсез пумтэм шаугетйсь вож нюлэсьёсты, жильыртйсь вуосты адзылйз. Синвуосын нюректыса сайкаллыз но, пеймытын дол кыллем бераз, мукет кётурдэс палаз берытскылйз. Йыгетйсь но гуж-лась городысь лулыз нош ик бурдыаськыса палэнысь дуннеосы кошкылйз» («В последние годы Аруд все больше старался уходить в себя. «Закрытый туюсок», – говорила иногда его жена. [...] Во сне же он видел бесконечно шумящие зеленые леса, журчащие ручьи. Проснувшись со слезами на глазах и полежав

немного в темноте на одном и том же месте, он поворачивался на другой бок. Из жужжащего и стучащего города его душа снова взлетала и уходила в далекие миры») [1, С. 142]. В своих мечтах и снах Аруд часто преобразается в лося. В духовном плане герой также находится в маргинальной позиции – одновременно он обращается к Богу и Кылчину.

4. *Разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, бессмысленность существования.* К реальной жизни Аруд нередко относится скептически. «Одйг кылын вераса, гыжжал дунне та, – со сяна кыл 6з шедьты ни» («Одним словом, этот мир – сплошная гадость, – других слов он не находил») [1, С. 159].

Главные отличия Аруда и Криштофа заключаются в подчеркнутой этничности Аруда. Все его действия совершаются сквозь призму этнической принадлежности. Человеку, живущему в чужой среде, как никогда важно чувствовать свою принадлежность к какой-либо народности, обществу, в которых он окунается в свой родной мир, и для него это моральная поддержка от одиночества и невнимательности внешнего мира к судьбе одного-единственного человека. Аруд – «избранная» личность. Он несет знания и особую духовную энергию, унаследованную от деда, главного старца в традиционных языческих молениях. Криштоф тоже в какой-то степени «не из мира сего», он обладает загадочными свойствами: например, еще будучи мальчиком герой почувствовал возвращение отца из плена. Вместе с Касони, бывшим помещиком, а ныне – сводящим концы с концами стариком, он видит образ Христа. В конце романа Криштоф видит перед собой идилическую картину младенчества своего отца. Аруд, в отличие от венгерского героя, имеет свою семью, однако у Криштофа есть родители, дающие надежную основу для самостоятельной жизни. Маргинальные герои венгерского и удмуртского романов стоят на пути самопознания и нахождения своего жизненного уголка, соответствующего их нравственным устоям. Каждый человек с момента своего рождения делает шаг вперед к новым требованиям окружающего его мира. Аруд и Криштоф своими поступками и улучшением своих жизненных условий во многом опередили свое старшее поколение, однако они слишком пассивны, нерешительны и лишены всесторонней социальной поддержки, чтобы это «повышение» стало победным. Авторы не сообщают о дальнейшей судьбе героев, но, скорее всего, состояние «промежуточности» будет сопровождать их в течение всей жизни.

Это лишь один из опытов анализа удмуртских и венгерских прозаических произведений с акцентированием внимания на маргинальном характере героев. Бытие маргинальных личностей на границе деревенской и городской культур без отказа ни от первой, ни от второй, с одной стороны, несомненно, усложняет жизнь; но, с другой стороны, подобные личности нередко хранят в себе большой душевный потенциал, который рано или поздно раскрывается в форме какой-либо творческой способности, таланта. Испытания, которые приходится преодолеть героям, чтобы обосноваться в городе, несомненно, закаляют их, и эту адаптацию можно назвать школой выживания. Выживают только сильные духом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ар-Серги, В.* Ин вадьсын – бубылиос // Ар-Серги В. И плакало небо... Лемлет гондырьёс: Роман, пьесаос, верос. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 123–247-тй б.
2. *Баньковская, С. П.* Роберт Парк // Современная американская социология / Под ред. В. И. Добренькова. – М., 1994. – С. 3–19.
3. Вашкала удмурт мифология но Ригведа // Инвожо. – 1994. – 6-тй номер. – 3–9-тй б.
4. *Левада, Ю.* Динамика социального перелома: возможности анализа // Коммунист. – 1989. – № 2. – С. 34.
5. Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 245 с.
6. *Balázs József.* A torcellói Krisztus. Bp.: Széphalom Könyvműhely, 2005. – 196 old.

Поступила в редакцию 28.09.2010

E.V. Rodionova

Study of modern Udmurt and Hungarian prose in the context of marginality phenomenon

In the article the new opportunities on the basis of theory of cultural and social marginality are studied. When analyzing Udmurt and Hungarian prose it is possible to mark out the category of marginal people who live between city and village environment. The author of the article differentiates such types of characters as “micro-cultural marginal people” (in Hungarian literature) and “ethno-cultural marginal people” (in Udmurt literature).

Key words: modern Udmurt and Hungarian prose, marginality, types of marginal character.

Родионова Елена Валерьевна,
аспирант, Университет им. Лоранда Этвеша
г. Будапешт, Венгрия
E-mail: olga.ignatieva@yahoo.com

Е.А. Ботникова

**СОМАТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ
СТАТУС УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ШКОЛ И ГИМНАЗИЙ ГОРОДА И СЕЛА**

На основе исследования 615 городских и 654 сельских школьников проведена сравнительная оценка соматического и психоэмоционального состояния. Выявлено, что учащиеся городских школ и гимназий имели худшие показатели здоровья по сравнению с учащимися сельских учебных заведений такого же типа.

Ключевые слова: состояние здоровья, заболеваемость, комплексное исследование, соматический и психоэмоциональный статус.

В настоящее время внедрение инновационных технологий обучения происходит не только в городских, но и сельских школах. Компьютеризация и обучение по различным авторским программам требуют соблюдения гигиенических норм и правил ради сохранения здоровья учащихся (А.А. Баранов, 2002; В.Р. Кучма, 2003). Особенно влияют на формирующийся организм социальные, в том числе школьные факторы, воздействию которых дети подвергаются в течение продолжительного времени. Они представляют собой комплекс психических, психологических, эмоциональных и физических нагрузок. При неправильной организации обучения, несбалансированном режиме труда и отдыха, они наносят ущерб здоровью школьника, приводят к развитию функциональных и органических поражений, увеличивающихся со школьным стажем (М.В. Антропова и др. 1991; Е.П. Усанова, 1997; Л.А. Жданова и соавт., 1999; А.Г. Ильин с соавт., 2000). По мнению ряда авторов (Н.И. Латышевская с соавт. 1999; А.В. Леонов с соавт., 1999; Н.Н. Куинджи с соавт., 2001), простое соблюдение гигиенических требований к условиям и организации учебного процесса как в городе, так и на селе еще не является залогом сохранения и укрепления здоровья детей, испытывающих значительные физические и психологические нагрузки. Тем более, что строгое выполнение этих требований в силу экономических причин затруднено, а обучение – процесс непрерывный. Требуется выделение особой категории детей, составляющих группу риска. Выделение

таких детей, как и самих значимых факторов риска в дальнейшем требует выработки конкретных рекомендаций для лечения и оздоровления, выполняемых на индивидуальном и коллективном уровнях.

Состояние здоровья имеет еще одну сторону – это приспособление к постоянно меняющимся условиям жизни, или адаптацию (И.М. Воронцов, 1999); это есть результат взаимодействия организма с окружающей средой (Р.М. Баевский, 1989, 1997). В.Т. Казначеев (1980) определяет здоровье не как состояние, а как процесс сохранения и развития физиологических, биологических и психических функций, которые регулируются, по Э.М. Казину и соавт. (2001), «функциональными системами», включающими в себя нервные центры и исполнительные органы. Применение инструментальных методов исследования функциональных систем (ФС) в массовых исследованиях школьников затруднено, поэтому для экспресс-диагностики нервной и вегетативной регуляции предлагаются неинвазивные подходы, в том числе и психодиагностика. Следует отметить, что оценка ФС организма также затруднена из-за отсутствия приборов, сложности процесса исследования и интерпретации полученных данных. Самооценочные психологические тесты, не уступая по своей информативности объективным методам исследования (А. Анастаси, 1982), легко выполнимы и анализируемы, поэтому должны иметь предпочтение. Кроме того, психологические методы тестирования позволяют выявить тех детей, у которых изменения в процессе функционирования организма еще не обнаруживаются при объективном исследовании. Психологические тесты «срабатывают» на той стадии, когда у ребенка только возникает чувство «дискомфорта», нестабильности.

Выбор и отвержение цветов в тесте Люшера свидетельствуют о психофизиологическом состоянии испытуемого (Ю.И. Филимоненко, 1993; Г.Ф. Гатаутдинова, Л.Ф. Гатаутдинова, 2002), являются возможностью диагностировать нервно-психическое благополучие, прогнозировать успешность поведения в стрессовой обстановке.

Экспресс-метод оценки теста Люшера у школьника включает в себя ответы на вопросы:

- 1) наличие или отсутствие на момент исследования признаков стресса по порядку расположения основных и дополнительных цветов;
- 2) о прогнозе готовности ребенка к длительной и успешной (продуктивной) деятельности по предпочтительности трех основных цветов (красного, желтого и зеленого);
- 3) о соответствии или несоответствии цветового ряда испытуемого «аутогенной норме», свидетельствующей о нервно-психическом благополучии или психоэмоциональном дискомфорте.

Целью нашего исследования явилось сравнение некоторых показателей, характеризующих состояние соматического здоровья и психоэмоционального статуса детей города и села, обучающихся по традиционной и инновационной программам.

Были проанализированы результаты медицинских осмотров, проведенных в городских школах, лицее и гимназии г. Ижевска, гимназии с. Якшур-Бодья и с. Малая Пурга и общеобразовательных школ пос. Игра, Мало-Пургинского

(д. Гожня) и Алнашского (д. Писеево) районов. В качестве групп сравнения были взяты дети городских общеобразовательных школ и гимназий. Всего нами были обследовано 615 детей города и 654 учащихся сельской местности (Табл. 1).

Таблица 1

**Характеристика обследованных городских и сельских школьников
по полу и типу образовательного учреждения**

Пол		Гимназия		Общеобразовательная школа		Итого	
		абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%
Село	Д	173	54,6	189	56,1	362	55,4
	М	144	45,4	148	43,9	292	44,6
Всего		317	100	337	100	654	100
Город	М	154	47,9	142	48,3	296	48,1
	Д	167	52,1	152	51,7	319	51,8
Всего		321	100	294	100	615	100

Результаты свидетельствовали о наличии достоверной разницы некоторых показателей соматического состояния школьников города и села (Табл. 2).

Таблица 2

**Показатели заболеваемости гимназистов города и села
(на 100 обследованных)**

Группы заболеваний	Признак	Показатель
Болезни костно-мышечной системы	Город	72,2
	Село	60,7
Болезни органов пищеварения	Город	52,4
	Село	30,4

Примечание: Р – достоверность разницы показателей между учащимися города и села.

Наиболее распространенной среди школьников была патология костно-мышечной системы, чаще всего нарушение осанки, и органов пищеварения за счет дискинезии желчевыводящих путей и хронического гастрита. По обоим группам заболеваний у школьников города показатели выше по сравнению с учащимися села, $p < 0,001$.

По интегральному показателю комплексной оценки состояния здоровья – группам здоровья – были обнаружены следующие данные (Табл. 3).

Выявлены существенно худшие показатели городских учащихся по сравнению с сельскими школьниками: детей с хроническими заболеваниями было значительно больше в городе, чем на селе, как в целом, $p < 0,001$, так и между мальчиками, $p < 0,001$, и между девочками, $p < 0,001$. Соответственно, функциональные отклонения чаще обнаруживались у детей сельской местности по сравнению с городскими, $p < 0,001$.

Таблица 3

**Распределение детей по группам здоровья города и села
(на 100 осмотренных)**

Группы здоровья	Село, n=654			Городу, n=615		
	М	Д	Все	М	Д	Все
I	9,3	4,2	6,9	0,9	1,9	0,5
II	78,1	80,6	79,2	36,9	31,1	34,1
III	12,7	13,2	12,9	63,1	67,0	59,5
IV	0	2,1	0,9	2,7	1,9	2,3

Примечание: $P < 0,001$.

P – достоверность разницы показателей между учащимися города и села.

Отклонения в психоэмоциональном статусе отображены в таблице 4.

Таблица 4

**Показатели нарушений психоэмоционального статуса
по тесту Люшера (на 100 обследованных)**

Показатель	Признак	Гимназия	Общеобразо- вательная школа
Наличие признаков стресса	Город	54,6±2,8	51,8 ±2,9
	Село	87,4±1,9	62,4±2,4
P		< 0,001	> 0,05
Отсутствие готовности к длительной продуктивной деятельности	Город	53,8± 2,8	50,6 ±2,9
	Село	96,8±1,0	89,3±1,7
P		< 0,001	< 0,001
Отклонение от аутогенной нормы	Город	51,8± 2,8	54,9±2,9
	Село	90,6±1,6	63,4±2,6
P		< 0,001	> 0,05

Примечание: P – достоверность разницы показателей между учащимися городских и сельских гимназий и общеобразовательных школ.

Наличие признаков стресса, отсутствие готовности к продуктивной деятельности и психологический дискомфорт в виде отклонения от «аутогенной нормы» выявлены более чем у половины городских гимназистов; при этом показатели гимназистов, обучающихся в сельской местности, оказались худшими по сравнению с городскими, $p < 0,001$. Подобные соотношения выявлены и при сравнении учащихся общеобразовательных школ. Признаки стресса были обнаружены у $62,4 \pm 2,4\%$ сельских детей с обычной формой обучения и, несколько реже, в $51,8 \pm 2,9\%$ – у городских учеников общеобразовательных школ, $p > 0,05$. Отсутствие готовности к деятельности существенно чаще сопровождало также учащихся села, чем городским школьникам, обучающимся по

общеобразовательной программе, $89,3 \pm 1,7$ % против $50,6 \pm 2,9$ %, $p < 0,001$, соответственно. В отношении отклонений от аутогенной нормы выявлены такие же тенденции, но без существенной разницы, $p > 0,05$.

Таким образом, причину неблагополучной тенденции в психоэмоциональном статусе детей и прогнозе успешности можно связать с отрицательными воздействиями школьной и внешкольной среды, снижением способности адаптации детей к возрастающим социальным и психологическим нагрузкам. Соматическое и психоэмоциональное состояние учащихся требует коррекционных мероприятий, причем особенно у детей инновационных школ сельской местности. Необходима интеграция усилий всех участников образовательного процесса педагогов, психологов и медицинских работников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Антропова, М.В.* Изменения психофизиологических и вегетативных показателей у старшеклассников в процессе дифференцированного обучения / Антропова М.В., Кузнецова Л.М., Бородкина Г.В. // Физиология человека. – 1991. – Т. 17. – № 5. – С. 12–17.

2. *Усанова, Е.П.* Состояние здоровья школьников, новые формы организации медицинской помощи, профилактической и оздоровительной работы в школе.: Автореф. дисс. ... докт. мед. наук / Усанова Е.П. – Н. Новгород, 1997. – 43 с.

3. *Жданова, Л.А.* Динамика состояния здоровья первоклассников, обучающихся по экспериментальным программам / Жданова Л.А., Беляшина Н.О., Сорокина А.В. // Гигиена детей и подростков на пороге третьего тысячелетия. Основные направления развития: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – М., 1999. – С. 151.

4. *Ильин, А.Г.* Функциональные возможности организма и их значение в оценке состояния здоровья подростков / Ильин А.Г., Агапова А.Л. // Гигиена и санитария. – 2000. – № 5. – С. 43–46.

5. *Латышевская, Н.И.* Организация учебного процесса в общеобразовательных учреждениях нового типа – фактор риска для здоровья учащихся / Латышевская Н.И., Давыденко Л.А., Королева А.А. // Гигиена детей и подростков на пороге третьего тысячелетия. Основные направления развития: Материалы Всеросс. научн.-практ. конф. с междунар. участием. – М., 1999. – С. 140.

6. Динамика состояния здоровья школьников начальных классов в условиях современных образовательных учреждений / Леонов А.В., Богомолова Е.С., Казакова В.Н. и др. // Гигиена детей и подростков на пороге третьего тысячелетия. Основные направления развития: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – М., 1999. – С. 152.

7. *Куинджи, Н.Н.* Валеология: Пути формирования здоровья школьников / Куинджи Н.Н. // Методическое пособие. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 139 с.

8. *Воронцов, И.М.* Здоровье и нездоровье ребенка как основа профессионального мировоззрения и повседневной практики детского врача / Воронцов И.М. // Российский педиатрический журнал. – 1999. – № 2. – С. 6–13.

9. *Баевский, Р.М.* Оценка и классификация уровней здоровья с точки зрения теории адаптации / Баевский Р.М. // Вестник Академии мед. наук СССР. – 1989. – № 8. – С. 73–78.

10. *Казначеев, Л.Ф.* Адаптационные возможности учащихся начальных классов / Казначеев Л.Ф., Ростовцева Е.Е., Ландайс Я.Я. // Материалы конгресса педиатров России. – М., 1999. – С. 232–233.

11. Комплексный подход к оценке функциональных состояний человека. Сообщение I. Методология диагностики функциональных состояний человека / Казин Э.М., Анисова Е.Н., Галеев А.Р. и др. // Физиология человека. – 2001. – Т. 26. – № 2. – С. 112–121.
12. Анастаси, А. Психологическое тестирование / Анастаси А. – М., 1982. – 224 с.
13. Филимоненко, Ю.И. Цветовой тест Люшера. Модификация «попарные сравнения» (методическое руководство) / Филимоненко Ю.И. – СПб., 1993. – 49 с.
14. Гатаутдинова, Г.Ф. Особенности психологического статуса у детей с вегетативной дистонией в зависимости от наличия отягощенной наследственности по артериальной гипертензии / Гатаутдинова Г.Ф., Гатаутдинова Л.Ф. // Материалы Всеросс. научн.-практ. конф. – Пермь, 2002. – С. 72–74.
15. Кучма, В.Р. Теория и практика гигиены детей и подростков на рубеже тысячелетий / Кучма В.Р. – М., 2001. – 275 с.

Поступила в редакцию 17.03.2010

E.A. Botnikova

Somatic and psychoemotional status of students in comprehensive schools and gymnasiums of a city and village

On the basis of study of 615 city and 654 village students the comparative assessment of somatic and psychoemotional state was made. It was found out that students in city schools and gymnasiums had worse level of health than students in village schools.

Key words: level of health, sickness rate, complex study, somatic and psychoemotional status.

Ботникова Елена Аркадьевна,

кандидат медицинских наук,

ГОУ ВПО «Ижевская государственная медицинская академия»

г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

УДК 630*2(470,51)

В.А. Шадрин

**СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛЕСОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПРИРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ
СЕЛА ЛЮК ЗАВЬЯЛОВСКОГО РАЙОНА)**

Часть 1.

**УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В ЛАНДШАФТЕ,
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Анализ лесной растительности антропогенного и природного ландшафтов показывает наличие больших пространств природной среды, таких как леса, их разнообразие и состояние, определяющих устойчивое развитие хозяйственной антропогенной системы. Отмечены особенности развития лесов центральной части Удмуртии и в целом растительного покрова, формирование которого идет по смешанному, больше неморальному типу, а травянистый покров имеет явно выраженные неморальные черты. В лесах антропогенного ландшафта заметно участие синантропных видов растений. Приводится зонирование экотопологической структуры (иерархии экотопов) природного и антропогенного ландшафтов. Даются характеристика лесных сообществ и оценка экологического состояния среды в целом.

Ключевые слова: природная среда, лесные экосистемы, растительный покров, синантропные виды, антропогенный ландшафт.

Условия развития хозяйственных (антропогенных) систем. Изучение растительности особенно важно с точки зрения того, что по ее характеру, индицирующему условия среды, «можно предопределить состав гетеротрофной биоты, выделить стадии процессов антропогенной гомогенизации биосферы» (Б.М. Миркин, Наумова, 2002). Растительный покров играет немалую роль и в разнообразии природных ландшафтов, чем способствует не только функционированию, но и устойчивости экосистемы.

В системе иерархии ландшафт-растительный покров важна типологическая характеристика экологических составляющих ландшафта в понимании Б.А. Юр-

цева (1982, 1987а, б, 1988, 1994; и др.) и А.И. Толмачева (1974, 1986). Иными словами, важна их гетерогенная составляющая: чем гетерогеннее ландшафт, тем больше его мозаичность, тем больше разнообразных экотопов, тем выше их биоразнообразие, плотность популяций становится больше, что ведет к устойчивости экосистемы, ее способности к саморегуляции, то есть гомеостазу.

Особенности функционирования искусственных, или антропогенно-хозяйственных, экосистем в том, что все блага природы они получают от окружающих их природных ландшафтов. Ю. Одум (1986) отмечает, что чем больше таких ландшафтов в окружении хозяйственных систем, тем благополучнее их развитие. В этом отношении весьма поучителен опыт оптимизации сельскохозяйственных экосистем Северной Америки, уроком которой послужило 100-летнее ее освоение – с 1835 по 1935 год, когда на 90 % и более природные ландшафты были антропогенизированы (Сохранение..., 1999).

Любые хозяйственные экосистемы, не имеющие природных ландшафтов или их количество недостаточно для поддержания систем, обречены или вынуждены привносить сырье, продукцию, энергию и т.п. извне, то есть из тех площадей, что способны компенсировать недостаток ресурсов с недостающих площадей. Такие хозяйства вынуждены своего рода «занимать» площади. Американский эколог Г. Боргстром (Borgstrom, 1969 – цит. по: Одум, 1986. С. 221) эти «потребности в окружающей среде на входе» назвал «акрами-привидениями». Ю. Одум (1986) приводит следующий пример: в Японии для обеспечения населения только одной пищей на каждый акр сельскохозяйственных угодий требуется 5 акров моря и суши вне страны, то есть акров-привидений. В подобных акрах нуждается Бельгия, Голландия, да и в целом по Европе картина схожая.

Таким образом, отсутствие больших пространств природной среды является лимитирующим фактором развития хозяйственной системы. Самый благоприятный для жизни тот ландшафт, в котором имеются разнообразные сельскохозяйственные угодья, леса, озера, реки, болота и т.д., то есть смесь разных экологических сообществ. Где же наблюдаются, как писал Н.Г. Ильминских (1997), «сгустки жизни», среду необходимо оптимизировать в пользу создания гетеротрофных экосистем, в которых должны быть представлены зрелые, или протективные, системы жизнеобеспечения; растущие, или продуктивные, системы жизнеобеспечения; диссипативные, или рассеивающие, системы и небиологические, или экономические, селитебные и т.п. системы. Главный недостаток современных экономических систем, отмечает Ю. Одум (1986), в том, что они оценивают лишь производимый человечеством товар и услуги, но не природные ресурсы, считая их дармовыми. Природная среда обязательно должна оцениваться, то есть иметь рыночную ценность (стоимость) и, причем, оцениваться не ниже промышленных товаров, услуг, электроэнергии, автомобилей, которые оцениваются, как правило, очень высоко. Далее он (Одум) акцентирует, что условия развития и эволюционирования любой экономической (Хозяйственной. – В.Ш.) системы зависят: от наличия больших и достаточных природных сред, как источников жизнеобеспечения; от правильной оценки рыночных и нерыночных ценностей природы, то есть природа должна иметь стоимостную ценность; от экологичности экономической оценки

природных ресурсов; и только потом от энергетических затрат, зависящих от вышеперечисленных условий.

Что мы можем сказать об исследуемом объекте – природно-хозяйственном комплексе с. Люк Завьяловского района, находящемся относительно недалеко от столицы Удмуртской Республики: примерно в 30 км на северо-запад от Ижевска? Объект располагается в зоне умеренных широт, где основные природные ландшафты представлены достаточными пространствами лесных экосистем или разнообразными типологическими сообществами. Следовательно, их количество (природных сред), разнообразие, состояние, размеры и будут определять, главным образом, устойчивое развитие данной хозяйственной антропогенной экосистемы. В нашем случае это сельскохозяйственная среда.

Однако, по мнению некоторых географов-экономистов, в развитии сельскохозяйственных систем большое значение имеет их агропромышленный потенциал (АПП), который определяется рельефной составляющей на 20 %, почвенной – на 30 % и больше климатической – на 50 % (Кибардин, 1999). В этой связи центральные районы Удмуртии, куда входит и исследованное хозяйство с. Люк, по мнению М.М. Кибардина (1999), имеют удовлетворительные условия. Хотя овраги, состояние и наличие которых также определяет АПП, здесь не существенны и характерно очень слабое развитие эрозии (Рысин, 1998).

Предыстория. Территория Удмуртии в ее современных границах обозначилась лишь в 20-х гг. прошлого столетия. До того времени она входила в состав Вятской губернии и длительное время была практически недосытаема для исследований растительного покрова, то есть флоры и растительности. Из известных комплексных ботанико-географических исследований петровского времени (Ивана Лепехина, Петра Палласа, Иоганна Фалька) лишь два последних вскоре затронули территорию, принадлежащую в настоящее время Удмуртии. Причем маршрут И. Фалька, совершенный по линии Казань–Пермь, прошел и по центральным районам территории Удмуртии, куда входит с. Люк Завьяловского района (Развитие..., 1977). Впоследствии материалы ученых-путешественников нашли отражение в работах К.Ф. Ледебура, К.А. Мейера, Ф.И. Рупрехта (Крылов, 1885; Липшиц, 1947–1950), также побывавших в Вятской губернии.

Только спустя почти 100 лет на Вятские земли обратили внимание такие ученые, как С.И. Коржинский, П.Н. Крылов, А.И. Вечтомов, А. Радаков, Н.А. Буш (Липшиц, 1947–1950; Щербакова, 1979). Из них только в работах С.И. Коржинского (1887, 1891) и отчасти П.Н. Крылова (1885) приводится касающаяся Удмуртии характеристика растительности совместно с произрастающими в сообществах видами, то есть флорой, и даже даются первые попытки зонального распределения растительности (Коржинский, 1892, 1899). Хотя исследования земли российской в XVIII–XIX вв. озаменованы рядом фундаментальных открытий в области биологии, тем не менее, территория Удмуртии в составе Вятской губернии оставалась по-прежнему белым пятном в изучении растительного покрова.

Не ставя здесь целью восстановление всей истории исследования растительности Удмуртии в ее старых границах, ограничимся весьма сокращенным ее вариантом со ссылками на необходимый список библиографии в контексте описания природно-хозяйственного комплекса с. Люк.

В начале XX в. было обращено пристальное внимание на восточные земли Вятской губернии, находящиеся ныне в составе Удмуртии, что нашло отражение в работах А.А. Нимвицкого, Б.А. Федченко, А.П. Ильинского, В.Л. Некрасовой и др., не коснувшиеся однако характеристики растительного покрова Удмуртии, в частности – Завьяловского района. Начало изучению и анализу растительного покрова, в том числе – растительности, было положено работами Л.В. Сюзева (1912), В.А. Поварницина (1926), А.Д. Фокина (1929, 1930а, б), Л.Н. Васильевой (1930), Л.Б. Колокольникова (1931), Д.С. Аверкиева (1935, 1936), Л.А. Мустафина (1938) и др. Д.С. Аверкиев свои исследования проводил даже недалеко от интересующего нас объекта – в районе Старого Сентега и Чужьялово, изучая леса, прилегающие к окрестностям Ижевска, то есть Завьяловского района (Аверкиев, 1935, 1936).

В середине XX в., с появлением на кафедре ботаники Удмуртского пединститута (с 1972 г. университета) Т.П. Ефимовой начались регулярные и более полные исследования растительного покрова, продолженные ее учениками и последователями. Небольшая по объему, но достаточно полно отражающая особенности характеристика типов растительности и геоботаническое районирование даются ею в книге «Природа Удмуртии» (1972). К сожалению, исследования растительного покрова в части растительности, то есть геоботанические, не получили должного внимания (как, например, флористические). Исследования растительности Удмуртии связаны главным образом с именами В.В. Туганаева, Т.П. Ефимовой и Т.А. Варфаломеевой, больше внимания уделявшей изучению водной растительности, продолженному в настоящее время О.А. Капитоновой. Активные исследования растительности в последние годы сопряжены с выполнением ряда хозяйственных работ в рамках ОВОСов (оценки воздействия на окружающую среду) тех или иных хозяйственно-экономических и природных объектов с привлечением ученых кафедры общей экологии под руководством проф. Н.Г. Ильминского. Одна из таких работ (о состоянии биоты и природных ценностей) проводилась под его началом в Завьяловском районе, включающем и изученную нами местность с. Люк. Материалы нашли отражение в научно-популярной литературе (Завьяловский..., 2000). Чуть ранее территорию с. Люк изучали сотрудники кафедры ботаники и экологии растений: В.В. Туганаев, А.Н. Пузырёв, Н.Р. Веселкова и аспирант М.Б. Полозов. Недавно вышла монография по Можгинскому району, где приводится анализ его растительного покрова (Шадрин, 2010).

Особенности растительного покрова в ландшафте: уникальность и самобытность. Флора и растительность, как отмечал в свое время Е.М. Лавренко (1947), конкретизируются в едином явлении природы – растительном покрове. Будучи неоднородным и сложным образованием, растительный покров представляет собой систему взаимосвязанных популяций видов, слагающих то или иное сообщество на протяжении любого ландшафта. Он выступает важным посредником между климатом данной территории и ее рельефом. Известно мнение (Кибардин, 1999), что рельеф для природно-хозяйственных сред не является главной составляющей. Но, надо заметить, объект исследования имеет в окружении достаточное многообразие природных ландшафтных сред (экотопов), определяющих неоднородность и мозаичность растительного покрова, которыми поддерживается гомеостаз всей

экосистемы с. Люк. Также отметим, что наблюдаемая большая амплитуда высот рельефа (107,1–249,9 м), тем не менее, не так явно расчленяет его на крупные статические морфологические составляющие плиоценового и больше плейстоценового, то есть третичного и четвертичного возрастов, – платообразные поверхности выравнивания (Четвертичные..., 1992; Дедков, 1993). Последние плавно понижаются в центростремительном направлении и формируют оригинальную чашеобразную долину р. Люк с более низким и пологим рельефом в северо-восточной, восточной и южной частях и крутыми склонами в северной и северо-западной частях долины. Река Люк с ее основными притоками разбивает ландшафт на пять заметно выделяющихся природных образований, или топических сред, которые сообщают и определяют взаимный характер функционирования сельскохозяйственной системы с. Люк. Это северо-западная, север-северо-восточная, восток-юго-восточная, южная и запад-юго-западная природные среды, выполняющие важную роль жизнеобеспечения «сгустков жизни». В результате их сельскохозяйственного освоения или окультуривания, естественная компонента и гетерогенность ландшафта претерпели существенные изменения: лесные массивы сведены на больших пространствах, а бывшие площади освоены и заняты агрокультурами. Оставшиеся плакорные леса в большинстве своем замещены производными хвойно-мелколиственными и мелколиственными. Казалось, это должно отразиться на смене микроклимата в сторону излишней инсоляции, что сказалось бы и на травянистом покрове. Тем не менее, травянистый покров сохранил свое прежнее «лицо» и имеет ярко выраженный широколиственно-хвойный, или неморальный, окрас, указывая на широкое в прошлом произрастание здесь липовых, кленовых, липово-хвойных, то есть смешанных широколиственно-хвойных формаций с примесью вяза, сосны и даже дуба, в настоящее время представленные лишь единичными произрастаниями. Известно: чем ниже ярус в лесу, тем больше шансов для его сохранения и переживания наступающих климатических и прочих изменений (Васильев, 1946). Сохраняется и целостность естества биоты длительное время. Лесные массивы, которым отводится основная средоформирующая и средозащитная функции, независимо от того, как они развиты и как представлены, оттеснены на крайние позиции хозяйственных земель с. Люк в радиусе порядка 4–5 км. Но, занимая бассейн реки, они являются основным строителем среды фитоценоза, или эдификатором. В этом проявляется мощное средообразующее воздействие леса на почву и климат, что, по мнению Е.М. Лавренко (1947), «содействует биогенной спецификации среды». В центральной части хозяйства, где лесные массивы сведены, естественная статическая составляющая гетерогенности ландшафта в большинстве подменяется и/или ей противопоставляется антропо-динамическая составляющая. В результате на природную мозаичность экотопов, с соответствующим растительным покровом, наслаивается антропогенная, где большее развитие получают растения мусорных и нарушенных местообитаний. Со временем происходит адаптация таких растительных сообществ к антропогенным местам и в них нередкими становятся василек синий, гулявник Лёзеля, чертополох курчавый, бодяк щетинистый, бородавник обыкновенный, клевер пашенный, герань сибирская, живокость полевая, или сокирки великолепные, фиалки трехцветная и полевая, лапчатка норвежская, болиголов крапчатый, трех-

реберник, или ромашка непахучая, марь белая, горец выюнковый и другие виды, которые настолько давно «растеряли» свои первичные местообитания, что даже считаются заносными (Туганаев, Пузырев, 1988; Шадрин, 2003а; и др.). Растительные сообщества, способные проходить свой онтогенез в условиях, создаваемых человеком, называют синантропными, а постепенный процесс вытеснения или смены естественных растительных сообществ последними – синантропизацией, или антропогенной трансформацией растительного покрова. У такого процесса исход всегда один – упрощение и обеднение видового состава флоры и растительности, что приводит к нивелированию и стиранию их зонально обусловленных черт (Шадрин, 1992, 2000, 2006).

Хотя исследуемая территория по схеме ботанико-географического районирования относится к Камско-Печорско-западноуральской подпровинции Урало-западно-сибирской таежной провинции Евразийской таежной области Голарктического царства (Растительность..., 1980), где зональным типом растительных сообществ являются южно-таежные леса, но локализация в подзоне подтаежных хвойно-широколиственных лесов и непосредственное влияние их полосного проявления – хвойно-широколиственных и широколиственно-хвойных лесов (Растительность..., 1980; Шадрин, 1999, 2003б, 2004) инициируют образование растительного покрова, его флористических комплексов и растительных сообществ, по смешанному больше неморальному типу, где представлены широколиственные элементы: медуница неясная, или темная, копытень европейский, бор развесистый, сныть обыкновенная, фиалки, вороний глаз обыкновенный, звездчатки ланцетолистная, или жестколистная и дубравная, яснотка крапчатая, чистец лесной, какалия, или недоспелка копьевидная, купена лекарственная, или душистая, колокольчик широколистный, ясколка полевая и др. Присутствует и определенная доля широколиственных пород деревьев и кустарников – липа, вяз, ольха, клен, бересклет, очень редко – дуб, лещина. Хвойные породы, вероятно, имели ранее второстепенное значение, однако в настоящее время достаточно широко встречаются сосна, ель сибирская и финская, пихта. Контакт двух полос на стыке взаимопроникновения, как и крупных зональных единиц, индуцирует на территории исследования экотонный эффект, вследствие чего фон видового разнообразия может заметно повышаться, если не будет противопоставлена нивелирующая антропогенная составляющая (что, к сожалению, на данной территории очевидно). Действие последней заметно снижает уникальность всего природного комплекса сельскохозяйственной системы с. Люк. Существующие неудобья – непригодные для хозяйственной деятельности овраги, лощины, крутые склоны, увлажненные и заболоченные места и т.п. – существенно смягчают антропогенное противодействие, так как в них сохранились остатки лесов с более-менее естественной биотой. В этих локалитетах, окруженных антропогенным ландшафтом, можно обнаружить уцелевшие, редкие и для данной местности, и для Удмуртии виды неморальных и лесостепных сообществ. Например, диплазиум сибирский, зверобой волосистый, герань Роберта, ясколка полевая, цистоптерис, или пузырник ломкий, колокольчики персиколистный, крапиволистный и широколистный; в увлажненных местах – пальчатокоренники мясо-красный и кровавый, гирча

тмиолистная, вероника щитковая; на сохранившихся остепненных местах — душица обыкновенная, чины лесная, гороховидная и клубненосная, горошек тонколистный, резуха шершавая, или стреловидная, щавель ложносолончаковый и другие виды, представляющие интерес для района.

Итак, растительность любого ландшафта формируется под влиянием, в первую очередь, зонально обусловленных и климатических факторов. Изучаемая территория, как выше указано, относится к лесной зоне с преимущественным участием широколиственно-еловых лесов. Это характеризует участие в древостое неморальных, в меньшей степени бореальных видов, с преобладанием первых в кустарниковом и травянистом ярусах, слабым развитием мохового покрова. Широколиственные породы образуют примесь в первом ярусе, часто слагают, что характерно для гослесфонда, 2 и 3 подъярусы, где большая роль принадлежит липе с примесью клена платановидного и вяза шершавого, формирующих единый тип сообщества, главным образом елово-липовые сложные неморально-травяные. Изредка можно встретить и сложные пихтово-еловые неморально-травяные сообщества (Растительность..., 1980). Антропогенное воздействие (рубка леса) привело к заметному участию в сообществах мелколиственных пород: березы бородавчатой, осины, ивы козьей. Коренные сообщества практически не встречаются, а от бывшего их процветания сохранились лишь отдельные липы и вязы в прилегающей с юга природной топической среде (см. выше), где возраст их составляет приблизительно 150–200 лет, возможно, и более. В этой связи в природной среде, примыкающей к хозяйству с. Люк, с запада обнаружены одиночно произрастающие и хорошо сформированные дубы. Несмотря на то, что леса претерпели значительные изменения, в них отмечаются неморальные реликтовые комплексы с участием колокольчиков широколистного и крапиволистного, овсяницы гигантской и цинны широколистной, воронцов красноплодного и колосистого, чистеца лесного, недоспелки копьевидной, звездчатки жестколистной, подмаренника душистого, цицербиты уральской, волчегодноика и др. (Васильев, 1946; Горчаковский, 1968, 1969; Камелин, 1973; Шадрин, 1995, 1999).

Таким образом, травянистый покров на исследуемой территории, как было сказано выше, сохранил свое прежнее «лицо» и имеет явно выраженный ширококотравный или неморальный «окрас». Даже под пологом слабо представленных здесь южно-таежных ельников развивается ширококотравье. По-видимому, по этой причине не обнаружены характерные для них виды рода плаунов. Лишь по склонам антропогенного ландшафта такие леса, в силу рекреационной и пастбищной нагрузки, представлены отдельными вкрапленными микроценозами (в понимании Воронова и др., 2005), как деградированные ельники кисличные, изредка замещаемые мертвopoкpoвными. В них, тем не менее, обнаружены становящиеся редкими колокольчики крапиволистный и персиколистный, купальница европейская и др. Кстати, сосновые леса, как интразональные сообщества, хотя и испытывают повышенный фон рекреаций на подобных склонах, но выглядят более привлекательными, нежели выше упомянутые ельники. В их подлеске часто встречаются бересклет бородавчатый, клен, липа, можжевельник, и сохраняется травянистый покров, больше представленный микроценозами неморальных сообществ из колокольчиков крапиволистного и

персиколлистного, купены душистой, копытня европейского, звездчатки жестколистной, чины весенней и др. На разреженных открытых пространствах и подножии они замещаются более ксерофильными травами, предпочитающими остепненные склоны, такими как: коротконожка перистая, мятлик узколистный, смолевка поникшая, горошек тонколистный, лютик многоцветковый, резуховидка Таля, желтушник ястребинколистный, или лакфиолевый, вяжечка, или резуха гладкая, лапчатка серебристая, клевер горный, люцерна серповидная, коровяк черный, девясил иволистный и др.

В условиях гидрофильного режима поймы р. Люк и ее заболоченных притоков развиваются сероольшатники в примеси с ивами, березой, реже осиною, ельники приручьевые, в залесенной части – эутрофные (низинные, богатые минеральными веществами) и эутрофно-мезотрофные (низинно-переходные) болота с участием ольхи серой и березы пушистой, в примеси с елью. В таких болотно-лесных ценозах тоже обнаружен ряд реликтовых элементов: чемерица Лобеля, щитовник гребенчатый, герань Роберта, подмаренник трехцветковый и др. В оврагах редко встречаются пихтовые микросообщества с липой, вязом голым, или шершавым, кленом остролистным, или платановидным, березой бородавчатой, изредка елью, где доминирующие позиции попеременно принадлежат либо вязу, либо липе, реже клену. В их подлеске встречаются бересклет, черемуха, крушина и принимают участие травянистые реликты – недоспела копьевидная, чистец лесной, диплазий сибирский, подмаренник душистый, звездчатка жестколистная, копытень европейский, колокольчик широколистный, володушка длиннолистная, щитовник мужской, лютик крупноплодный, колокольчик крапиволистный и др. Леса приурочены главным образом к дерново средне- и сильно-подзолистым, болотно-подзолистым почвам с пятнами дерново-карбонатных, со средне- и легкосуглинистым, супесчаным механическим составом, формирующихся на флювиогляциальных (?) песках и супесях с пятнами покровных суглинков (Природа Удмуртии, 1972). Однако, из работ геоморфологов, проводивших исследования на территории Удмуртии и сопредельных территорий, известно, что на востоке Русской равнины, в период ее плейстоценового перигляциала, «наиболее достоверным представляется эоловый генезис песков» (Бутаков, 1986. С. 58). Полевые наблюдения показали, что в районе исследования хорошо представлены и пятна серых лесных оподзоленных и болотных почв.

Леса антропогенного ландшафта хозяйственных земель с. Люк испытывают немалую рекреационную и селитебную нагрузку, где заметно уже участие синантропных видов, а в иных местах, в непосредственной близости населенного пункта, естественные сообщества сменяются рудеральными. Поэтому неудивительно, что в ольшатниках, например, можно встретить хрен обыкновенный, бодяк обыкновенный, лопухи малый и паутинистый, марь зеленую, бодяк щетинистый, болиголов крапчатый, бородачник обыкновенный, а в деградирующих ельниках – боярышник кроваво-красный, клен ясенелистный, или американский, яблони домашнюю и ягодную, полынь обыкновенную, марь белую, свербигу восточную, чистотел большой, хвощ полевой, гравилат городской, борщевик Сосновского и т.п. Подробное описание лесных типов растительности приводится во 2 части нашей работы.

Методы исследования

На начальном этапе проводилось рекогносцировочное зондирование по выявлению основных существующих территориальных природных и хозяйственных единиц с предварительным абрисом на картосхеме. Обработка картографических материалов мелкого и крупного масштаба и типологическое выделение крупных, хорошо просматриваемых ландшафтных единиц мега- и макроуровня с природными комплексами, состояние и функционирование которых в полной мере взаимно определяет ритм развития и благополучие хозяйственно-экономической системы населенного пункта. Выделены следующие уровни: мегауровень – водосборный бассейн р. Люк, образующий чашеобразную долину реки; макроуровни – северо-западный ландшафтно-природный комплекс (топическая среда), приуроченный к верховьям р. Люк; север-северо-восточный ландшафтно-природный комплекс, приуроченный к р. Шурвайка; восток-юго-восточный ландшафтно-природный комплекс, приуроченный к небольшим притокам р. Люк; южный ландшафтно-природный комплекс, приуроченный к небольшим притокам р. Люк; западный ландшафтно-природный комплекс, приуроченный к достаточно крупному притоку, с группой его мелких рек, реки Люк. Внутри каждого такого уровня в полевых условиях выделены и подвергнуты изучению микроуровни, примыкающие к хозяйственной системе села и непосредственно испытывающие влияние последней, а также микроуровни внутри антропогенного ландшафта. В системе иерархии экотопов все уровни соответствуют экотопологической структуре ландшафта (Юрцев, 1982, 1987а, б, 1988, 1994, 2006), где развиваются свои отдельности или парцеллы.

Каждая локальная природно-хозяйственная система (равно их флора или растительность и т.д.) априори структурирует условные зональности, в данном случае растительности, следующего порядка (Шадрин, 1992): в пределах населенного пункта формируется синантропное или рудеральное ядро (рудеральные экотопы, равно парциальности или парцеллы, парциальные флоры II порядка), где воздействие постоянное. Далее, к ядру примыкает буферная синантропная зона (пастбищные, сегетальные, луговые экотопы или ландшафты – так же парцеллы II порядка), где действие антропогенного фактора не постоянное, а периодическое, связанное с сезонным характером воздействия. Эта зона выполняет буферную роль между ядром и естественной природной зоной. Синантропное ядро и буферная зона совместно составляют синантропную часть или антропогенный ландшафт – макроэкотопы, или парцеллы III порядка. Следующая зона, расположенная на периферии – естественная, практически не подвергающаяся антропогенному прессингу; внутри нее также формируются макроэкотопы III порядка. Наконец, весь ландшафт в целом, включающий перечисленные уровни, формирует мегаэкотоп, или парцеллы IV порядка. Каждая из составляющих зон (синантропное ядро, буферная и естественная природная части) включает в себя ряд типов местообитаний – микроэкотопы или парцеллы I порядка. Для промышленных и городских агломераций структура выглядит иначе (Ильминских, 1993).

Растительный покров изучался в ходе полевых исследований маршрутным методом в сочетании с детально-маршрутным. Маршруты планировались таким образом, чтобы охватить максимальное разнообразие экотопов на территории природно-хозяйственного комплекса с. Люк Завьяловского района. Основные

ключевые участки описывались детально на геоботанических пробных площадках с использованием общепринятой методики: в каждом из обнаруженных типов растительности выбирался типичный участок и закладывалась пробная площадка, где оценивалось общее проективное покрытие (ОПП) травянистого покрова, проективное покрытие (обилие) каждого вида растений по шкале Браун-Бланке в баллах (Миркин и др., 1989). Для того чтобы показать количественные соотношения между видами древесных пород в фитоценозе, проводился подсчет деревьев на пробной площади, что выражается формулой древостоя. При этом преобладающая порода в насаждении ставится в формуле на первое место (Федорук, 1976). Если участие вида в древостое составляет 2–5 %, то отмечается в формуле знаком «+», менее 2 % – «ед» (единичный). Условно количество всех стволов на пробной площади принималось равным 10 (100 %). Далее определялась сомкнутость крон, отмечалось наличие развитого подлеска. В лесах пробные площадки закладывались размером 25х25 м, как того требуют методические подходы (Полевая геоботаника, 1959, 1960, 1964; Воронов, 1963; Ярошенко, 1969; Ниценко, 1971; Федорук, 1976; и др.). Кроме этого, визуально оценивалось общее экологическое состояние среды в целом (экосистемы): неудовлетворительное, удовлетворительное, хорошее. *Неудовлетворительное* – наблюдаются сильное нарушение и деградация среды, переуплотнение почвенного покрова, хорошо выраженная густая тропиочная сеть, сильная изреженность растительного покрова, отсутствие лесной подстилки или сохранение лишь кое-где вокруг отдельных деревьев, преобладание луговых и сорных видов растений; имеют место захламленности, лес больше паркового типа. Такие среды мало продуктивны, неустойчивы, чаще всего непривлекательны и редко посещаемы по части рекреации. *Удовлетворительное* – экосистемы проявляют некоторую стабильность в отношении постоянства растительного покрова, местами наблюдается уплотнение почвенного покрова, лесная подстилка сохраняется на 50 % площади, иногда меньше; тропиочная сеть негустая, разрозненная, выражена слабо, встречаются отдельные луговые и сорные растения; кое-где сохраняется подрост. Такие среды среднепродуктивны и охотно посещаются. Отдельные экосистемы, в зависимости от расположения в ландшафте и сохранения природной составляющей, можно рассматривать как потенциально пригодные в природоохранном аспекте. *Хорошее* – экосистемы приближаются к климаксным или являются климаксными, высоко продуктивны, устойчивы и стабильны; лесная подстилка хорошо выражена на всей площади, почвенный покров имеет выраженную скважинность и аэрируемость; тропиочной сети нет или иногда наблюдаются весьма редкие отдельные тропки; растительные сообщества отличаются повышенным разнообразием, часто с участием редких, эндемичных и реликтовых видов; сохраняются и развиваются подлесок и подрост. Большая часть таких сред интересна и даже оригинальна, поэтому пригодна и чаще рассматривается в качестве уникальных ландшафтных образований или особо охраняемых природных территорий.

Сбор полевых материалов осуществлялся автором статьи и руководимой им группой студентов-экологов в мае-июне, камеральная обработка картографических материалов – в июне-июле 2006 г., в период выполнения хоздоговорной темы кафедры общей экологии. Обработка, анализ геоботанических описаний,

составление геоботанической карты лесной растительности, написание отчетного текста проведены автором статьи в сентябре-октябре 2006 г. Данная работа написана на основе вышеуказанных и проанализированных материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Аверкиев, Д.С. Растительный покров Горьковского и Кировского краев // *Природа Горьковского и Кировского краев*. – Горький, 1935. – С. 107–136.

Аверкиев, Д.С. Заметки по флоре и растительности Кировского и Горьковского краев // *Зап. Горьк. отд-ия МОИП при Горьк. гос. ун-те. Горьк. краевое изд-во*, 1936. – Вып. 1. – С. 13–18.

Бутаков, Г.П. Плейстоценовый перигляциал на востоке Русской равнины. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – 144 с.

Васильев, В.Н. Закономерности процесса смен растительности // *Материалы по истории флоры и растительности СССР*. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – Вып. 2. – С. 365–406.

Васильева, Л.Н. К флоре Вятской губернии в ее старых границах // *Журн. Рус. ботан. об-ва*. – 1930. – Т. 15. – № 4. – С. 313–324.

Воронов, А.Г. Геоботаника. – М.: Высшая школа, 1963. – 375 с.

Воронов, Г.А., Трофимова Л.М., Баландин С.В. Сложные пихтово-еловые леса Уральского Прикамья. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 178 с.

Горчаковский, П.Л. Растения европейских широколиственных лесов на восточном пределе их ареала. – Свердловск, 1968. – 207 с.

Горчаковский, П.Л. Основные проблемы исторической фитогеографии Урала. – Свердловск, 1969. – 286 с.

Дедков, А.П. Верхнее плато Восточно-Европейской равнины // *Геоморфология*. – 1993. – № 4. – С. 82–88.

Завьяловский район: природа, история, экономика / Отв. ред. проф. Н.Г. Ильминских. – Ижевск: Ижевский полиграф. комб., 2000/2001. – 420 с.

Ильминских, Н.Г. Флорогенез в условиях урбанизированной среды (на примере городов Вятско-Камского края): Автореф. дис. ... докт. биол. наук. – СПб., 1993. – 36 с.

Ильминских, Н.Г. О приуроченности сгустков социальной жизни к сгусткам жизни биологической // *Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях: (на примере Среднего Прикамья): Тез. докл. конф.* – Сарапул, 1997. – С. 25–26.

Камелин, Р.В. Флоро-генетический анализ естественной флоры горной Средней Азии. – Л.: Наука, 1973. – 356 с.

Кибардин, М.М. Оценка агроприродного потенциала Удмуртской Республики // 4-я Рос. универ.-акад. науч.-практ. конф.: Тез. докл. Часть 2. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. – С. 186–187.

Колокольников, Л.Б. Очерк сорно-полевой растительности Вятского края // *Тр. по приклад. ботан., генет. и селекц.* – 1931. – Т. 25. – Вып. 4. – С. 257–280.

Коржинский, С.И. Предварительный отчет о почвенных и геоботанических исследованиях 1886 г. в губерниях Казанской, Самарской, Уфимской, Пермской и Вятской / *Тр. Об-ва естествоиспыт. при Имп. Казан. ун-те*. – Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1887. – Т. 16. – Вып. 6. – 72 с.

Коржинский, С.И. Северная граница черноземностепной области восточной полосы Европейской России в ботанико-географическом и почвенном отношении: Ч. 2. Фитотопогр. исслед. в губ. Симбир., Самар., Уфим., Перм. и отчасти Вятской / *Тр. Об-*

ва естествоиспыт. при Имп. Казан. ун-те. – Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1891. – Т. 22. – Вып. 6. – 204 с.

Коржинский, С.И. Флора Востока Европейской России в ее систематическом и географическом отношениях: Ч. 1. – Томск, 1892. – 227 с.

Коржинский, С.И. Растительность: Россия // Энциклопед. словарь. – СПб: Изд-во Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, 1899. П/т 54, т. 27а. – С. 42–49.

Крылов, П.Н. К флоре Вятской губернии / Труды Об-ва естествоисп. при Казан. ун-те. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1885. – Т. 14. – Вып. 1. – 131 с.

Лавренко, Е.М. Об изучении эдификаторов растительного покрова // Сов. ботан. – 1947. – Т. 15. – № 1. – С. 5–16.

Литиш, С.Ю. Русские ботаники: Ботаники России – СССР. Биографобиблиографический словарь. – М.: Изд-во АН СССР, 1947–1950. – Т. 1–3.

Миркин, Б.М., Наумова, Л.Г. Адвентивизация растительности в призме идей современной экологии // Журн. общей биол. – 2002. – Т. 63. – № 6. – С. 500–508.

Миркин, Б.М., Розенберг, Г.С., Наумова, Л.Г. Словарь понятий и терминов современной фитоценологии. – М.: Наука, 1989. – 223 с.

Мустафин, Л.А. Типы леса и лесовозобновление в УАССР. Ижевск, 1938. – 84 с.

Ниценко, А.А. Растительная ассоциация и растительное сообщество как первичные объекты геоботанического исследования. Сущность, свойства и методы выявления. – Л.: Наука, 1971. – 184 с.

Одум, Ю. Экология: в 2-х т. Пер. с англ. – М.: Мир, 1986. – Т. 1. – 328 с.; Т. 2. – 376 с.

Поварницын, В.А. О северной границе дуба, орешника и клена в пределах Вятской губернии // Лесоведение и лесоводство. – 1926. – Вып. 1. – С. 71–76.

Полевая геоботаника. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 1; 1960. – Т. 2; 1964. – Т. 3.

Природа Удмуртии / Науч. ред. проф. А.И. Соловьёв. – Ижевск: Удмуртия, 1972. – 399 с.

Развитие естествознания в России (XVIII – начало XX века) / Под ред. С.Р. Микулинского, А.П. Юшкевича. – М.: Наука, 1977. – 535 с.

Растительность европейской части СССР / Под ред. С.А. Грибовой, Т.И. Исаченко, Е.М. Лавренко. – Л.: Наука, 1980. – 429 с.

Рысин, И.И. Овражная эрозия в Удмуртии. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 274 с.

Сохранение биологического разнообразия: позитивный опыт / Ред. проф. А.А. Тишков. – М.: Проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия», 1999. – 115 с.

Сюзов, П.В. Конспект флоры Урала в пределах Пермской губернии. – М., 1912. – 206 с.

Толмачев, А.И. Введение в географию растений. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 244 с.

Толмачев, А.И. Методы сравнительной флористики и проблемы флорогенеза. – Новосибирск: Наука, 1986. – 196 с.

Туганаев, В.В., Пузырев, А.Н. Гемерофиты Вятско-Камского междуречья. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 128 с.

Федорук, А.Т. Ботаническая география: Полевая практика. – Минск: Изд-во БГУ, 1976. – 224 с.

Фокин, А.Д. Краткий очерк растительности Вятского края // Вятский край: В помощь учителю. – Вятка, 1929. – С. 86–105.

Фокин, А.Д. Северная граница плакорного дуба и орешника в Вятской губернии // Бюл. Гос. почв. ин-та НК земледелия. – 1930а. – № 2. – С. 83–104.

Фокин, А.Д. Три года работы геоботанического отряда Вятской почвенной экспедиции // Вятское хозяйство. – 1930б. – № 2. – С. 68–84; № 3. – С. 89–102; Отд. оттиск из №№ 2–3. – С. 1–32.

Четвертичные отложения Удмуртии: Учебно-методическая разработка // Сост. В.И. Стурман. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 30 с.

Шадрин, В.А. Закономерности синантропизации локальных флор (на примере Удмуртии): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Екатеринбург, 1992. – 17 с.

Шадрин, В.А. Основные этапы трансформации флоры и пути сохранения реликтов в Удмуртии // Вестн. Удм. ун-та. – 1995. – № 3. – С. 104–115.

Шадрин, В.А. Обогащение флоры Удмуртии: миграции, локализации, предпосылки и условия // Вестн. Удм. ун-та. – 1999. – № 5. – С. 13–33.

Шадрин, В.А. Флористические параметры в оценке синантропизации флоры // Сравнительная флористика на рубеже III тысячелетия: достижения, проблемы, перспективы: Материалы V рабоч. совещ. по сравнит. флористике, Ижевск, 1998. – СПб.: БИН РАН, 2000. – С. 288–300.

Шадрин, В.А. Объективное и субъективное в оценке растений апофитов // Проблемы изучения адвентивной и синантропной флоры в регионах СНГ: Материалы науч. конф. – М.: Изд-во Ботанического сада МГУ; Тула: Гриф и К°, 2003а. – С. 121–122.

Шадрин, В.А. Историческая обусловленность зонального характера растительного покрова Удмуртии // Ботанические исследования в азиатской России: Материалы XI съезда Русск. ботан. об-ва. Том 2. – Барнаул: Изд-во «АзБука», 2003б. – С. 478–480.

Шадрин, В.А. Проявление зональности растительного покрова Удмуртской Республики через ее локальные флоры // Развитие сравнительной флористики в России: вклад школы А.И. Толмачева: Материалы VI рабоч. совещ. по сравнит. флористике. – Сыктывкар, 2004. – С. 69–77.

Шадрин, В.А. Оценка состояния и степени антропогенной трансформации растительного покрова // Адвентивная и синантропная флора России и стран ближнего зарубежья: состояние и перспективы: Материалы III междунар. науч. конф. – Ижевск, 2006. – С. 114–115.

Шадрин В.А. Растительный покров // Можгинскому району 80 лет. Природные условия и экология / науч. ред.: И.И. Рысин, М.И. Шишкин. Ижевск: КнигоГрад, 2010. С. 72–101.

Щербакова, А.А. История ботаники в России до 60-х гг. 19 века (додарвиновский период). – Новосибирск: Наука, 1979. – 368 с.

Юрцев, Б.А. Флора как природная система // Бюл. Моск. об-ва испыт. природы. – 1982. – Отд. биол. – Т. 87. – № 4. – С. 3–22.

Юрцев, Б.А. Флора как базовое понятие флористики: содержание понятия, подходы к изучению // Теоретические и методические проблемы современной флористики: Материалы 2-го рабоч. совещ. по сравнит. флористике. Неринга, 1983. – Л.: Наука, 1987а. – С. 13–28.

Юрцев, Б.А. Элементарные естественные флоры и опорные единицы сравнительной флористики // Теоретические и методические проблемы современной флористики: Материалы 2-го рабоч. совещ. по сравнит. флористике. Неринга, 1983. – Л.: Наука, 1987б. – С. 47–66.

Юрцев, Б.А. Флористический и фитоценологический подходы к растительному покрову: соотношение, проблемы синтеза // Журн. общ. биологии. – 1988. – Т. 49. – № 4. – С. 437–450.

Юрцев, Б.А. О некоторых дискуссионных вопросах сравнительной флористики // Актуальные проблемы сравнительного изучения флор: Материалы III рабоч. совещ. по сравнит. флористике. Кунгур. 1988. – СПб.: Наука, 1994. – С. 15–33.

Юрцев, Б.А. Использование индексов региональной встречаемости и региональной активности для ботанико-географического анализа растительного покрова // Бот. журн. – 2006. – Т. 91. – № 3. – С. 375–392.

Ярошенко, П.Д. Геоботаника: Пособие для студ. пед. вузов. – М.: Просвещение, 1969. – 200 с.

Поступила в редакцию 10.08.2010

V.A. Shadrin

**Forests state and development of the Central part of Udmurtia territory
(in terms of natural and economic systems of Luk village in Zavialovski district)**

The forest vegetation analysis of anthropogenic and natural landscapes shows the presence of big spaces of natural environment such as forests, their variety and state, defining the stable development of economic anthropogenic system. Peculiarities of forest development in central part of Udmurtia and vegetation mantle in whole are mentioned. The description of forest community and assessment of ecological state of environment in whole are given.

Key words: natural environment, forest ecosystems, vegetation mantle, anthropogenic landscape.

Шадрин Василий Андреевич,
кандидат биологических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: rvkir@mail.ru

О Т З Ы В

УДК 811.511.1(049.32)

И.В. Тараканов

**О ДИССЕРТАЦИИ И.С. НАСИПОВА
«ФИННО-УГОРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ:
СИНОПСИС И ТАКСОНОМИЯ»**

В последние годы вопросы языковых контактов приобрели особую остроту и актуальность. Наряду с этим актуальными продолжают оставаться и другие классические вопросы лингвистики: эволюция языкового строя, отдельных его подсистем, соотношение внутренних и внешних факторов, обуславливающих конвергентно-дивергентный характер развития языка. Обращение автора диссертации к проблеме языковых контактов не случайно, так как финно-угорские народы Прикамья и Поволжья с древнейших времен жили и развивались в тесном контакте с тюркоязычными народами, оказывая друг на друга взаимное влияние в языковом, культурном и экономическом отношениях. Между тем проблема языковых контактов между тюркскими и финно-угорскими языками Поволжья и Прикамья изучена неравномерно. Особенно недостаточно она изучена в татарском языке. Если в волжских финно-угорских языках результаты взаимовлияния с соседними тюркскими (чувашским, татарским, отчасти башкирским) языками получили более или менее системное монографическое описание, то в татарском и башкирском языкознании таких основополагающих работ до последнего времени пока еще не было. В этом отношении рецензируемая работа Насипова Илшата Сахиатулловича является новой и своевременной.

Своевременна и современна потому, что работа проведена на основе традиционных лингвистических методов с использованием новейших методик и подходов, с учетом достижений современной лингвистической контактологии и с творческим использованием богатого наследия предшественников по изучению тюркских и финно-угорских языковых контактов Волго-Камья. Своевременна еще потому, что неизученность финно-угорских заимствований в татарском языке до сих пор не давала возможности очертить весь круг особенностей этноязыковых взаимоотношений и определить спектр направлений взаимовлияния тюркских и финно-угорских народов в Урало-Поволжском регионе.

Безусловно, как справедливо отмечает автор диссертационного исследования, всестороннее изучение финно-угорских заимствований в татарском языке

имеет большое лингвистическое и культурно-историческое значение для определения роли финно-угорского компонента в формировании татарского этноса и целостного представления о роли финно-угорских языков в развитии словарного состава татарского языка. Актуальность данного исследования не подлежит никакому сомнению, поскольку до последнего времени татарское языкознание не располагало таким крупным сравнительно-историческим исследованием. Работа И.С. Насипова, являясь итогом многолетних изысканий автора и в какой-то мере отражая достижения финно-угорской лексикологической науки, несомненно, послужит ценным источником для дальнейшего развития теории языковых контактов и заимствований.

Источниками для написания диссертации послужили различные типы словарей (диалектологические, толковые, этимологические и др.), а также разрозненные публикации, теоретические статьи и монографии татарских, башкирских и чувашских лингвистов, в которых анализу подвергались диалектологическая, отраслевая, терминологическая лексика самого татарского языка, с одной стороны, и монографические работы и теоретические статьи финно-угроведов, работавших в области этнокультурной контактологии в регионе Волго-Камья, с другой.

Научная новизна оппонируемой работы определяется тем, что в данном исследовании впервые в татарском языкознании на большом лексическом материале сделана попытка системного монографического описания (марийского, мордовского, удмуртского и отчасти коми) заимствований в татарском языке.

Структура и композиция диссертации обусловлена целями, задачами, проблематикой и методологией исследования, которые автор определил весьма точно и последовательно. Работа состоит из введения, основной части, включающей четыре главы, заключения и библиографии.

Во введении соискатель четко очерчивает все основные контуры и параметры своего исследования.

Первая глава «Проблемы изучения языковых контактов тюркских и финно-угорских народов Волго-Камья» посвящена теоретическим вопросам языковых контактов применительно к региону Волго-Камья, а также проблемам анализа татарской лексики финно-угорского происхождения. В частности, выделены важнейшие аспекты проблем языковых контактов, определена природа языкового контакта и их типы; дана характеристика волго-камского языкового союза; определена сущность понятий «субстрат», «суперстрат» и «адстрат», «заимствование», «финно-угорское заимствование в татарском языке» с точки зрения характеристики языковых контактов татар с финно-уграми в Волго-Камье; определены критерии выделения и разграничения в татарском языке лексики финно-угорского происхождения; ставится вопрос и об особенностях языковых контактов сибирских татар с финно-угорскими народами.

Во второй главе «История изучения финно-угорских заимствований в татарском языке» (С. 60–91) дается обзор источников и анализ научной литературы по исследуемой теме. При изучении обширной литературы, опубликованной различными предшественниками, диссертантом выявлен объем финно-угорских заимствований не только в общенародном литературном татарском языке, но и в различных его диалектах и говорах. Учет последних особенно важен при

определении источника, возраста, степени распространенности, частотности употребления, освоенности и неосвоенности заимствованной лексики.

Глава третья «Историко-этимологические основы финно-угорских заимствований в татарском языке» посвящена анализу марийских, удмуртских и мордовских заимствований в татарском языке и определению особенностей марийско-татарских, удмуртско-татарских и мордовско-татарских языковых контактов. В данной главе диссертантом зафиксировано в татарском языке как финно-угорские заимствования следующее количество лексических единиц:

- а) в марийском языке – 100 (С. 96),
- б) в удмуртском – 100 (С. 182),
- в) в мордовских языках – менее 100 лексических единиц, определяемых исследователями как заимствования из мордовских языков или же приобретения, связанные с мокша и эрзя языками.

Однако, приведенная диссертантом цифра (менее 100) в мокша и эрзя языках не внушает доверия, так как из всех контактирующих финно-угорских языков сам же диссертант, ссылаясь на Ахметьянова (1971: 37), по степени влияния на тюркские языки (в том числе на татарский) мокша-мордовский язык ставит на третье место, эрзя-мордовский язык – на четвертое (С. 93). Поэтому степень влияния мордовских языков на татарский язык и количество лексических единиц в воспринимающем языке должны быть, на наш взгляд, намного меньше, чем в марийском и удмуртском языках.

В четвертой главе «Лексико-тематические и семантические особенности финно-угорских заимствований в татарском языке» рассматриваются тематические группы финно-угорских заимствований в татарском языке и особенности семантической освоенности заимствованных лексем в лексико-семантической системе татарского языка. В диссертации проводится также весьма полная лексико-семантическая классификация финно-угорских заимствований в татарском языке. Автор диссертации подразделяет их на 4 основные тематические группы: Природа, Животный мир, Общество, Познание, – которые, в свою очередь, разбиваются на еще более мелкие подгруппы, и дается подробное описание в виде отдельных списков. Проведение подобного рода классификации заимствованной лексики мы считаем весьма целесообразным, так как в более мелких тематических группах слов как раз находят свое отражение заимствованные слова, особенно это часто наблюдается в группах слов отраслевой терминологии. Результаты такого исследования позволяют более полно и достаточно четко представить роль и место лексических заимствований в формировании словарного состава заимствующего языка.

Следует особо подчеркнуть то, что последняя, четвертая, глава отличается насыщенностью использованного материала, глубоким содержанием и аргументированностью теоретических положений об особенностях семантического освоения финно-угорских заимствований в татарском языке (С. 345–382). Здесь подробно описаны такие процессы семантической адаптации как сужение, расширение, появление новых лексических значений финно-угризмов; заимствования, в результате освоения и употребления которых произошел перенос наименования; выявлены некоторые общие языковые закономерности усвоения

полисемантических слов-заимствований в татарском языке. Автор отмечает, что перенос значения представляет собой постепенный процесс и происходит вследствие метафорического или метонимического употребления. В таком плане заимствованная лексика еще не подвергалась анализу не только в татарском, но и в чувашском и башкирском языках.

В заключении содержатся выводы и собственные замечания диссертанта по теме проведенного им исследования.

Таким образом, детально проанализированы, системно описаны около 300 финно-угорских заимствований в татарском языке, определены их количественно-качественные особенности и степень употребления в татарском литературном языке и в народных говорах, наличие этих лексических единиц в чувашском и башкирском языках. Заявлено, что количество марийских, удмуртских и мордовских слов, проникших в татарский язык, небольшое по сравнению с татаризмами в финно-угорских языках, однако эти слова указывают на древние и длительные тесные культурно-экономические связи татар с марийцами, удмуртами и мордвой (мокша и эрзя). Все это является свидетельством и доказательством того, что финно-угорские языки Волго-Камья оказали определенное влияние на формирование и обогащение словарного состава татарского языка.

Как видно из всего изложенного, работа проделана диссертантом огромная, но, как всегда бывает в подобных работах, есть и некоторые неясности, требующие уточнения или пересмотра, в частности, в число финно-угорских заимствований, на наш взгляд, ошибочно попали слова сугубо татарского происхождения, которые в воспринимающих языках, в частности, в удмуртском, отсутствуют. Таковыми являются тат. *зәлкә* 'скворец' (С. 76), *мөшкө* 'творог' (С. 77), *шуйыт* 'семена тмина, аниса' (С. 145), *нәртә* 'невод, морда' (С. 163), *булан* – в значении 'лось' (С. 219, 221) и др.

Нам представляется не совсем продуманной композиция диссертации. Проведение описания общих для всех контактирующих языков заимствованной лексики привело к многочисленным повторам, причем несколько раз повторяются не только отдельные лексемы типа *лапас* 'крытое строение', *пукон* (*бүкән*) 'стул, табуретка', *лянэс* (*ләнгәз*) 'бурак', но и иллюстративные примеры к ним, что привело к разбуханию объема диссертации. Нельзя ли было это оформить композиционно более компактно?

Марийские исследователи Л.Ш. Арсланов и Н.И. Исанбаев упрекают диссертанта в том, что он не подвергает анализу большое количество сложных слов и составных терминов, наличествующих в словарном составе марийского языка (С. 96). В связи с этим возникает вопрос: можно ли отнести к заимствованиям производные образования, в том числе сложные слова и составные термины? Хотелось бы узнать отношение диссертанта к этой проблеме.

Касаясь происхождения бесермян, автор склонен поддержать мнения Т.И. Тепляшиной (1970: 21–22, 242–244) и М.З. Закиева (1990: 196), утверждавших, что бесермяне являются потомками древнебулгарского населения, принявшими ислам, а впоследствии ассимилированными удмуртскими племенами и усвоившими от них в Прикамье удмуртский язык. Между тем о происхождении бесермян имеются и другие мнения. В частности, В.К. Кельмаков в работе «Язык

бесермян в системе удмуртских диалектов» (НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Удм. ун-т. Устинов, 1987. Т. 1: Языкознание. С. 113–115) относит бесермян к особым удмуртским племенам, испытавшим определенное влияние со стороны тюркских языков. Об этом диссертант почему-то умалчивает (С. 39).

У нас имеется и ряд других незначительных замечаний, в частности, в обзоре литературы не использованными остались работы Л.Ш. Арсланова «Топонимия удмуртского происхождения в Елабужском и Менделеевском районах Татарской АССР (Пермистика 2. Ижевск, 1991. С. 144–149), Ф.С. Баязитовой «Взаимовлияние татарского и удмуртского языков в говорах причепецких татар» (Пермистика 2. Ижевск, 1991. С. 126–132), И.В. Тараканова «Межнациональные языковые контакты в Волжско-Камском регионе» (Дiasпоры Урало-Поволжья. Ижевск, 2005. С. 180–183).

В работе имеются также некоторые описки и ошибки транскрипционного и орфографического характера (см. С. 61, 62, 63, 169, 241, 391).

В целом в своей диссертационной работе И.С. Насипов решает крупную научную проблему, в ней теоретически осмыслены и обобщены сущность и особенности проникновения и функционирования финно-угорской заимствованной лексики в словарном составе отдельных диалектов и отчасти литературного татарского языка. Каждая глава по-своему содержательна, интересна, богата наблюдениями и выводами, подкреплена обширной библиографией. Это говорит о том, что исследователь хорошо знает специальную литературу своих предшественников как по финно-угорскому, так и тюркскому языкознанию. Об этом свидетельствует и библиография диссертации, состоящая из 493 названий теоретических исследований и 105 справочной литературы. Всего 608 наименований.

Имеющиеся в рецензируемой диссертации небольшие недочеты, как видно из изложенного выше, не носят принципиального характера, они касаются в основном частных вопросов, поэтому ничуть не снижают ее научной ценности.

Рецензируемая работа представляет собой законченное исследование и является крупным вкладом не только в тюркское, но и финно-угорское языкознание в целом. И ее автор, вне всякого сомнения, заслуживает присуждения ему искомой степени доктора филологических наук.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры современного удмуртского языка и методики преподавания Удмуртского государственного университета 8 сентября 2010 г.

9.09.2010 г.

Поступила в редакцию 4.08.2010

РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ

УДК 39(037)

В.И. Рогачев

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ РУССКОГО И ФИННО-УГОРСКИХ (МОРДОВСКОГО) НАРОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Учебно-методический комплекс курса по выбору

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева»
Факультет филологический
Кафедра литературы и методики обучения литературе

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ

«Обрядовая поэзия русского и мордовского народов: Сравнительный аспект»

Направление Филология

Специальность 031001 – Филология. «Мордовский язык и литература»
с доп. спец. «Русский язык и литература»

Индекс цикла по ГОС ДПП (ГСЭ, ЕН, ОПД, ДПП, ДПП, ДДС, ФТД)

Форма обучения	очная
Семестр	второй
Вид отчетности	зачет
Всего часов по ГОС	50
Лекций	32
Самостоятельная работа	18

Рабочая программа составлена на основании государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования специальности 032900 «Мордовский язык и литература» с дополнительной специальностью «Русский язык и литература», утвержденного Минобрнауки в 2005 году и на

основании примерной программы дисциплины «Обрядовая поэзия русского и мордовского народов: Сравнительный аспект».

Составитель рабочей программы

Рогачев В.И.,

Рабочая программа утверждена
на заседании кафедры

профессор кафедры литературы
«28» августа 2010 г.
протокол № 1

«Обрядовая поэзия русского и мордовского народов: Сравнительный аспект» – важный фольклорно-этнографический и литературный курс, изучаемый студентами филологических факультетов. Его задачей является не только усвоение закономерностей развития важного раздела фольклора – обрядовой поэзии, тесно связанной с закономерностями литературного процесса на ранних стадиях его становления, но и знакомство со своеобразным миром, земледельческим бытом и сельскохозяйственным календарем русского и мордовского народов, русской и финно-угорской народной словесности, выявление эстетической сущности народной поэзии, которая явилась художественным фундаментом национальной литературы младописьменных народов.

Обрядовая поэзия отражает не только реально сложившийся порядок вещей, устоявшийся земледельческий быт, но и воплощает мировоззренческие представления патриархального общества.

Специфика курса заключается в его тесной связи с историей и этнографией народов России.

Курс «Обрядовая поэзия русского и мордовского народов: Сравнительный аспект» читается для студентов по специальности «Филология. Морд. яз. и литература» с доп. спец. «Русский язык и литература» очной формы 5 курса (2 семестр) и состоит из теоретической (32 ч) и самостоятельной работы (18 ч) частей. Форма отчетности по курсу – зачет.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КУРСА

Курс «Обрядовая поэзия русского и мордовского народов: Сравнительный аспект» является одной из специальных дисциплин, изучаемых на филологическом факультете по выбору студентов.

Целью курса является расширение сферы профессиональной компетентности студентов. Курс по выбору призван сформировать у студентов, обучающихся в русских и мордовских группах гуманитарных факультетов, широкое представление об устно-поэтическом творчестве народов России, о том, что такое «народная литература» в ее тесной связи с региональным литературным процессом, с формированием многих составляющих духовной культуры людей. Курс, читаемый студентам, открывается вводной лекцией, носящей историографический и теоретико-литературоведческий характер.

Основной *задачей* предлагаемого курса является информационно-аналитическое представление целого комплекса проблем фольклора российских

народов, их взаимодействия, взаимообогащения и развития. Так, в современной фольклористике в силу целого ряда объективных и субъективных причин остаются нерешенными проблемы, связанные со спецификой развития фольклорных процессов, жанровых, видовых изменений, межнационального взаимовлияния в области духовной культуры и других не менее сложных эволюций в современном динамично развивающемся мире.

Изучение данного курса в специальной подготовке учителя-словесника определяется той ролью, которая сейчас отводится интеграции курсов истории культуры родного края, в рамках такого вида традиционной человеческой деятельности, как фольклор – важной составляющей духовной культуры народов России XX – нач. XXI в.

Программа курса по выбору «Обрядовая поэзия русского и мордовского народов: Сравнительный аспект» разработана в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов и может являться составной частью предметной подготовки будущих учителей русского языка и литературы, начальных классов, педагогов, в самом широком смысле этого слова.

В результате изучения курса студент **получит возможность:**

- сформировать понятие об устном народном творчестве как одной из разновидностей словесного искусства;
- углубить знания по русскому и мордовскому фольклору, об их типологическом единстве, а также о взаимодействии и интегративных процессах в устной поэзии народов;
- изучить специфику народного творчества (таких его жанров, как обрядовая поэзия) и ее поэтику;
- научиться эффективно работать с текстами хрестоматий, полевыми материалами, соотносить историко-этнографический материал с текстами, определять роль и место обряда в поэтическом контексте, что в значительной степени будет способствовать широте и научной компетентности студента в вопросах фольклора народов России. Предложенные для изучения темы могут стать важной составляющей гуманитарного образования, будут содействовать формированию у студентов знаний, умений и навыков, собственной точки зрения, разовьют склонность аргументированно отстаивать свою позицию по тем или иным сложным проблемам устного народного творчества. Любовь к родной культуре позволит студенту на качественно новом уровне осмысливать и осваивать материал.

ТРЕБОВАНИЯ К УРОВНЮ ОСВОЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КУРСА

В результате изучения курса студенты должны овладеть следующими компетенциями:

иметь представление:

- о специфике обрядового фольклора как искусства слова, об основных закономерностях функционирования устной поэзии в обряде, ее идейно-эстетических функциях;

- о жанровом богатстве обрядового фольклора русского и мордовского народов, важности и значимости обрядовой поэзии в структуре устного народного творчества;

- о научной терминологии и принципах анализа обрядовой поэзии;
- об обрядовом фольклоре в широком контексте этнической культуры, быта, хозяйственной деятельности, семейной жизни народа;

- о различных теориях и взглядах на природу обрядовой поэзии русских и мордвы, специфике бытования календарно- и семейно-обрядовой поэзии;

- об анализе произведений обрядовой поэзии с учетом их особенностей;

знать:

- историю зарождения обрядовой поэзии;
- основные закономерности создания обрядовых произведений и их идейно-эстетические функции;

- специфику обрядовой поэзии как искусства слова;
- систему жанров обрядовой поэзии;
- методы, приемы анализа и интерпретации обрядовых произведений;
- основные закономерности развития обрядовой поэзии с древнейших времен по настоящее время;

- общие и специфические закономерности развития обрядовой поэзии, ее место в национальном фольклоре;

- методы и приемы анализа и интерпретации обрядовых произведений;

уметь:

- использовать полученные знания в самостоятельной изыскательской и аналитической работе по изучению обрядовой поэзии как составной части устного народного творчества;

- при анализе поэтики обрядовых произведений оперировать литературоведческими терминами, усвоенными в процессе изучения предложенного курса;

- дифференцировать жанровую природу обрядовых произведений, давать целостный анализ образцам календарной и семейной поэзии русского и мордовского народов в сравнительном аспекте;

- составлять аксиологический и культурологический комментарий к изучаемым произведениям обрядовой поэзии;

- выражать собственное мнение об эстетической ценности произведений, обрядовой поэзии, уметь отстаивать свою точку зрения в научном споре, дискуссии.

- *знать специфику фольклора как искусства слова и феномен народной культуры, основные закономерности создания устной поэзии и его идейно-эстетические функции;*

- *знать историю зарождения и развития фольклора;*

- *усвоить основные закономерности создания фольклорных произведений и их идейно-эстетические функции;*

- *определять специфику устного народного творчества как искусства слова;*

- *знать сущность фольклорного произведения в аспекте содержательной формы;*

- понимать систему родов, жанров, жанровых разновидностей устного народного творчества;
- владеть методами, приемами анализа и интерпретации фольклорных произведений;
- уметь использовать полученные знания в самостоятельной изыскательской и аналитической работе по изучению устного народного творчества;
- владеть базовым культурологическим и литературоведческим понятийным аппаратом;
- пользоваться основными приемами и методами аналитического мастерства, понимать специфику такого вида духовной культуры как фольклор;
- уметь дифференцировать жанровую природу фольклорных произведений, давать целостный анализ образцам устного народного творчества русского и финно-угорского народов в сравнительном аспекте;
- уметь составлять аксиологический и культурологический комментарии к изучаемым произведениям народной поэзии;
- выражать собственное мнение об эстетической ценности произведения, отстаивать свою точку зрения в научном споре, дискуссии.

ПРИМЕРНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

№ п/п	Наименование темы	Количество часов			
		Общая трудоемкость	ЛЗ	ПЗ	СРС
1.	Историография изучения русской и мордовской обрядовой поэзии	3	2	0	2
2.	Обряд как фольклорно-этнографический комплекс. Отражение языческих культов и древних воззрений в календарно-обрядовой поэзии русских и мордвы	3	2	0	1
3.	История и современное бытование обрядов, обычаев и традиций русского и мордовского народов	3	2	0	1
4.	Основные жанры обрядовой поэзии и их функционирование в системе духовных ценностей этносов	3	4	0	1
5.	Место обрядовой поэзии в системе духовных ценностей русского и мордовского народов	3	2	0	1
6.	Зимний цикл календарно-обрядовых песен русского и мордовского народов. Сравнительный аспект	4	4	0	2

Продолж.

7.	Весенне-летний и осенний циклы календарных обрядовых песен русских и мордвы. Сходство и различия	6	4	0	2
8.	Семейная обрядовая поэзия. Свадьба русских и мордвы: сравнительно-этнографический аспект	6	4	0	2
9.	Семейная обрядовая поэзия. Русская и мордовская свадьба как драматическое обрядово-ритуальное действо. Художественные особенности свадебных жанров, традиционные мотивы и образы. Специфические особенности поэтики свадебных причитаний. Характер исполнения песен, их функции в обряде	6	4	0	2
10.	Семейная обрядовая поэзия. Обряды жизненного цикла и поэзия, связанные с рождением ребенка	3	2		2
11.	Рекрутские и похоронные причитания в устном творчестве русского и мордовского народов. Характер и особенности художественно-изобразительных средств	3	2		2
	Всего:	50	32	0	18

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Тема 1

Историография изучения русской и финно-угорской (мордовской) обрядовой поэзии

Историография изучения русской и финно-угорской (мордовской) обрядовой поэзии. История собирания и изучения русского и мордовского обрядового фольклора. Собирающие, издание и изучение фольклора в XVIII в. Основные этапы развития историографии фольклористики XIX как один из важнейших этапов становления и развития российской науки о фольклоре. Основные работы по обрядовой поэзии русского народа.

Место и роль русских и финских фольклористов в собирании и изучении произведений обрядового фольклора. Х. Паасонен и А.А. Шахматов как основоположники национальной фольклористики. Основные труды и их историографическая ценность. Деятельность М.Е. Евсевьева по сбору обрядовой поэзии.

Тема 2

Обряд как фольклорно-этнографический комплекс. Отражение языческих культов и древних воззрений в календарно-обрядовой поэзии русских и мордвы

Обряд как фольклорно-этнографический комплекс. Отражение языческих культов и древних воззрений в календарно-обрядовой поэзии русских и мордвы. Отражение истории, быта, трудовой деятельности и верований в календарно-

обрядовой поэзии. Возникновение народно-поэтического творчества на основе жизненной практики человека. Культы природы и циклы обрядов, связанных с различными видами хозяйственно-трудовой деятельности. Установление земледельческого календаря.

Тема 3

История и современное бытование обрядов, обычаев и традиций русского и финно-угорских (мордовского) народа

История и современное бытование обрядов, обычаев и традиций русского и мордовского народов. «Многослойность» обрядовой культуры российских народов. Истоки и природа обрядов. Соотношение календарной и семейной обрядности и песен. Обряд и песня: характер взаимодействия в традиционной культуре.

Тема 4

Основные жанры обрядовой поэзии и их функционирование в системе духовных ценностей этносов

Основные жанры обрядовой поэзии и их функционирование в системе духовных ценностей. Жанры и жанровые разновидности обрядового фольклора. Взаимодействие жанров.

Тема 5

Место обрядовой поэзии в системе духовных ценностей русского и финно-угорских (мордовского) народов

Место обрядовой поэзии в системе духовных ценностей русского и мордовского народов. Возникновение обрядовой поэзии. Изучение обрядовых песен. Влияние на обрядовую поэзию языческой и христианской религии. Связь обрядовой поэзии с мировоззрением этносов.

Тема 6

Зимний цикл календарно-обрядовых песен русского и финно-угорских (мордовского) народов. Сравнительный аспект

Зимний цикл календарно-обрядовых песен русского и мордовского народов. Сравнительный аспект. Связь языческого и христианского календарей. Черты двоеверия в календарно-обрядовой поэзии. Распределение календарных праздников в течение года. Поэзия зимнего цикла, функции и связи с устойчивыми обычаями. Отражение символического значения в масленичных обрядах и песнях.

Тема 7

Весенне-летний и осенний циклы календарных обрядовых песен русских и мордвы. Сходство и различия

Весенне-летний и осенний циклы календарных обрядовых песен русских и мордвы. Сходство и различия. Функции обрядов, связанных с сельскохозяйственным трудом. Разновидности песен, связанных с обрядами (уборкой урожая и жатвой).

Обряды, посвященные культу земли, солнца, хлеба и временам года, отражение языческих верований, анимистических, тотемистических, антропоморфических воззрений в семицко-троицких обрядах. Поэтика и стиль хороводных песен.

Тема 8

Семейно-обрядовая поэзия. Свадьба русских и мордвы: сравнительно-этнографический аспект

Семейно-обрядовая поэзия. Свадьба русских и мордвы: сравнительно-этнографический аспект. Свадебная обрядность и поэзия. Основные этапы свадьбы, их последовательность. Персонажи свадьбы и их функции в обряде. Причитания невесты. Песни свахи. Приговоры дружки. Величальные и корильные свадебные песни. Мордовские корильные, величальные и эротические песни.

Тема 9

Семейная обрядовая поэзия. Русская и мордовская свадьба как драматическое обрядно-ритуальное действо. Художественные особенности свадебных жанров, традиционные мотивы и образы. Специфические особенности поэтики свадебных причитаний.

Характер исполнения песен, их функции в обряде

Семейная обрядовая поэзия. Русская и мордовская свадьбы как драматическое обрядово-ритуальное действо. Художественные особенности свадебных жанров, традиционные мотивы и образы. Специфические особенности поэтики свадебных причитаний, характер исполнения, функции. Ролевой характер песен. Коллективное и индивидуальное исполнение свадебных песен.

Тема 10

Рекрутские и похоронные причитания в устном творчестве русского и мордовского народов. Характер и особенности художественно-изобразительных средств

Семейно-обрядовая поэзия. Обряды жизненного цикла и поэзия, связанная с рождением ребенка. Основные этапы (крещение, первая стрижка, разрезание пут и др.) Место и роль родильно-крестильной обрядности и фольклора русских и мордвы в обрядах жизненного цикла. Специфика и вариативность этого фольклорного жанра.

Тема 11

Рекрутские и похоронные причитания в устном творчестве русского и мордовского народов.

Характер и особенности художественно-изобразительных средств

Рекрутские и похоронные причитания в устном творчестве русского и мордовского народов. Характер и особенности художественно-изобразительных средств. Эстетическая ценность рекрутских и похоронных причитаний. Особенности погребально-поминальной обрядности мордвы и ее связь с поэзией. Центральные образы рекрутских и похоронных причетов. Содержание, композиция и поэтика погребальных песен русских и мордвы.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Аникин, В.П. Русский фольклор: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1990.
2. Аникин, В.П., Круглов, Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. – Л.: Просвещение, 1987.
3. Байбурин, А.К. Календарь и трудовая деятельность человека. – М., 1989.
4. Евсеев, М.Е. Мордовская свадьба // Избр. тр.: в 5 т. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – Т. 5. – С. 7–341.
5. Кравцов, Н.И., Лазутин, С.Г. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 1983.
6. Круглов, Ю.Г. Русские обрядовые песни. – М., 1982.
7. Круглов, Ю.Г. Русские свадебные песни. – М., 1989.
8. Лазутин, С.Г. Жанровые особенности поэтики русского фольклора // Вопросы литературы и фольклора. – Воронеж, 1974.
9. Пропп, В.Я. Русские аграрные праздники. – Л., 1963.
10. Пропп, В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. – 1964. – № 4. – С. 58–76.
11. Пропп, В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Русское устное народное творчество: Хрестоматия. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 34–36.
12. Костюхин, Е.А. Лекции по русскому фольклору: Учеб. пособие для вузов. – М., 2004.
13. Мордовская свадебная обрядность и поэзия (по фольклорно-этнографическим материалам Шугуровского брачного округа) / сост. В.И. Рогачев. – Саранск: МГПИ, 2004.
14. Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. – СПб., 1910.
15. Рогачев, В.И. Свадьба мордвы Поволжья. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004.
16. Русское устное народное творчество: Хрестоматия по фольклористике / сост. Ю.Г. Круглов, О.Ю. Круглов, Т.В. Смирнова. – М.: Высшая школа, 2003.
17. Плесовский, Ф. В. Свадьба народа коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968.
18. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. – Т. 7, ч. Календарно-обрядовые песни и заговоры. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981.
19. РФ НИИГН. Папка М. Е. Евсеева. «Мокшанская свадьба».
20. РФ НИИГН. Рукопись Н. Учватова «Мокшень свадьбась».

Дополнительная

1. Аникин, В.П. Календарная и свадебная поэзия. – М., 1970.
2. Афанасьев, А.Н. Живая вода и вещее слово. – М., 1969.
3. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения на природу. – Т. 3. – М., 1969.
4. Байбурин, А.К. Похороны и свадьба / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд. – М., 1990. – С. 64–99.

5. Балашов, Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба / Ред.-сост. муз. части А.М. Мехнецов. – М., 1985.
6. Девяткина, Т. П. Мокшанские свадебные обряды и песни / Т. П. Девяткина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992.
7. Евсеев, М.Е. Мордовская свадьба. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990.
8. Зорин, Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1981.
9. Кагаров, Е.С. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии. – Л., 1929. – С. 152–193.
10. Календарно-обрядовые песни и заговоры. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981.
11. Конка, У.С. Карельская свадебная причитальщица – ИТКЕТТАЈА «возбудительница плача» // Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор. – Л., 1974. – С. 236–243.
12. Корнишина, Г.А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. – Саранск: МГПИ, 2000.
13. Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н.П. Колпакова. – Л., 1973.
14. Майнов, В. Н. Очерк юридического быта мордвы. – Саранск, 2004.
15. Мокшанские причитания. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979.
16. Мокишин, Н.Ф. Религиозные верования мордвы: историко-этнографические очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998.
17. Поэзия крестьянских праздников. – Л, 1970.
18. Рогачев В.И. «Мордовская свадьба» М. Е. Евсеева: структура, принципы организации, жанровое своеобразие // Вестн. Мордов. ун-та. – 1995. – № 4. – С. 16–19.
19. Рогачев, В.И. Свадебная обрядность мордвы: Девичья баня: Ритуал и причитания невесты // Роль науки в социально-экономическом развитии Республики Мордовия: материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию НИИ гуманитар/ наук при Правительстве РМ, 18 декабря 2002 г. – Саранск, 2003. – С. 150–155.
20. Рогачев, В.И. Свадебные песни финнов и мордвы: соответствия и параллели // Финно-угроведение. – 2002. – № 1. – С. 139–142.
21. Рогачев, В.И. Свадьба и боги. Небесные и земные покровители в свадебной обрядности и фольклоре // Народное образование Республики Мордовия. – 2004. – № 2–3. – С. 159–173.
22. Русская народная поэзия: Обрядовая поэзия / Сост. и подготов. текста К. Чистова и Б. Чистовой; Вступ. ст., предисл. к разделам и коммент. К. Чистова. – Л., 1984. – С. 185–527.
23. Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия / под ред. М. Новиковой. – М.: Высшая школа, 1987.
24. Степанова, А.С. Карельские свадебные причитания и ритуальная свадебная баня // Обряды и верования народов Карелии. – Петрозаводск, 1988. – С. 106–130.
25. Султангареева, Р.А. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор / УНЦ РАН. – Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 1994.

26. Сурхаско, Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). – Л.: Наука (ЛЮ), 1977.

26. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. – Т. 6, ч. 2. Мокшанская свадебная поэзия. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975.

27. Федянович, Т.П. Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы. – Саранск, 1990. – С. 96–125.

28. Федянович, Т.П. Свадебные обряды мордвы // Семейные обряды мордвы. – Саранск, 1984. – С. 18–76. – (Тр. МНИИЯЛИЭ; вып. 76).

29. Федянович, Т.П. Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы. – Саранск, 1990. – С. 96–125.

30. Эрзянская свадебная поэзия. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972.

Интернет-источники

1. <http://www.philology.ru> (Филологический портал Philology.ru)

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

1. Составить библиографический список по историографии изучения русской и мордовской обрядовой поэзии (не менее 5–7 источников по каждому разделу).

2. Написать реферат: «Отражение языческих культов и древних воззрений в календарно-обрядовой поэзии эрзян и мокшан».

3. Составить схему: «Жанровая классификация русского фольклора».

4. Подготовить письменную работу на тему: «Принципы классификации обрядовой поэзии эрзи и мокши».

5. Написать реферат: «Календарно-обрядовая поэзия русских, эрзи и мокши: сравнительный аспект».

6. Подготовить выступление: «Место семейно-обрядовой поэзии в духовной культуре русских, эрзи и мокши».

7. Написать реферат: «Особенности свадебно-обрядового фольклора эрзи и мокши».

9. Подготовить доклад: «Русская свадьба в Мордовии: региональная специфика».

10. Подготовить выступление «Отражение культа предков в свадебной поэзии эрзи и мокши».

11. Написать реферат: «Предметный мир русской и эрзя-мокшанской свадьбы»

12. Сравнить структуру календарно-обрядовой поэзии русских, эрзян и мокшан.

13. Найдите общее и специфическое в структуре и ходе свадебного обряда русских, эрзян и мокшан.

14. В ходе анализа текста («Мордовская свадьба» М.Е. Евсевьева) выделите русские заимствования в обрядовой и поэтической части.

15. Определите в тексте (предложенному преподавателем) элементы заимствований в русской свадьбе региона.

16. Сравнить семейно-обрядовую поэзию русского и мордовского народов.
17. Дайте характеристику основным свадебным персонажам, их функциям, песнопениям в русской и мордовской свадьбе.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Обряд как древнейший вид народной культуры. Обрядовый фольклор.
2. Основные разновидности обрядовой поэзии.
3. Календарно-обрядовая поэзия. Жанровые разновидности. Отражение истории, быта, трудовой деятельности и верований в календарно-обрядовую поэзию.
4. Зимние святочные песни.
5. Весенне-летние песни.
6. Троицко-семицкие обряды и песни.
7. Песни осеннего цикла. Их содержание.
8. Семейно-обрядовая поэзия. Жанровые разновидности.
9. Связь языческого и христианского календаря. Черты двоеверия и отражение анимистических, тотемистических воззрений и антропоморфизма в календарно-обрядовую поэзию.
10. Содержание и поэтическое своеобразие семейно-бытовых песен.
11. Типы причитаний (свадебные, похоронные, рекрутские, бытовые). Своеобразие поэтики и стиля.
12. Русская свадебная поэзия. Функции и место в обряде.
13. Мордовская свадьба. Обряд и фольклор.
14. Свадебные песни русских и мордвы.
15. «Девичья баня» и обрядовые причеты, связанные с ней.
16. Свадебные персонажи, их функции. Песни свахи.
17. Погребальные обряды и фольклор.
18. Сходство и различие свадебных и погребальных причетов.
19. Обряды и фольклор, связанные с рождением ребенка.
20. Заговоры.
21. Рекрутские песни.
22. Сходство и различие календарной поэзии мордвы и русских.
23. Жанровая близость поэзии зимнего цикла у русских и мордвы.
24. Святочные гадания. Колядки. Их связь с язычеством славян.
25. Сделать сопоставительный анализ жанрового состава обрядовой поэзии русских и мордвы.

Поступила в редакцию 8.09.2010

Рогачев Владимир Ильич,
доктор филологических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева»
г. Саранск
E-mail: rogachov-v@bk.ru

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2010 ГОДУ
В «ЕЖЕГОДНИКЕ ФИННО-УГОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

№ Стр.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Контекст влияния.....	4	7
Международный контекст и Ежегодник финно-угорских исследований	3	7
Ресурсный потенциал знания	1	7
Сохраняя и развивая традиции.....	2	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ивишин Л.М.</i> Из истории удмуртской орфографии.....	3	25
<i>Кузкин А.Н.</i> Объединяющие и разъединяющие черты языков полиэтнического Урало-Поволжья.....	1	9
<i>Мызников С.А.</i> Прибалтийско-финские наименования сосны и их рефлексy в северорусских говорах.....	1	15
<i>Насипов И.С.</i> Об источниках по удмуртским заимствованиям в кыпчакских языках Урало-Поволжья	2	9
<i>Орехова Н.Н., Лыскова И.Ю.</i> Проприальная номинация в зеркале графики (на материале европейских языков).....	4	8
<i>Тагирова Ф.И.</i> Маркеры этноспецифической информации в составе фразеологизмов (на примере татарского и удмуртского языков).....	2	17
<i>Тамбовцев Ю.А.</i> Степень влияния стиля и структуры лингвистического материала на звуковую картину мансийского языка	4	15
<i>Цыганкин Д.В.</i> Ойконимия мордовского Заволжья	3	9
<i>Эрцикова Г.А.</i> Из истории изучения служебных слов марийского языка.....	3	15

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Атаманов-Эграпи М.Г.</i> Частные и общественные моления, молитвы-куриськоны в эпосе «Тангыра»	2	21
--	---	----

Голованова Н.Ф. Семейно-бытовые баллады в мордовском фольклоре	2	39
Денисов В.Н. К 105-летию удмуртского классика М.П. Петрова.....	3	41
Липатов А.Т. «Югорно» как героический эпос и песнь о вешем пути мари́йского народа	1	22
Панина Т.И. Формулы изгнания болезни в удмуртских заговорно- заклинательных текстах.....	4	36
Рогачев В.И. О некоторых этнографических особенностях мордовской свадьбы: брачный возраст	3	35
Шаронов А.М. О природе эпико-героической поэзии народа Эрзя	4	20
Шушакова Г.Н. Модификации фольклорно-эпических героев в литературном эпическом повествовании.....	1	28

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Арекеева С.Т. Удмуртская литературная сказка 1920–1930-х годов.....	3	68
Ванюшев В.М. Опыт вольного перевода на удмуртский язык русскоязычного сочинения М. Худякова «Из народного эпоса вотяков...».....	3	60
Ванюшев В.М. Пуцек-Григорович, Екатерина Вторая и первые стихотворные публикации на удмуртском языке	1	32
Ельцова Е.В. Коми проза 1920–1930 гг.: особенности ритмической организации	2	45
Динисламова С.С. Образ природы в творчестве Ювана Шесталова.....	2	53
Жиндеева Е.А. «Легенда о серебряном всаднике» В.К. Абрамова с точки зрения синтеза православных идей писателя и языческих традиций мордвы.....	2	74
Кудрявцева Р.А. Рассказ и другие жанры малой прозы (к вопросу о «вызревании» жанровой поэтики мари́йского рассказа)	4	53
Кузнецова Т.Л. Коми повесть рубежа XX–XXI вв.: особенности художественного осмысления жизни.....	2	61
Нефедова С.М. Своеобразие психологизма рассказов А.В. Ульянова (на примере рассказа «Батлы гктыр» – Жена отцу)	4	46
Пантелеева В.Г. Переводческая деятельность в условиях глобализации: проблемы этнокультурной рецепции	1	47
Федосеева Н.А. Литературные памятники первой половины XIX века и просветительская деятельность духовенства в Мари́йском крае	1	40

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Берестова Е.М. Фонды центрального государственного архива УР как источник изучения процесса христианизации народов Вятско-Камского междуречья.....	1	86
Загребин А.Е. Этнографический текст и просветительский проект: авторские интерпретации	3	85
Кережи А., Сойка Э. Финляндия глазами венгров	1	60

<i>Кузнецов Е.П., Хуснуллин М.И., Семенов Ю.В., Русских А.Н.</i> Ландшафтно-топонимические маркеры транзитных зон Великого Северного Пути ..	4	61
<i>Макаров Л.Д.</i> О прошедшем знаменательном юбилее	2	80
<i>Мельникова О.М.</i> Археология на страницах «Вятских епархиальных ведомостей»	3	77
<i>Никитина Г.А.</i> «Крупхозы» в аграрном секторе Удмуртии: опыт успешных адаптационных практик	1	52
<i>Петровский М.А.</i> Становление и развитие службы крови на территории Республики Коми в предвоенные годы (1935–1941 гг.)...	2	88
<i>Попова Е.В.</i> Культурные объекты в этнических смешанных селениях: опыт межэтнического и конфессионального взаимодействия	1	74
<i>Садиков Р.Р.</i> «Удмуртская» церковь в Башкортостане (к истории православного храма в Князь-Елге)	4	70
<i>Черных Е.М.</i> Проблема происхождения традиционного удмуртского жилища в этнографических и археологических исследованиях	4	77
<i>Чураков В.С.</i> Обзор фольклорно-лингвистических и археолого-этнографических экспедиций, работавших среди удмуртов в 20-е – 30-е годы XX века	2	102
<i>Юрпалов А.Ю.</i> Роль музея Сарапульского уездного земства в этнографическом изучении Среднего Прикамья	2	116

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО

<i>Косарева И.А.</i> Традиционное декоративно-прикладное искусство срединных удмуртов	4	93
<i>Пчеловодова И.В.</i> Аэрофоны в системе традиционной инструментальной культуры удмуртов	1	95
<i>Семакова И.Б.</i> О проблемах развития традиционных смычковых хордофонов финно-угорских и соседних с ними народов	3	95
<i>Семенов Д.Ю.</i> Александр Пилин: эскиз творческого портрета	2	121
<i>Файзуллина Д.Ф.</i> Элементы костюма населения Волго-Камья раннего железного века как начальная точка формирования традиционного костюма народов финно-угорской языковой семьи	4	85

ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ

<i>Денисов В.Н.</i> К вопросу о создании Единой Фонотеки удмуртских архивных записей: принципы, методы и технологии	1	109
<i>Игнатьева О.В.</i> Способы передачи венгерских реалий (на материале венгерско-удмуртских переводов А.Н. Уварова)	3	109
<i>Родионова Е.В.</i> Изучение современной удмуртской и венгерской прозы с точки зрения феномена маргинальности	4	99
<i>Рябина Е.С.</i> Словарный запас цветообозначений у удмуртов: гендерные и возрастные различия	2	127
<i>Ураськина Н.И.</i> Некоторые трудности изучения сложноподчиненных предложений русского языка в национальной (удмуртской) школе ...	1	118

Чушъялова А.П. Исчезающие финно-угорские языки Российской Федерации на примере ижорского языка (опыт полевого исследования)	3	118
---	---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

Ботникова Е.А. Соматический и психоэмоциональный статус учащихся общеобразовательных школ и гимназий города и села	4	110
Шадрин В.А. Состояние и развитие лесов центральной части территории Удмуртии (на примере природнохозяйственной системы села Люк Завьяловского района). Часть 1. Условия и особенности развития в ландшафте, методы исследований	4	116

ДИСКУССИИ, ГИПОТЕЗЫ

Аннес А., Редлин М. Деревенская мужественность (маскулинность)	2	136
Арзамазов А.А., Баженов П.Н. Paris–Izhevsk / Ижевск–Париж: vis-à-vis	3	125
Родионов В.Г. О сообществе финно-угорских народов Урало-Поволжья и чувашей в поликультурном пространстве России XXI в.	2	144
Тамбовцев Ю.А. Частота встречаемости фонемных групп и классов в звуковых цепочках финно-угорских языков и диалектов	1	125
Финно-угорский мир: опыт и проблемы. Итоги XI Международного конгресса	3	130

РЕЦЕНЗИИ

Атаманов М.Г. Ученый, воин, человек с большой буквы	2	152
Камитова А.В. Новый учебник удмуртской литературы	3	135
Пантелеева В.Г. О знакомом и незнакомом Герде	2	159
Рогачев В.И., Ваганова Е.Н. О мифах с любовью	1	134

ОТЗЫВ

Отзыв на диссертацию А.Е. Загребина «Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII–XX вв.: вопросы истории, теории и практики «Этнография, этнология и антропология» (А.А. Никишенков)	1	142
Тарakanов И.В. О диссертации И.С. Насипова «Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия»	4	130
Шибанов В.Л. Новое слово об этнофутуризме	3	139

ЮБИЛЕИ

На подступах к постструктурализму. К 60-летию проф. А.С. Измайловой-Зуевой (В.Л. Шибанов)	1	149
На юбилей Хелле Метсланг	3	142
Профессору М.В. Мосину – 70 лет	3	148
Юбилей профессора Д.В. Цыганкина	3	144

РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ

<i>Журавлева А.Н.</i> Экологические основы природопользования	3	151
Использование астрономических и геофизических понятий удмуртов в преподавании школьного курса «Астрономия» и вузовских дисциплин национально-регионального компонента: Особенности методики преподавания курсов с астрономическим содержанием (<i>А.И. Гатауллина</i>).....	1	162
<i>Рогачев В.И.</i> Обрядовая поэзия русского и финно-угорских (мордовского) народов: сравнительный аспект	4	135
<i>Седельникова В.Г.</i> Музыкальная культура Удмуртии	2	161

К 65 – ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Удмуртская музыкальная культура в годы Великой Отечественной войны (<i>А.Н. Голубкова</i>).	1	155
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2010 году в «Ежегоднике финно-угорских исследований»	4	147

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем вас к сотрудничеству в издании
«Ежегодника финно-угорских исследований»**

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.; для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1, с.5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений – 10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример:* Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104

тел./факс: 8 (3412) 52-61-83

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. глав. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 4

Под редакцией *Н.И. Леонова*

Составители – *А.Е. Загребин, А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л.Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *Н.Ю. Юрпалова, И.В. Широбокова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 20.07.2010. Печать офсетная.
Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 13,47. Уч.-изд. л. 11,02.
Тираж 300 экз. Заказ № 1236

Издательство «Удмуртский университет»
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru